

Война от первого лица

Учредитель:
ООО «Артофвар»

Генеральный директор:
Аркадий Бабченко

Главный редактор:
Илья Плеханов

Редакционная коллегия:
Илья Плеханов
Аркадий Бабченко

Директор по распространению:
Анна Кунарева

Дизайн и верстка:
Оксана Мисирова

Корректоры:
Анна Кунарева, Иван Николаев

Адрес для корреспонденции:
115573, г. Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
www.navoine.ru
Email: almanax-war@mail.ru
Тел.: 8-903-524-16-19

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
ОАО «Дом печати — Вятка»

Подписано в печать:
23.02.2008

В Москве журнал можно приобрести:
Магазин «Фаланстер».
Малый Гнезниковский переулок,
д. 12/27, стр. 3.
Тел. 629-88-21, 504-47-95
falanster@mail.ru

Магазин «Книжный Торговый
Дом Москва».
Тверская ул., д. 8

Магазин «Новой Газеты».
Страстной бульвар, д. 4

Архангельск, пл. Ленина 3, «Дом книги»

Альманах можно заказать по почте:
almanax-war@mail.ru
Перепечатка или воспроизведение
в любом другом виде целиком или
по частям материалов из альманаха
«Art of War» без ссылки на альманах
или сайт запрещается.

От редакции

...И АМБРАЗУРА СЛОЖЕНА ИЗ КНИГ

Война — одно из самых сильных впечатлений человека в его жизни, она неотделима от всех главных насущных вопросов человеческого бытия. Война стоит в одном ряду с любовью, страхом, неволей, чужбиной, верой, надеждой. Это всегда надлом черствой корки привычных будней и суестьи и сброс всей наносной чужеродной защитной пыли на душе человека. И многих война, как это ни странно, вдруг приводит к творчеству. Свой страшный опыт люди начинают перерабатывать — и вот на свет появляются стихи, проза, картины, песни, музыка...

Наш номер о таких людях, переплавивших прошлое и свой опыт в новую форму жизни и занявших новые огневые рубежи, но уже из книг, картин, мелодий. На этих рубежах не убивают, на этих рубежах поражают лишь одного врага — забвение и равнодушие. На этих рубежах защищается новое знание о жизни, уже закаленное и от того более крепкое. Наш номер о творчестве прошедших огонь войны людей, о том, как сложилась их судьба, о том, что успели написать поэты, погибшие на Чеченской, что успели нарисовать, напеть и нашептать остающимся жить и творить. Война поднимает человека на другую высоту, с которой он видит важное более отчетливо, появляется новое видение мира, новое зрение.

В этом номере вы найдете рассказ Юрия Шевчука. Это его первая проза, увидевшая свет. Рассказ об одном дне войны, о том самом дне, про который была написана песня «Рождество. Мертвый город».

Предоставляем слово Юрию Шевчуку.

«Правда о войне. Солдатская правда. Такая объемная и тесная, что нечем дышать.

В этом журнале не байки, не анекдоты, не оправдывающие себя воспоминания полководцев, тонко чувствующих ориентиры власти, и не высосанные из пальца ужасники модных триллеристов.

Этот журнал поднимает на крест один из проклятых вопросов, кровно связанных со смыслом нашего существования.

«Никто не умрет, пока не узнает, что такое война! Расскажи всем! Они должны знать!»

Кто должен знать? Эти циничные политики? Эта гламурная сволочь, мастурбирующая на все живое в центральных телеканалах? Эти свиньи, пожирающие бисер?

Нет. Это, прежде всего, нужно знать нам самим. Ставя вопрос, зачем мы были там и почему остались здесь, вышедшие благодаря искусству из одиночных камер смерти памяти, из грязи греха, ненависти и страха, с разорванными, намотанными на кулаки, подыхающими в ночных атаках мозгами, открываем в себе, изумляясь, чудо духовности.

Правда — генный код красоты духа.

Правда — единственная дорога оттуда.

И, становясь на новую, жутковатую и глубокую, как звездное небо ступень понимания, — мы продолжаем жить.

С уважением, Юрий Шевчук».

От редакции	1
ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ	4
...А ИХ НЕ СЛЫШНО В ЭТОЙ СУЕТЕ	
<i>Юрий Шевчук</i> «Город»	5
<i>Илья Плеханов</i> «Ромарио»	8
<i>Валерий Горбань</i> «Сто шестьдесят шестой»	11
<i>Анатолий Ягодин</i> «Я бог. Я поэт. И срок мой настал»	12
АФГАНИСТАН	
<i>Андрей Грачев</i> «Афганские былинки»	13
<i>Владимир Осипенко</i> «Установка»	15
<i>Валерий Ширяев</i> «Волны забвения»	21
ЧЕЧНЯ	
<i>Вячеслав Немышев</i> «Буча»	23
<i>Дмитрий Краснопеев</i> «Эфка и ПМ»	31
<i>Алексей Наумов</i> «Миниатюры»	33
<i>Александр Карасев</i> «Ферзь»	35
ИНТЕРВЬЮ	
<i>Полковник Сергей Баран</i> «Шестая рота» Беседовал Раян Фарушкин	38
ХРОНИКА ОПЕРАЦИЙ	
<i>Ильдар Бакеев</i> «Записки комендача»	42

ЧЕЧНЯ	
<i>Аркадий Бабченко</i> «Отработанный материал»	49
СУДЬБА	
<i>Егор Лосев</i> «Ион Деген: Поэт-ас»	53
ВНЕ ЗОНЫ ВИДИМОСТИ	
<i>Виктория Ивлева</i> «О любви»	58
БАЙКИ	
<i>Андрей Загорцев</i> «От скуки»	63
ПОЭЗИЯ	
<i>Михаил Кокош</i> «Сон маршала» «Рассказ»	
<i>Роман Глинка</i> «Привет, братан...»	
<i>Ион Деген</i> Поэзия военных лет	64
ПАМЯТНИКИ	
<i>Александр Манушкин</i>	66
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ	
<i>Аркадий Бабченко</i>	67
ФИЛЬМЫ О НАС	
«Александра А. Сокурова»	68
АНТОЛОГИЯ ВОЕННОЙ ПЕСНИ	
<i>Юрий Кирсанов</i> «Кукушка»	69
ВНЕ РУБРИК	
«Памятные даты»	70
<i>Ольга Касьяненко</i> «Улица псковских десантников в Грозном»	71

Прямое попадание

Воронин Алексей Яковлевич

Человек пишущий на тему войны может неоднократно менять стиль своего изложения. Эмоции войны чередуются с глубоким переосмыслением всего пережитого. Поэтому ругать или ловить автора на каких-то неточностях, дело не совсем благодарное и фактически бесполезное. Автор пишет о пережитом, не заботясь о том, как это будет воспринято читателем, не нюхавшим пороха. За одно то, что автор выложил на бумагу все наблевшее на душе, ему можно простить многое и попытаться его понять. Понять его покаяние перед людьми и временем.

Петрович/Охайо

Дочь приезжала недавно. Пошли вместе в «Museum of Modern Art» в Нью-Йорке. Вспомнил старую историю. Сезанн и Писсаро два приятеля, ученик и учитель. Обоих ежегодный живописный парижский салон с завидной регулярностью вышвыривал за борт — не то пишут, шпана, не та манера, не по «законам академической живописи».

Они объединились с единомышленниками, сделали свой живописный Салон отверженных (хм... правда, тоже на государственные денежки), и мы с вами имеем импрессионистов.

Так что... даешь Военную Литературу!

КЕСС

Понятие литературы — очень широкое понятие, оно сужается такими определениями как художественная, историческая, документальное наследие, философские трактаты... Разве можно назвать «Евгения Онегина» всего лишь беллетристикой? Сколько публицистики, философии, историософии, «документализма» — свидетельств о современной ему эпохе и ее людях...

А вообще-то, прежде чем говорить на эти темы, опять же неплохо было бы «определиться по понятиям» — что есть что... и для чего... Определив цели и стремления пишущих, можно говорить о том, насколько они соответствуют поставленным перед собою задачам... Неплохо бы определиться и по понятию искусство и его отличие от ремесла...

Дмитрий

А вот «Один день Ивана Денисовича» — это литература? Или мемуаристика? Если отбросить отношение к теме, личность автора и прочее? На мой лично взгляд — да. Хотя бы потому, что я часто рефреном повторяю «день прошел хорошо, в карцер я не попал, ножик у меня не отобрали». Да и еще помню несколько моментов, которые «звучат».

Это к тому, что есть много похожих произведений, но с большей кажущейся долей документальности. Да не то что похожих, а напрямую отсылающих к прототипу. Я про афганский «Один день, который за три» Владимира Григорьева. И вроде документальность не вредит, а даже наоборот.

Павел Ширшов

Все очень плохо. Все просто предельно плохо в ветеранском движении, а еще точнее, такое как явление перестало существовать вовсе в России, потому, что когда было стремление сделать что-то полезное для всех, сейчас есть стремление сделать что-то полезное для себя. Раньше большинство отвоевавших стремилось объединиться, чтобы мы были силой, чтобы нас слышали, сегодня каждый схватился обеими руками за свое кресло, или стул, и держится за него, забыв о других. Раньше мы были объединены — ветераны Афгана, Вьетнама, Анголы, Кубы. Сегодня мы все врозь, разделенные городами, ветеранскими организациями, полками, дивизиями, ротами, годами службы, родами войск, профессиональными воинскими праздниками, формой одежды, сайтами. ВСЕ ВРОЗЬ.

Вопрос — ПОЧЕМУ? Если виноваты мы, то стоит поменять ситуацию, если разъединение навязано извне, то тем более стоило бы задуматься и пойти против чужой воли.

Кто-то скажет: вот ты один, без кресла, а потому и пытаешься собрать идиотов, чтобы сесть во главе их, набрать клики на своем сайте и так далее. Но во-первых, мне это все не нужно, я достаточно успешный человек. А во-вторых, надоело все считать на баксы, рубли, клики, доходность... Ведь не этим же мы держались на войне.

Горбань Валерий Вениаминович

«А мы сами туда ворвемся, в Литературу, никого не спрашивая, в берцах!» Между прочим, эти слова (в приблизительной траХтовке) принадлежат Прилепину. Я Захара за это высказывание просто обожаю (не надо ухмыляться, сурово обожаю, по-мужски, без глупостей). Да, и мы ее создаем. Сама эта бесконечная, но не теряющая остроты дискуссия, показывает, как она заставляет людей встрепенуться и ДУМАТЬ.

Захар Прилепин

Я здесь говорил уже: за каждое слово и за каждый случай, описанный в книге, я готов на любом суде отвечать — и никто никогда не докажет, что я что-то выдумал. Приукрасил или чуть замазал — по собственному желанию — но фактология достоверна абсолютно.

А пока у нас власть окончательно с ума не сошла и за недостоверное, на ее взгляд, изображение лучезарной российской действительности в суды не тащит, я при себе придержу, кто я в книге, где я в книге, под чьим псевдонимом спрятался. Это моё личное дело.

Я сам не очень люблю, когда люди там не бывавшие, пишут о Чечне — тут же, признаюсь, и мой собственный снобизм зудит: С чего ж, ты пишешь, голубчик, когда тебя я там не видел?

А вдруг среди них — Шолохов? — думаю потом. Тяжело бы, думаю, пришлось Шолохову, за его, скажем, «Шибалково семья». «Ты же, парень, на Гражданской войне не был, а пишешь от первого лица! Нехорошо...» — сказали бы ему, за пуговицу прихватив.

И если появится что-то подобное, все эти, вывешенные здесь, пацанские понятия (а иначе я это назвать не могу), в том числе и мой снобизм, вместе с моими «Патологиями» — полетят к черту. Шолохов будет глубоко по фигу, вписался он в обойму или нет.

Посему мой личный вывод: если решил заниматься литературой — надо заниматься литературой. Понимать ее и принимать ее законы. А если решил с парнями бухать — бухай. Из миллионов честных солдат Великой Отечественной получилось всего несколько, не более пяти, великодушных писателей — а заглянешь в их биографии и заметишь, что Юрий Бондарев закончил Литературный институт, а Астафьев — высшие литературные курсы. Выводы очевидны? Или нет? Я для себя сделал.

Юрий Шевчук

www.ddt.ru

ГОРОД

Птица камнем упала на разбитую кирпичную стену. Осмотрелась, нервно вращая булавоочной головой, как башней игрушечного танка, наводя глаза-прицелы на обугленные внутренности убитого Города.

Вдруг её испугал шорох осыпающейся штукатурки. Под стену, нервно озираясь, пробрался снайпер.

Птичка дернула хвостиком, какнула и исчезла. «Полечу-ка от греха подальше, здесь даже мух не осталось», — на прощанье чирикнула она.

«Как они там? Чем занимаются? Впиваются, смотрят ящик, дискутируют. Влюбляются. Гуляют по магазинам. А я здесь. Не сегодня — завтра...»

Какое-то невыразительное, мутное чувство вылезло из него, просочилось сквозь кожу, камуфляж и зацепилось за эти камни, груды мусора, черные искореженные деревья, квадраты выбитых окон.

Крикнула, заикаясь, шальная очередь. Достаточно далеко. Метров двести. Не страшно — подуетил инстинкт.

Ковырнула пальцем с хрустом соседние развалины и глухо чихнула мина.

Темнело быстро. Пошел снег. Мягкий, пушистый, легкий первый снег.

Он шел торжественно и тихо, засыпая этот разбитый Город, смерзшиеся обглодан-

Снег шел торжественно и тихо, засыпая этот разбитый Город, смерзшиеся обглоданные трупы, мрачные, забитые мокрой ватой тумана небеса. «Странно. Рождество ведь сегодня. Чуть не забыл».

ные трупы, мрачные, холодные, забитые мокрой ватой липкого тумана небеса. «Странно. Рождество ведь сегодня. Чуть не забыл», — подумал он, подставляя рот летящим снежинкам, которые, как живые, мягко покусывали его лицо. Вот она — манна небесная — Благодать!

Зашевелила языком полузабытая молитва, и спешившие губы сами, бесконтрольно, вывели первые слова: «Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всемогущими мольбами отжени от мене, смиренного и окаянного раба Твоего, уныние, забвение, неразумение, нерадение...».

...А их не слышно в этой суете

Какое правительство, какая демократия? Эти слова были здесь так же чужды и так же глупо звучали, как дешевое попсовое шоу на Пискаревском кладбище.

Забросила судьба тебя в Это. И ищи смысл. Пока не сдох. Без смысла человек не может. Без него он — тварь неразумная, тварь робкая, всего боящаяся. Смысл делает из нас человек.

Город. Жизнь еще теплилась свечками в подвалах, огрызалась и воевала. Но смысл давно сбежал, уполз из этого Города. Он

вых, в запекшейся крови, бронезилов. Современный апофеоз войны — вспомнил он Верещагина. Слугами Аида, грифонами, бродила между телами похоронная команда и выклевывала, выковыривала самое главное, что осталось от человека — документы.

Эти нелепые порванные обгоревшие бумажки.

Осторожно переступая раненых, лежащих прямо на ступенях, ведущих в подвал, он протиснулся к операционной.

Врачей-хирургов было трое. Медсестер шестеро. Раненых — около сотни.

Хирурги резали, медсестры вливали в желтые пересохшие рты водку, разжимали палками челюсти, держали за руки и за ноги, если было за что держать.

Солдатики или лежали без сознания, или стонали и выли, орали нечеловеческими голосами, поминая нечеловеческую маму.

— Это ты? — тронул его за плечо молоденький зарезанный десантник. — У меня друг там, на улице, в конце очереди. Умирает. Спой ему, брат, он так любит твою «Осень...»

Спел. Смысл — работа? Да. Чтоб не сойти с ума. И он таскал, держал, успокаивал, вливал, пел, пел, пил, молчал, единственно — только не резал.

...А их не слышно в этой суете

«Славу русский поэт искони предоставляет военным и этой славе преклоняется», — писала Цветаева. Славные русские воины белели, желтели и умирали в этом подземелье, съжившиеся от боли. В глазах темнело, и он почти уже не различал лиц и тел, шатало и бросало, как пьяного, из стороны в сторону.

— Девочки, поставьте мне капельницу, — попросил он в минуту передышки. — Я почти трое суток не спал.

Медсестра воткнула в земляной пол лыжную палку, ввела в вену иголку с трубкой, повесила банку и мягко шепнула: «Удачи».

После капельницы он переполз в чулан или чердак, не разбирая. Там валялись старые пыльные матрасы. Он упал на один из них и устался в гнилые доски потолка. Сна не было, спирт и димедрол уже не брали. Реальность смешалась с вымыслом, каким-то бредом, галлюцинацией. Он наяву видел, как маршировали по Красной площади отрезанные руки и ноги. Они бегали, пожимая друг другу ладони, приветствовали правительство и играли в футбол.

Начался обстрел. Как по расписанию взревела, застонала, кромсая город, тяжелая артиллерия из Толстой-Юрта. Она отработывала и так уже до фундаментов разбитые кварталы.

В углу зашевелилось тряпье, и из-под него выползла еле различимая в темноте девушка. Она придвинулась к нему, прильнула, дрожа всем телом, всей грудью, и воткнула нос в его горло.

— Я медсестра... После двух суток... А вы? Как страшно...

— Да уж... Невесело.
— А вы когда-нибудь были в зоопарке? — вдруг спросила она.

— Да, был в детстве... Не понравилось.

— А я не была. Почему-то меня это мучает здесь. Так хочется увидеть зверей мирных... в клетках... а не пацанов с

автоматами... Вчера собаку бойцы принесли, с оторванной лапой, обрыдалась. В зоопарке — мир, животные, птицы, чистенькие, накормленные... а здесь... мне кажется, все — мертвые. Даже те, кто живые — мертвые. Просто разные стадии смерти у людей. Еще до пули, до ранения — умирают потихонечку. Вы знаете, кому бы я об этом ни говорила, никто меня не понимает. Главврач кричит — работай, сука! Нечего тут философствовать! Может, он и прав.

— Безусловно. Чем меньше думаешь, тем легче быть мертвым.

— А вы симпатичный, — приподнявшись над ним, прошептала она. Ее взгляд на цыпочках пробежал по его лицу.

— Да уж... симпатичный... Хе-хе.

Медсестра воткнула в земляной пол лыжную палку, ввела в вену иголку с трубкой, повесила банку и мягко шепнула: «Удачи».

— Вы знаете, почему я так сказала?

— Почему?

— Вы живой. Вы единственный живой, кого я здесь встретила. Я чувствую — вы другой. Вы никого не убили ведь, правда?

— Да, рука не поднялась еще, правда.

— Вот вы и живой поэтому... И я живая.

— Хм. И мы Адам и Ева в сгоревших райских кушах.

— Вы хотите меня сейчас?

— Ммммм...

— Вдруг завтра нас уже не будет? И мы тоже умрем-убьем? Давайте, пока живые! — и, судорожно обняв его, протиснула свои ладони под его камуфляж.

— Подождите... Я неделю не мылся. Это же — ужасно!

— Вот и славно, не мылся! Чукча ты мой дорогой. А я сейчас спирта принесу — и помоем, — торопливо прокричала она, выбегая... из этой спальни.

— Тебе пора.

— Куда?

— Домой, — ответили ему бойцы. Так всегда говорили всем, кому пора было отлежаться, перекурить, не ходить пару дней на задания, или, как ему, штатскому — домой.

— У тебя глаза не те, бояться перестал, на рожон лезешь, инстинкты стерло, убьют — домой.

Они летели на старом БТРе, рассекая туман: он, Ваня, Чек, Алена, Вася-Ёбстудей, танкист без танка, Володя, и еще несколько офицеров-спецназовцев, МЧСников и артиллеристов. Летели пьяные и орали во все

горло в простуженные небеса: «Наш паровоз вперед летит, и есть еще винтовка!»

Развернувшись юзом на сто восемьдесят градусов перед испуганными летчиками и самолетом, чуть не задев крыло, братва посыпалась на бетонку, грязную взлетную полосу.

— Прощай, брат!

— Прощай, многоголосица!

— Культура — это тот предохранитель, который перегорает первым. А ты должен жить! Спеть о нас! Прощай, Культура!

Он смотрел на их веселые, такие мирные, добрые и солнечные лица, осветившие на миг грязь грозного неба. Улыбался, что-то кричал и бросал в иллюминатор бессвязное, душевное, горькое и дорогое. Он покидал Город. Думалось — навсегда.

Город

«Я расскажу вам случай, это было в первую кампанию. В центре Грозного, недалеко от президентского дворца, на передовой, был такой бункер, куда свозили раненых и погибших. Привезли очередную партию. И ребята плакали там... Мужики когда плачут, это дорогого стоит. У них комбат поизб, капитан Марковец. И один парень сорвал звезды с погон и протянул мне: «Юра, возьми на память... от нас...». И у меня такой стих написался — капитан Марковец».

съемки Юрия Шевчука

Капитан Марковец

*Я не знал живого Марковца,
Я его увидел только мертвым
Возле Президентского Дворца
Перед грозным небом пулей стертым.*

*Я снимал на видео фасады
Обожженных лиц и душ бойцов.
Где, какие отольют награды
Для таких ненужных храбрецов?*

*И с погон погибшего срывая
Звезды, будто злое небо с глаз,
Мне солдат их протянул, кивая —
Вот, возьми, на память вам от нас.*

*Не забудьте эту грязь — дорогу
К смерти в унавожженной глуши,
У него две дочки, все же к Богу
Видно он отчаянно спешил.*

*У «Минутки», возле медсанбата,
Где по пояс рваные дома,
Видел я сгоревшего комбата
И державу, полную дерьма.*

*Дома, у меня, на книжной полке
Эти звезды до сих пор болят
Капитана Марковца — осколки
Всех доставшихся сырой земле ребят.*

*Ту войну нам этой не исправить,
Пусть всё перебили, что потом?
На госдаче мемуары править
Или же остаться с Марковцом?*

Рождество. Мертвый город

*Не пройти мне ответом
Там, где пулей вопрос,
Где каждый шаг сантиметром,
Время пять папирос.*

*Мертвый город хоронит
Свои голоса.
Потерялись и бродят
Между стен небеса.*

*Рождество наступило,
В подвале темно.
Сколько душ погубило
Напротив окно?
Я забыл, что в природе
Еще что-то есть.
Шестого приняли роды
Без шести минут шесть.*

*А наутро выпал снег,
После долгого огня*

*Этот снег убил меня,
Погасил короткий век.*

*Я набрал его в ладонь,
Сплюнул в белый грязь и пыль,
То ли небыль, то ли быть,
То ли вечность, то ли вонь...*

*Этот город разбился,
Но не стал крестом,
Павший город наполнил
Жизни перед постом.*

*Здесь контуженные звезды
Новый жгут Вифлеем,
На пеленке березы
Руки ноги не всем.*

*С Рождеством вас, железо,
Повязка венцом.
Медсестра Мать Тереза
С симпатичным лицом.*

*Прошлой ночью, как шорох,
Вспомнились дни:
Как Вы задернули шторы,
Как мы были одни.*

*Не пройти мне ответом
Там, где пулей вопрос,
Где каждый шаг сантиметром,
Время пять папирос.*

*Мертвый город с пустыми
Глазами со мной.
Я стрелял холостыми,
Я вчера был живой...*

Чечня

*Безразлично и малопонятно
На просевшем от снега снегу
Мертвецы, как родимые пятна,
Улыбались, застыв на бегу.
Необычные рифмы и поэмы
Отражались в зрачках странных глаз,
Как игра, как бумажные розы,
Как интимное напоказ.*

*Как разбросанные парашюты —
Оболочки, шелк, стропы тел!
И сухую солому — минуты
Гонит ветер в иной предел.*

*Души в небе, играя, быть может,
Наблюдают судьбу за мной,
Как дрожу я от мысли — тоже
И молю о вине иной.*

1999

...А их не слышно в этой суете

Илья Плеханов

http://artofwar.ru/p/plehanov_i_s/

РОМАРИО

С Ромарио я познакомился несколько лет назад во время одной из своих поездок в южный русский город, окруженный блокпостами. На блокпостах лениво слонялись запыленные солдаты, БТРы понуро глядели в землю. Для меня все это было тогда в новинку, видеть такое на русской земле раньше не приходилось, и я с любопытством рассматривал все и вся. В воздухе пахло идущей неподалеку войной. Запах этот передать невозможно. У каждой войны есть свой незаметный, ощущаемый только внутренне радиус распространения. Это не ударная волна, это не паника близлежащих сел и даже не сводки новостей из соседней области. Это отчетливое ощущение смерти и работающей машины убийства, ощущение, которое угасает по мере удаления от эпицентра. В Москве война не чувствуется совсем, а вот, ска-

жем, в Ростове от запаха войны никуда не деться. В сегодняшнем Белграде, впрочем, война напоминает о себе каждую минуту. Кажется, что душа неумело примеряет броник и глаза меняют свою биологическую структуру, все воспринимается серьезнее и мимолетнее, чем обычно.

Время от времени я навещался в этот город к брату, и вот, в очередной приезд он повел меня в гости к другу, к Ромарио. Были мы уже достаточно теплые, да и Роман не уступал нам, поэтому первого серьезного разговора не получилось, а получился душевный. Брат лишь упомянул, что Ромарио служил в Чечне, что теперь они вместе работают на металлургическом заводе и что Ромарио поет под гитару. Разговор в ту ночь все шел о работе, о столице и о моих путешествиях

по миру. Ничего необычного, до тех пор, пока Ромарио не взял в руки гитару и не запел. Мне, привыкшему к хриплым дворовым и надрывным военным песням, его голос сначала не понравился, пока я не втянулся, не понял, как здорово он поет.

Ромарио служил в Чечне в первую кампанию водителем наливника. Он скупо рассказывал о колоннах и о подрывах, о том, что одного попадания в цистерну зачастую было достаточно, чтобы наливник вспыхнул, как огромный бенгальский огонь, о том, что из всех водителей наливников выжили единицы. У многих из этих ребят-водителей не было и оружия, они ни разу не стреляли по врагу, но горели и гибли страшно.

Брат с Ромарио работали на металлургическом заводе. Резали огромной «болгаркой» трубы. Бывало, что «болгарка»

соскакивала. Тогда диск, который делает за тысячу оборотов в секунду, метался по цеху, рикошетила от стен и оборудования, срезая без всякого труда конечности и тела рабочих, которым не посчастливилось оказаться на пути. «Несчастные случаи» — это так называлось.

Оборудование было очень старым, как и сам завод. Однажды брата послали за водкой. Когда он вернулся, то увидел лишь руины цеха, под которыми осталась погребена его смена. Стены от времени не выдержали.

Я знавал парней-металлургов. Многие из них побывали в Чечне. Работали с металлом, как и на войне. Работали за 2000 рублей в месяц. Как-то оказавшись на праздновании дня металлурга, я был поражен, что ребята ходят понурые дальше некуда. На расспросы отмахивались. Прояснилось все к вечеру, когда мэрня закатила салют. В сумерках сотни угрюмых рослых парней в абсолютном молчании зло смотрели на рассыпающиеся в небе огненные цветы. Странное ощущение. Оказывается, на оплату салюта из их мизерной зарплаты вычли половину. «Наши деньги летят!» — матерно выругавшись, проговорил один из них... Я смотрел на людей и думал, что рано или поздно это все рванет, рванет так, что мало не покажется. Жизнь надо менять.

Ромарио ушел с завода, попросился с летающей болгаркой. Ушел и стал петь, как мечтал всю жизнь. Уже на тот момент он был лауреатом каких-то музыкальных премий, и поэтому, после недолгих поисков, устроился петь в один из кабаков города и пел там несколько лет...

Я ехал ночью в поезде на Москву. Загоревший, отдохнувший. Все спали, лишь я бродил от тамбура к тамбуру. В голове разгорались какие-то строки, обещавшие стать рассказом, события и впечатления плавались в черепной коробке, давали жар. Поезд плавно остановился на одном из полустанков. Я спрыгнул на платформу. Напротив стоял состав с призывниками. Раздетые до одинаковых черных трусов, набившиеся по 8-10 человек в купе, ребята весело галдели, шутили и ругались, полные сил, молодости, энергии. Им не спалось, они плющили лица о стекло и жадно глотали горячий ночной воздух. Их тела извивались, толкались, подпрыгивали, пробивали дорогу к кислороду и обзору. Бабушки-продавщицы бегали вдоль эшелона и бросали им в окно пачки сигарет. Парни судорожно курили, и состав то и дело осыпался светлячками окурков, как будто вертушка отстреливала тепловые ракеты... Неожиданно гам стал смолкать. На полустанок прибывал другой эшелон. Эшелон оттуда. Молчаливый, мрачный эшелон с ранеными. Сквозь

грязные окна были видны безучастные лица лежащих, кто-то из раненых бойцов стоял и молча курил. Безлические эшелоны остановились практически друг напротив друга. В тяжелой повисшей тишине ребята смотрели друг на друга. Это мне не забыть никогда. В печь войны везли свежую руду и вывозили отработанную. Шлак...! Через минуту поезда тронулись, и пути этих людей разошлись...

Одного попадания в цистерну зачастую было достаточно, чтобы наливник вспыхнул, как огромный бенгальский огонь. Из всех водителей наливников выжили единицы.

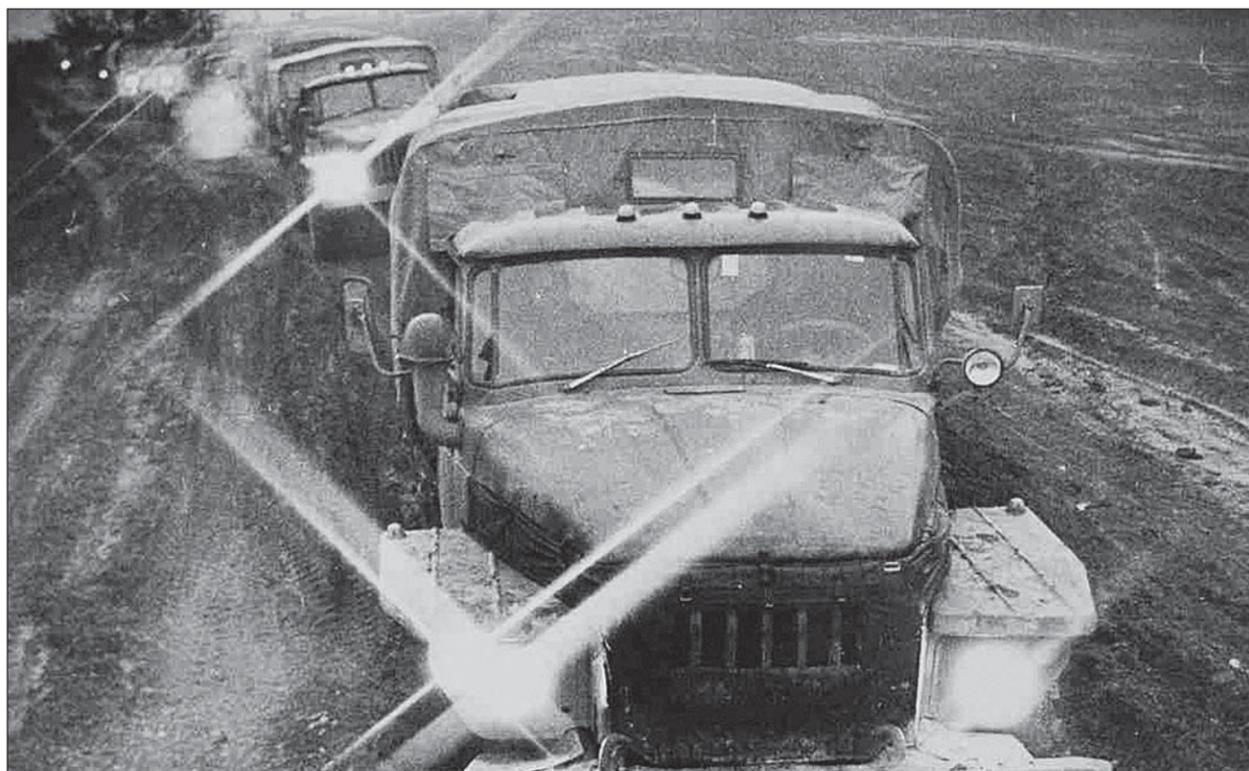
Зимой брат и Ромарио приехали ко мне в гости почти на месяц. В первый же день мы с Ромарио обосновались на кухне за парой бутылок. Он рассказывал мне о Чечне, об отдельных эпизодах, о своем непонимании, о друзьях, о генералах и Кремле. Я рассказывал ему о Югославии, о ненависти и вражде, о резне мирного населения, о Западе и о «миротворцах». Мы мрачнели на глазах, порой чуть не срываясь то на крик, то на слезы. Брат, схватившись за голову, убежал от нас еще в начале разговора. Вот тогда-то, в тот вечер мы по-настоящему сблизились с Ромой. С Ромарио. Он спел мне свои песни, собственного сочинения. Потом уже, несколькими годами позже, я ставил кассету с его песнями людям, и у них глаза становились совсем другими.

Наших ребят бросили на высоту. Приказ был — «взять любой ценой». Надо было уложиться к какой-то дате. Духов там было больше, чем наших. Парни штурмовали эту проклятую гору, хотя кто, по какой такой военной науке! кидает роты на превосходящего в силе врага? Много парней погибло там, но высоту взяли. Вечером командование решило отпраз-

дновать «победу». Генералам в палатке накрыли стол, принесли алкоголь, закуски. Ромарио тоже по неизвестным причинам вызвали на «торжество». Выпив и закусив, довольные, подогретые генералы решили сказать речь. Предложили выпить за героев, которые «несмотря», «вопреки», «проявив», выполнили приказ, после чего приказали Ромарио сыграть и спеть. Оказывается, слава о его способностях

уже давно витала по части. Ромарио встал: «Вопреки? Несмотря? Выпить и сыграть? Вы бы, твари, своих сыновей кидали на высоту, когда наших меньше!!!» Генералы побагровели и пошли пятнами. Ромарио отделался «губой», как он говорит. Я спрашивал его о шрамах на лице и о беспорядочно разбросанных по всему животу страшных рубцах. Осколки? Ромарио на этот вопрос пока так и не ответил.

А потом мы куролесили. Выговорившись, отодвинув в сторону память, мы какое-то время были друзьями. Мы были живы и мы хотели жить, несмотря ни на что! Мы ходили по заснеженной Москве. Я в сомбреро, он — в австралийской шапке с пробками на шнурках и в надувных метровых коронах. Футболили друг другу пивные банки на самых оживленных магистралях столицы под проклятия шоферов. Мы играли на гитаре и пели. И пили везде и всюду, и пассажиры в метро спрашивали нас, где мы служили. Мы поздравляли прохожих с новым днем и желали счастья каждой увиденной женщине. Мы танцевали, как ненормальные, под сербские народные песни у меня дома. Мы признавались в любви незнакомкам. Мы

...А их не слышно в этой суете

фотографировались, где попало. Мы давали концерты во дворах спальных районов. Мы падали под поезда на вокзалах, провозжая обалдевших от нашей жизнерадостности питерских девушек, и лишь крепкая рука брата-металлурга вытаскивала нас с Ромарио обратно на платформу. И даже московские менты на улицах и в метро почему-то не проверяли у нас документы, а лишь удивленно разевали рты... Мы пылали на зимнем ветру столицы. «Улица, улица, ах, вернуть бы все быстрое, улица!»

Я еще не раз ездил в тот южный русский город, с каждой поездкой прикипая душой к Ромарио. Таская бредни, купаясь в прудах, прыгая с заброшенных баркасов в море, мы разговаривали о войне, о нашей жизни, строили планы на будущее. Ромарио загорался разными идеями. То он хотел уехать за границу и попробовать петь там, то его влекло в Москву. И он пел, пел свои замечательные песни, и я видел, как к нему относятся люди, как уважают его. Он познакомил меня со своими друзьями-«чеченцами». Почти все они также пели, и я не уставал поражаться, насколько талантлив наш народ, сколько силы и красоты, сколько понимания жизни в душах выживших ребят.

Однажды поехали на городское кладбище. Таких кладбищ я видел уже великое множество на Руси. Они есть в каждом русском городе. Кладбища с надгробиями, на которых последняя дата растянулась на десятилетие — от 1995 и заканчивая 2005. Заканчивая ли? Мы ходили от могилы к могиле, и Ромарио рассказывал о них, кто как жил и кто как погиб, как теперь живут мамы парней, а кто-то уже не живет, а лежит рядом. Десятки и десятки историй.

Иногда Ромарио ставит свой диск. Люди часто подходят и спрашивают, что это за радио. Бармены смеются, что не радио, а вот тот парень за столом в углу и поёт.

Потом меня водили к своим павшим другим ребятам и тоже рассказывали десятки и десятки историй, и я сбился со счета, и река смерти закружила меня в водовороте, потопила меня, затащила под подводную корягу. Боль, ненависть, светлая память — все смешалось, переплывало в крови и с шумом проходило сквозь голову и сердце.

Вечером я уехал из города, но, кажется мне, что так и не уехал. Я ставлю кассету с песнями Ромы: «Как Серноводск мы брали...»

Как же я был рад, когда узнал, что Ромарио приехал в Москву! До меня даже дошло не сразу! Мы сидели в Коломенском и вспоминали уже свои на двоих общие похождения. Нас стало больше в Москве. Стало больше еще на одного бойца. Мы

снова гуляли по бульварам и проспектам, мы праздновали свои дни рождения, и Ромарио хватал на улице незнакомого парня с гитарой и уговаривал его ехать к черту на кулички и петь для друзей и пел сам.

В Москве у Ромарио оказались друзья-музыканты из его городка. Жизнь моя совершенно далека от всего подобного, но я втянулся в их новую для меня среду и стал понемногу понимать, что это за люди и какой это труд — петь. Меня приглаша-

ли просто послушать, посмотреть, поговорить. Я увидел, какова взаимовыручка у этих людей, насколько непредсказуема фортуна, насколько нестабильна их жизнь. То есть работа и есть деньги, то голодаешь. Они поют в ресторанах, кабаках, на днях рождения. Они поют, когда идет драка. Один продолжал петь, когда в помещении шла перестрелка. «Чем сильнее драка, тем громче пой», — есть такое правило у них. Они поют, когда людям плохо и когда людям хорошо, когда люди пьяны, когда они зло трезвы, когда они вспоминают павших и когда празднуют рождение дочери. Я видел, как по-разному относятся к музыкантам люди. Кто-то панибратски, кто-то высокомерно свысока пальчиком протягивает сотню, кто-то с уважением, кто-то весело дружелюбно шутит.

Общаясь с ребятами, я понял, какая это школа характеров, человеческой природы, насколько разная публика.

Ромарио в Москве жизнь бросала от края к краю. Он пел и в подмосковном кабаке, где собираются за одними столами менты с бандитами, и в абсолютно пустых залах, где только официантки, пел и у кавказцев. Сотни новых знакомых, сотни судеб раскрываются по вечерам...

Иногда Ромарио ставит свой диск. Люди часто подходят и спрашивают, что это за радио. Бармены смеются, что не радио, а вот тот парень за столом в углу и поет. Не верят. Ставят деньги и проигрывают.

Я спрашиваю его: «Почему ты не выпустишь свой диск, ведь есть военные и трогательно-лиричные вещи, есть отличные походные, бардовские, эстрадные. Ты же чертовски талантлив!» Ромарио закуривает: «Деньги, брат, деньги и время! Нужны десятки недешевых часов студийных записей, чтобы одна песня зазвучала, но я обязательно это сделаю!» Я верю ему.

И теперь, этим московским летом, когда я выхожу на одну из центральных вокзальных площадей столицы, на площадь, по которой ходил годами, по которой ходите и вы, и миллионы других людей, я еще с лестницы вокзала вижу, как в шатровом кафе стоит одинокая фигура Ромарио, и расплываюсь в редкой счастливой улыбке. Он замечает меня всегда за десятки метров. Стоит у клавиш, как на капитанском мостике, обозревает площадь, мир... Он улыбается, кивает мне и машет рукой.

Я знаю, как вечером, остановившиеся на светофоре, трамваи открывают двери, чтобы пассажиры могли послушать, как поет Ромарио; как водителиницы проходящих мимо трамваев скидывают в одобрении руки; как в машинах опускаются окна, и водители слушают голос; как после смены из окрестных точек в кафе стекается рабочий люд специально из-за него; как приходят после работы пропустить пиво и расслабиться люди в офисных костюмах; как каждый вечер появляются две женщины и, сев за привычный столик, слушают. К Ромарио приходят и действующие воюющие офицеры в форме, и душевные сербы, и просто друзья. Это другая, человеческая Москва, этот ее аспект мне стал яснее с приездом Ромарио

И я всегда знаю, что как бы ни было на душе скверно, я могу прийти и послушать своего друга, Рому, в центре Москвы, и он спросит, что мне спеть, а потом в перерыве мы поболтаем и о том, и о сем. Я знаю, что он всегда выручит меня в лихой час. Я знаю, что мы живы, несмотря ни на что! Спасибо, Брат, что ты есть.

Валерий Горбань

Участвовал: Чечня

www.vgorban.ru

Полковник милиции в отставке. В 1995-1996 годах командовал ОМОН при УВД Магаданской области. Участник Первой чеченской кампании. Кавалер ордена Мужества. Журналист.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

Грозный, «Минутка». Романовский мост. После подрыва

«...День прошел спокойно. А вот вечер получился — по-моему, еще хуже, чем вчера, хотя мы не выстрелили ни разу.

Влетает дневальный: «Командир, там на рации — наших расстреливают! Просят помощи». Меня качнуло, стал соображать: где наши патрули. А мои все — на базе. Дошло, что речь идет о «наших» вообще. Связист притащил рацию в столовую. По какому-то капризу радиоволн только в этой точке мы нормально слышали тех, кто просил помощи, а они — нас.

Я назвал свой позывной — 293, ребята ответили — 166. Давай смотреть таблицу. По городу таких, вроде бы, нет. Прямо спрашиваю: «Кто такие?» Отвечают: «Соколики». Я не сразу сообразил, но кто-то из ребят шепчет: «Москвичи». Их зажали под бетонным забором в кювете на дороге в Старых промыслах. Мы там раз несколько проезжали. Там холмы, в верхней части покрытые зеленой. Оттуда дорога — как в тире.

В рации треск стрельбы. Удалось услышать, что есть убитые и раненые, подбит БТР. «Помогите, ребята, нас просто расстреливают!»

Их практически никто не слышал. Ребята стали передавать их сообщения на Северный. Я рванул к коменданту. Андрей поднял резерв и БТРы СВМЧ. Связались с «Утесом». Нам сказали, что нам нет смысла туда идти, мы намного дальше других. Пойдут группы из Северного и из Старопромысловской комендатуры, они ближе всех. А наша задача — держать связь и координировать действия групп на подходе.

Помощь добиралась до них минут сорок. И все это время я кормил братишку «сейча-

сами», и мы все слушали, как их долбят, и он докладывает о новых потерях. Держался он невероятно мужественно. Только один раз сорвался на крик: «Да где же вы!»

И мы матерились. Где наши вертолеты? Где танки, БТРы? Их возле Северного — несчитано. Стоят чуть не в метре друг от друга на протяжении нескольких километров. И ходу оттуда двадцать минут на средней скорости.

У моих руки тряслись. Кое-кто не выдержал, ушел. Это ощущение бессилия и невозможности что-то сделать — просто ужас. Легче скакать под пулями.

Наконец, дождался команды отбой. Я спросил: «Ну что там у вас, братишка?» Он ответил: «Моего командира убили...» — и ушел со связи.

Снова бродил, как неприкаянный. Взял гитару, попытался что-то потренировать. Начали складываться строчки. А потом — как взрыв. Минут за пятнадцать написал песню. Ручкой водить не успевал и почти не подбирал слова. Писал на каких-то клочках. Собрал. Пошел в столовую и спел ребятам. Понятное дело, аплодисментов не последовало. Но по лицам видел — тоже проняло. Странно, но немного отпустило.

У нас сегодня странно тихо, Умолкли «духи» хоть на день. Усталость сразу навалилась. Такая, что и думать лень. Молчат друзья, молчит гитара И птицы за окном молчат, Но вдруг из рации прорвалось: Попал в засаду наш отряд! — Сто шестьдесят шестой, Веду неравный бой, Наш БТР подбит, Один из нас убит.

— Брат, я два-девять-три! Как слышал, повтори... Держись, братишка мой, Сто шестьдесят шестой!

Сто шестьдесят шестой

Мы дальше всех от места боя, Хоть связь чиста, как никогда. И не поможем мы с тобою Друзьям, к кому пришла беда. А сердце рвется, кровь вскипает, И гнев тяжелый, как свинец, Ну что же центр не отвечает?! «Утес», откликнись, наконец! — Сто шестьдесят шестой, Веду неравный бой, Вокруг стена огня, Услышьте же меня! — Сто шестьдесят шестой, Держись, братишка мой, Слова в эфир идут: Ребята! Наших бьют!

Мы вокруг рации собрались, Как мостик, связь передаем. И страшный диалог в эфире С друзьями нашими ведем. Из центра спрашивают снова: — Куда им помощь подослать? И как дела у них? — Хреново!

Давай скорее, вашу мать!! — Сто шестьдесят шестой, Веду неравный бой, Наш БТР горит, Еще один убит! — Сто шестьдесят шестой, Держись, братишка мой! Уже вам помощь шлю, «Коробочки» идут.

Ползет секунда за секундой, Минуты медленно бредут, А как сейчас считают время Те, по кому бандиты бьют! Но, наконец-то мы дождались: Ребятам помощь подошла, Даем «отбой», вопрос последний: «Ну, что, братишка, как дела?» — Сто шестьдесят шестой, Закончился наш бой, Мой командир убит, Моя душа горит! — Сто шестьдесят шестой, Крепись, братишка мой, Вся банда не уйдет, Мы ваш оплатим счет!

Ночь. У нас тихо. Спать не могу. Пришел в столовую и вот, сижу, пишу...»
2 мая 1995, Грозный

...А их не слышно в этой суете

Анатолий Ягодин

http://artofwar.ru/j/jagodin_a_j/

Погиб 18 апреля 1996 года под Ассиновской. Колонна, в которой он ехал, попала в засаду. Пуля вошла Толе в грудь, а вышла из спины. Он жил еще пять минут. Успел сказать лишь две фразы: «Где мы? Остановите кровь...»

Я БОГ. Я ПОЭТ. И СРОК МОЙ НАСТАЛ

Если б выжить мне довелось...

Меня погребли под собою хлеба,
Мне саван скроили метели.
На долю мне вышла лихая судьба —
Погибнуть в свинцовый купели.

Отвертело круги над землей воронье,
Но пробито бутонем тюльпана,
Распростерлось огромное тело мое
От Берлина и до Хингана.

Если б я переждал тот всемирный обвал,
Если б позже родиться пришлось,
Я бы эти цветы для любимой срывал,
Как на грешной земле повелось.

А теперь кто я ей? Не жених и не муж.
Нас война развела плечом.
Мы б друг в друге, конечно, не чаяли душ,
Если б выжить мне довелось.

А про нас говорят — мы героями были.
Мы ровняли границы плечом...
Если б в том феврале мне глаза не закрыли,
Я бы точно сказал, что почем.

Я б кривде был враг до последнего дня
Я б с обманом и ложью жил врозь...
Если б в марте капель не отпела меня,
Если б выжить мне довелось.

Я бы глаже избрать себе мог удел —
Не подняться, не встать... Авось...
Но как бы тогда я в глаза вам смотрел,
Если б выжить мне довелось?

Я не хочу...

Земную жизнь пройду до половины...

Данте.

Мой опыт жизни вовсе не огромен,
Не вижу смысла умолчать про то.

Я, может быть, в желаниях нескромен.
Но не хочу!.. И точно знаю что.
Те отвержения мои неистребимы,
Я бьюсь в них, словно рыба на мели:
Я не хочу заочно быть любимым
Пусть даже всеми девами земли!

Зажженный патриархальным бытом,
Я жизни гимн без устали пою
И не хочу героически быть убитым
В любом, пусть даже праведном, бою!

Я не хочу, чтоб милость слали «боги»
В базарный день по рыночной цене,
И не хочу быть бедным и убогим
В любой демократической стране

Воскресение

Что ж, пускай слыву
Босяком.
От молвы убегу
Босиком.

Как вода в песок,
Без следа
Утеку на срок
В никуда.

И вот меня нет.
Мой срок не настал.
Лишь где-то на грани потопа
Я званье «поэт»
Приму как сигнал,
С которым шагну из окопа.

Я очнусь, как Христос,
В Воскресенье.
Запою на износ —
Во спасенье.

Струн моих перезвон
Гневно
Зазвучит в унисон
Нервам.

И двинется в свет
Рифмованный шквал,
Навзрыд зарыдают амуры...
Я бог. Я поэт.
И срок мой настал
Чужие гасить амбразуры.

Я пока не голодаю

Спозаранку выпив взвару
(Он ползет натоцак),
Я гуляю по бульвару,
Настроение — ништяк!

Пусть не очень эстетичен,
Я не хуже всех, ей-ей,
И вполне демократичен
В телогреечке своей.

Грудь моя полна надеждой,
Я надюсь разжиться смог,
Кроме вот такой одежды,
Парой кирзовых сапог.

Я пока не голодаю,
Хоть и ем не что хочу,
И с достоинством гуляю,
Ног пока не волочу.

Вот такая катаклизма,
Нет хитрее катаклизм:
Выпал из социализма,
Но не впал в капитализм.

И свечу небритой харей,
Папирочку жуя,
Я уже не пролетарий,
Но еще не буржуа.

На бульваре побужую,
Ну а вечером — домой.
Скоро стану я буржуем
Назло контре мировой.

Андрей Грачев

«АФГАНСКИЕ БЫЛИНКИ»

«Письмо»

На марше, когда ничего хорошего
уже и не ждали, неожиданно подфартило.
Кременцов, прихвативший из полка
«бакшиш», вывалился из попутной «вертушки»,
чуть не на ходу взлетел на броню
и весело заорал:

— Не ждали? Службу забыли? По караулам соскучились?

И вывалил в люк сгущенку, «Яву» для взводного,
а остальным целую гору «охотничьих».
Все радостно засуетились.

— Валерка! Удрал-таки, вырвался? Отыскал?!

У него всегда и для всех что-нибудь находилось:
сгущенка, сигареты или просто привет.
Такой уж он был человек — приветливый.
А для Голованова прихватил письмо.

— Танцуй!
Сам же за него на броне станцевал и рухнул в люк,
куда его втащили за ноги.
Голованова же помучили для порядка,
а письмо через час отдало.
Но Голованов своим счастьем делиться не стал,
потому что не такой был человек.
Думал много, говорил мало и писем
вслух никогда не читал.

Всех давно уже разбирало,
почему другим уже через полгода
писать перестали, а ему нет? И писали
ему на зависть часто, всегда одним и тем же
почерком и, очевидно, о чем-то важном,
потому что он после этого ходил загадочный
и серьезный. И, что характерно,
все письма были на роскошной бумаге,
и благоухала эта бумага так,
что принюхиваться к ней сбегались
всем батальоном и с изумлением убеждались — духи.
И каждый раз спорили, что вот это письмо — последнее.
Но проходила неделя, и почтари уже с КПП кричали:

— Голованову!

Сгущенку проигрывали из-за него
ящиками и систематически приставали:

— Ну, прочитай, что тебе!.. Ну, хоть про себя,
а мы на твою физиономию смотреть будем!

Но ни на какие уговоры Голованов не соглашался,
потому что при других стеснялся читать
даже про себя. Вот и сейчас сунул конверт
под бронежилет и от смущения скомандовал:

— Пасите «зеленку», ироды! Дувалы пошли.

Командовать, однако, он не любил,
да и лычками особо не вышел.
Лянул искоса на смешливые рожи,
но в этот момент саперы впереди
завозились и встревоженно закричали:

— Назад подавай! Назад!

Земля под ногами неожиданно поднялась.
Слева грохнул крупным калибром откос,
справа мелко треснула «зеленка» — и
закипело. Самсонов так развернул башню,
что стволами едва не смахнул всех с брони.
И колонна грянула из всего, что имела.

Раскрутить Голованова так и не удалось.
Бегали дотемна в «зеленке», а ночью

Михаил Евстафьев

загрелись всем взводом в охранение.
А там какое письмо — приказа о демобилизации
не прочтешь. Постреливали всю ночь
одиночными, чтобы не светиться, и гадали,
какой паразит так ловко стрижет с горы
и чем бы его прихлопнуть. Паразита
прихлопнули на рассвете и ушли без раскочки
в «зелень», а там уже про Голованова
и вовсе забыли.

Сначала вытаскивали из ущелья завязшую
разведроту. Поначалу все шло хорошо,
успели даже набить виноградом цинки,
но дальше пошли крепости, мощные, с амбразурами
и зелеными тряпками на шестах.
А может быть, и не крепости, а просто
пять или шесть домов, слепившихся
общей стеной, но стены эти были такие,
что брать их приходилось по всем правилам,
с разведкой, штурмом и прочей канителью.
Комбат замучил заказами «вертушки»,
которые устранивали «карусель»,
и крепость на несколь-

ко минут умолкала. Тогда ее быстренько
зачищали головной ротой и шли дальше.
К полудню взяли четыре таких крепости
и привалились отдыхать у разбитой стены.
Прикрывшись БМП, развели костерки.
Грели на шомполах сухой паек и мучительно
хотели жареной картошки.

— Нельзя, нельзя нам тут заглохнуть,
— волновался рядом комбат. — Отрежут!..

Ротный что-то ему отвечал, но отвечал
как-то кисло, и вообще выглядел он в последние
дни неважно. Не клеилось у него что-то с
продавщицей. Поговаривали даже, что видели
ее в Кабуле с другим...

Все как-то разом заговорили о женской
верности. Было ясно, что ее нет — проверено
экспериментально. Поликарпов на всякий
случай переписывался сразу с тремя,
и ровно через полгода все трое, не сговариваясь,
выскакивали замуж. Он, было, загрузил
даже собрался стреляться, но так и не
решил из-за кого. Вместо этого выставил
на камне три фотографии и расстрелял их,
после чего ему значительно полегчало,
потому что раньше из-за тройной переписки
здорово недосыпал. Словом, не было
женской верности, и точка.

И вдруг все вспомнили о Голованове.
Вспомнили и обернулись. Голованов сидел,
привалившись спиной к тракам. На его
колени белел конверт, что всем показалось
просто вопиющим противоречием только
что сформулированному выводу. При этом
он так бережно его расправлял и был так
несокрушимо спокоен, что все засомневались
в правильности этого вывода. И, на всякий
случай, решили уточнить:

— У тебя с ней чего, всерьез? Ты, главное,
скажи — ждет? Что у вас, эта, как ее,
любовь?.. Ты скажи, будь человеком!

Но Голованов был не просто человеком,
а счастливым человеком, и разделять своего
счастья ни с кем не мог. Даже если бы захотел
— не делилось. Курил, молчал и загадочно,
по своему обыкновению, улыбался. И всем
вдруг нестерпимо захотелось узнать, чему?
Захотелось почувствовать и хоть на миг
ощутить. И завелись на него уже не на шутку.

Рисунок Константина Зубрилина

— Колись, Голова, что пишуть? Кто она такая? Познакомились как? — приставали к нему.

Но Голованов был тверд, как скала. Смотрел с каким-то странным сочувствием и печально улыбался. Народ, однако, от него не отступал. И решили действовать методически. Брели его, как крепость, — обстоятельно, с прикрытием. В перекурах слегка подтрунивали, а на привалах доставали и не просто, а изощренно. Сначала Самсонов заводил страшную историю о том, как одному дембелю писали постоянно, а когда он вернулся, то оказалось, что подруга уже замужем за другим и даже беременна. А Косаченко тем временем рассказывал про другого дембеля, который, узнав про неверность подруги, и вовсе не вернулся, а остался в армии на сверхсрочной. Корюхин же лицемерно вздыхал:

— Да, жизнь — бардак, а бабы — дуры!..

И коварно заглядывал Голованову в глаза, ожидая, что тот возразит: «Не все!» — и тогда его можно будет раскручивать дальше. Но Голованов не возражал и вообще держался так, как будто все это его совершенно не касается. И закрадывалось волнующее подозрение, а может, действительно есть на свете любовь и верность? И отчего-то очень хотелось, чтобы было и то, и другое. Весь взвод оказался внезапно охваченным романтическим помешательством.

«Молодые» выпрашивали у «дедов», бывает ли такое. И те с изумлением припоминали: «Бывает. С самого карантина раз в неделю письма получаю».

Поликарпов перестал рассказывать похабные анекдоты, а Корнюхин — их слушать. Все волновались, спорили и гадали. Виноград надавили в рассеянности в канистру с бензином, и Миносян залил содержи-

мое в бак. Про войну забыли настолько, что Шерстнев построил взвод и вывернул у всех карманы. Ничего подозрительного не нашел, а письмо, уважительно обнюхав, вернул Голованову и многозначительно произнес:

— «Клима»!..

После этого всеобщее воодушевление достигло своего апогея. И, наконец, как-то вечером на привале Корнюхин не выдержал и сказал:

— Все. Ща я буду тебя убивать. Читай, гад, или здесь оставим! — и грохнул в сердцах прикладом оземь.

Голованов был не просто человеком, а счастливым человеком, и разделять своего счастья ни с кем не мог. Даже если бы захотел — не делилось. Курил, молчал и загадочно улыбался.

Голованов посмотрел на него сначала растерянно, а потом с некоторым удивлением произнес:

— Да вам-то зачем? Вам-то с этого что?

И все возмутились:

— А ты думал, все тебе? А нам, значит, ничего?

Затем, почувствовав слабину, солдаты залебезили:

— Нам бы только проверить! Нам бы только хоть краешком... Нам бы узнать!..

И Голованов, улыбнувшись чему-то, вздохнул:

— Ладно, достали, сволочи!..

Привалившись спиной к дувалу, он осторожно распечатал конверт. Но ни себе, ни людям, прочитав его так и не успев.

— Подъем, седьмая! Давай, мужики!

И они дали так, что «зеленка» треснула и брызнула во все стороны ключьями рваных

корней. По сигналу навстречу пошла в прорыв разведрота, и скоро, пристроив ее в середину, колонна попятилась и, прикрывшись «вертушками», отошла. Но выйти из ущелья оказалось непросто, все произошло так, как говорил комбат. На выходе пришлось разжимать «клещи». И они еще долго бегали по «зеленке» и мучили заказами пушкарей, а в сумерках прорвались и притащили на себе Голованова. У него было два сквозных и слепое в шею.

— Все, отвоевался! — объявил медик Пашка. — Сухожилие начисто и позвонок!..

Он снял с него бронезилет, распорол х/б и, сорвав дрожащими пальцами колпачок, мгновенно всадил шприц-тюбик.

Вещи и все, что было в карманах, чтобы не пропало в санбате, оставили. Потом выломали в развалинах дверь и, положив на нее Голованова, понесли к «вертушке». «Вертушка», присев на минуту, спешила до темноты, и ни проспитесь толком, ни уложить его как следует не успели. Вернулись молча и сели вокруг костра. Разбухший от крови конверт лежал на земле, и никто не знал, что с ним делать. Тогда Самсонов взял его и решительно протянул Кременцову:

— Читай!.. Он ведь и сам хотел.

Валерка взял его, осторожно развернул слипшийся листок и, поглядев на всех странно повлажневшим взглядом, прочел:

— Сереженька, милый мой, желанный, дорогой, здравствуй!..

И все вдруг возликовали:

— Бывает, мужики. Бывает!

Возбужденные, озаренные чужим счастьем лица потянулись к костру.

— Милый, желанный мой, жду тебя каждый день!..

— Ждет! — ликовали все вокруг.

— Все, — решительно объявил Валерка, — дальше не разобрать.

Но уже и этого было достаточно. Всем вдруг стало необыкновенно спокойно и хорошо.

— Так-то вот! — удовлетворенно вздохнул Самсонов. — А вы: «не бывает, не бывает»!

Спустя мгновение, взглянув Валерке через плечо, Самсонов вздрогнул. На разбухшем и расплывшемся от крови листе не сохранилось ни слова. Все расплылось бурой и маслянистой влагой.

— Что, правильно прочитал? — в упор посмотрел на него Валерка.

И Самсонов, не задумываясь, подтвердил:

— Все правильно.

Затем, отобрав у него листок, Самсонов бережно опустил его в костер. Листок сначала съежился, а потом кровь на нем высохла и, стремительно расправившись, он вспыхнул ярким пламенем, освещая все вокруг.

Владимир Осипенко

http://artofwar.ru/osipenko_w_w/

Родился в 1956 году в городе Житомире. Закончил Киевское Суворовское военное училище, Рязанское воздушно-десантное и Академию Фрунзе. В феврале 1984 года в должности НШ батальона убыл в Афганистан в 357 пдп 103 ввд. Через полтора года был назначен комбатом в 317 пдп. Командовал гарнизоном в Шахджо. Заменился в июне 1986 года.

УСТАНОВКА

Война была бы пикником, если бы не вши и дизентерия. Маргарет Митчелл

Я спрыгнул с брони, и тут же килограммов по пять афганской грязюки, состоящей из скользкой глины, прилипли к резиновым сапогам. Как ни прятался, но сам с ног до головы тоже был в грязи. Даже автомат, который я держал на коленях и прикрывал собой. Ехали долго, замерз как собака. Голова шумит!..

— На заставе происшествий не случилось. Разрешите вопрос? — с места в карьер стал пресовать меня командир инженерно-саперного взвода.

— Что надо?

— Разрешите камень взорвать. Механики задолбались об него днищем стучать. Комбат приказал убрать, а мы, сколько ни роём, а он все больше.

— Давайте, только аккуратно. Когда комбат вернется?

Слушая ответ, я старался скребком содрать грязь с сапог. Наклонился, и меня повело. Что-то не так!.. В предбаннике штаба, пока раздевался, столкнулся с доком.

— Что-то вид у тебя не очень. Глаза как у кролика. Как себя чувствуешь?

— Спасибо, хреново.

— Еще бы не хреново: 39,4! — констатировал он через пять минут, измерив температуру.

В штабе чисто и натоплено, я же, напялив на себя все что можно и укрывшись одеялом, звонко стучал зубами и трясся всем телом от холода. Через пятнадцать минут, наоборот, мне становилось жарко, градом катил пот и хотелось раздеться.

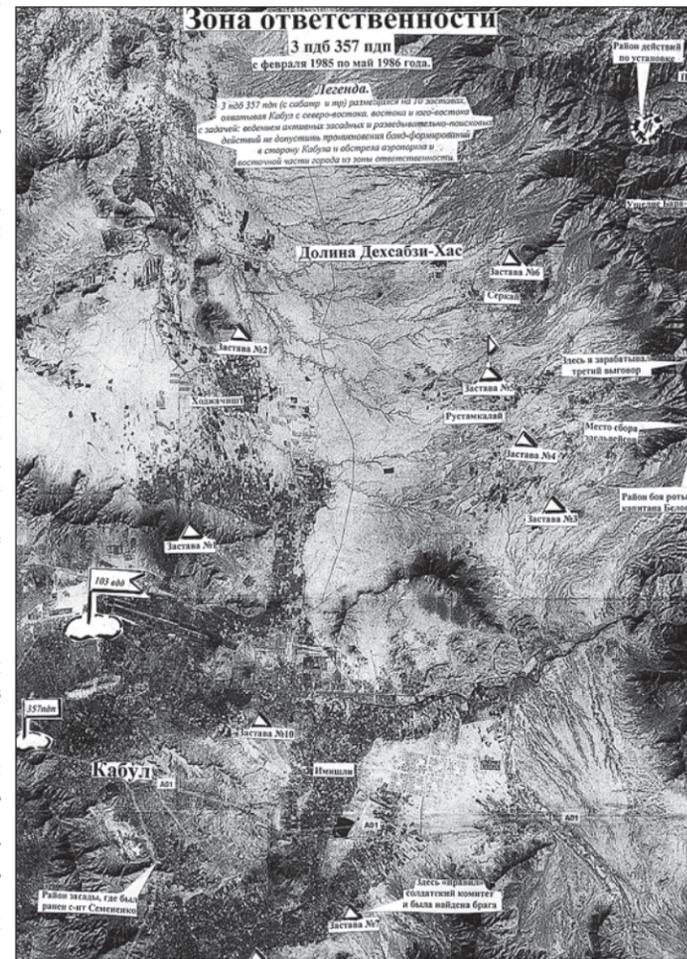
Док принес трехлитровую банку какого-то пошла на основе чая, аскорбинки и еще какой-то гадости и приказал пить. А что мне оставалось?

В батальоне-то полузабытые я все-таки констатировал, что саперы третий час не могут справиться с камнем. «Разрешите дураку Богу молиться»!..

— Это не саперы, — просветил меня писарь, — это духи обстреливают.

— Из чего?!

— Да никак не пойдем, вроде мины, а крыльчатки нет.

«Духи и духи, что с них взять», — вяло подумал я и снова впал в полузабытые. Мозг урывками фиксировал изменения вокруг: стемнело, приехал комбат, зовут ужинать, не хочется!.. Я очередной раз приложился к банке и зарылся с головой под одеяло, опять начинал бить озноб.

Проснулся посреди ночи. Жутко не хотелось вылезать из постели, но мочевого пузыря молил о пощаде. Надел тулуп, валенки и потрусил по вымощенной камнями дорожке до «богоугодного заведения». Подморозило, ни ветерка и звезды громадные. Только при-

строился, над головой свист, и тут же разрывы внутри заставы. С секундной паузой еще, три или четыре... Да что же это такое!? Не дай Бог, меня здесь накроет, позорище!.. У нас тут яма для стрельбы стоя с лошади, наполовину заполненная. Можно запросто героически утонуть в говне!!! За дувалом, слышу гвалт и ругань. И зарево какое-то. Наконец, закончив, трушу обратно. Застава внутри горит. Красиво так! Дорожки, крыши, деревья, глиняные стены, грязь и даже снег. Точнее, горел разбросанный шедрой, но не доброй рукой по всей заставе фосфор, а по-настоящему горел только штаб. Все его обитатели во главе с комбатом скачут в неглиже вокруг и орут благим матом на общую тему: «Пожар, спасай добро!» У комбата в руках моя банка почему-то. Я еще туто сообщал, поэтому остановился и смотрел на эту вакханалию со стороны. Вдруг остальные прекратили орех и уставились на меня. Общее мнение выразил комбат:

— Ну, ты, Васильевич, даешь! Снаряд же попал тебе в кровать! Я тебя уже, грешным делом... Как успел выскочить, да еще и одеться?

Николай Иващенко

— Так усиленные тренировки и умиле...

Договорить мне не дали. Комбат запустил моей же банкой и бросился спасать, что уцелело.

Когда удалось выбросить через окно весь фосфор, горящие постели и погасить пламя, увидели, что произошло. Три снаряда попали в нежилые постройки и просто на землю, а один — в дувал, к которому был пристроен штаб. Рикошетом от него пробил крышу, сделанную из снарядных ящиков и 20 см слоя глины, и влетел мне в кровать. Железо все оказалось в ней. Кроме взрывателя. Он каким-то чудом оказался под подушкой у комбата, его кровать рядом. Хотя было 13 февраля, нам всем, и особенно мне, в ту ночь несказанно повезло. Ни до, ни после этого случая я по нужде ночью не вставал. Да и встать нужно было именно эти три минуты! Что я с такой прухой здесь делаю, а не играю где-нибудь на скачках или, на худой конец, в «Спортлото»?

Вот тогда-то впервые прозвучали слова — реактивные снаряды.

— По вам работала реактивная установка. Найти и захватить, иначе, комбат и начальник штаба, пойдете под трибунал. Кто захватит, представлю к «Герою».

Комдив, генерал Ярыгин, был лаконичен до безобразия. Нет, он еще добавил, что мы бездельники, что духи у нас под носом табунами ходят и что, если хотя бы один снаряд, не дай Боже, попадет на аэродром... Но это уже лирика.

Сидим с комбатом, Очеретяным Геннадием Васильевичем, морщим репы. Что за хрень такая — реактивная установка. Маленькая «Катюша», что ли? Как она выглядит, какие характеристики, откуда

взялась и, самое главное, где искать? А еще говорили, что зима — самое спокойное время в Афгане. Что еще жутко не понравилось нам обоим — это точность, с которой работала установка. С дальности никак не меньше 12 км они умудрились положить 4 снаряда в квадрат 30 на 30 метров. Рядом жилой кишлак, дувалы царандоя и ХАДовцев, туда не ушел ни один снаряд! Это не похоже на работу малограмотных душков. Работал Специалист.

Однако, мы не угадали. Нет, не в смысле «специалист», а в смысле «работал». По причине экстренной ликвидации последствий ночного пожара сидели мы с комбатом во дворе на солнышке и разговаривали, завернувшись в тулупы. Он был под впечатлением разговора с комдивом, а я потихоньку отходил от вчерашнего. Тихо, спокойно, солнышко пригревает. Застава занималась повседневными делами. Прямо перед нами метрах в 20 часовой бродил по дувалу, переходя от одной башни к другой. Вдруг знакомый уже короткий свист, взрыв — и одной башни не стало. Грохот, пламя, дым и столб пыли. Когда он осел, башни не было. Просто корова языком слизала. Ни хрена себе!!!

— Тревога! Налет! В укрытия!

Один за другим еще два разрыва в районе окопов бронетехники, где трудились ремонтники во главе с зампотехом Лазаренко Виктором Павловичем. Вбегают внутрь заставы все в копоти, грязи, с глазами по 50 копеек. Возбужденные, перепуганные и радостные одновременно. Разрыв 120-мм снаряда в паре метров впечатлит кого угодно! Комбат орет:

— Часовоооо!!!

Тот выглядит с противоположной башни. Из-под каски смотрят два огромных, как у тельной коровы, немигающих глаза.

— Здеесь!

— Живой?
— Так точно!
— Молодец!

Сам по себе диалог не имел никакого смысла, но в тот момент всеобщего шока, выглядел вполне логично. Все инстинктивно прижались спинами к дувалу, противоположному уничтоженной башне. Ну, что дальше? А дальше тишина...

Я просто физически ощутил, как с меня содрали кожу. Теперь не мы, а духи в любой момент могут смешать нас с кровью и грязью. По лицам бойцов понял, что думают о том же. Застава перестала быть местом, где можно расслабиться и почувствовать себя в относительной безопасности. Дальше соображалось гораздо быстрее и четче.

— Офицеров ко мне! Личному составу проверить результаты обстрела! Построение под восточной стеной!

Старшина принес АГС-17, стоявший на разрушенной башне. Этот кусок железа ремонту не подлежал! Хорошенькое дело! Легковесное, пренебрежительное отношение к обстрелам моментально куда-то испарилось. То, что многократно доводилось видеть в кино и слышать от других, произошло прямо на наших глазах и в любой момент может повториться! Блин, надо что-то делать.

Закрутилась нормальная боевая работа. Первым делом уточнили боевой расчет на время обстрела. Каждому определили свою роль и место. Для тех, кто не имел места на позициях, вырыли блиндаж. Назначили наблюдателей и установили дополнительные сигналы оповещения. Определили потенциально опасные места и запретили там сбор личного состава и т.д., и т.п.

Меня комбат освободил от повседневной рутины. Задача одна: отобрать и подготовить группу для поиска установки. Кого надо, с дальних застав перебросить на нашу, с ближних собирать каждый день на занятия. Взять только добровольцев, без молодых.

— Поведешь лично.
— Спасибо за доверие!
— На здоровье!
Началось...

На всех заставах у бойцов один вопрос: «Кто поведет?» Когда узнавали, дружно делали шаг вперед. Это грело душу, но не спасало вышедших от жесточайшего, ежедневного порева по 8-10 часов в день. На фоне все возрастающих нагрузок. За пару недель из вальжных, накачанных заставных «десантов» мне нужно было подготовить полсотни поджарых и выносливых, как мулы, бойцов. Сначала в горку со стандартным комплектом, потом то же и минометная плита, потом то же и один

«раненый» на троих и только после этого — на огневой рубеж, если уложился в норматив. Сдулся каждый второй. Без комментариев отправили назад на заставы. «Дед» или «годок» — параллельно. Из оставшихся сформировали группы и провели слаживание. С каждой роты получилось по взводу. За три недели бойцы притерлись, подсыхли, настрелялись и набегались по горам до сыта, готовы были к любым нагрузкам и с нетерпением ждали, когда закончится это издевательство и начнется боевая работа.

А в это время комбат крутил местных. За год он уже знал, кто «кого дружит» и кого ненавидит, короче, кто про кого скажет правду, а кто соврет. Ездил в гости, приглашал к себе, потратил все запасы водки, но из потока информации выкристаллизовался район поиска. Пачехак... Укрепленный духовский район. Ветераны батальона и полка рассказывали про него с уважением. Добавляли про тюрьму, про французский госпиталь в горах и даже про безуспешную операцию дивизии в том районе. Мы пару раз заскакивали туда, но коротенько, побыстрому — прихлопнуть охранение, взять трофеи и назад. С последнего поиска прошло полгода. Дворников, командир 9-ой

Работала реактивная установка. Только доставили из Пешевара. Пришел новый отряд после подготовки. 300 моджахедов. Получают доллары. 10 ДШК. 4 безоткатки. Скоро покажут себя...

роты, тогда на перевале взял теплыми караул из 22-ух духов и завалил Фаиз Мамата, который с группой бросился им на выручку. Охранению это не помогло, и сам нарвался на пулю. Шороху было до Пешевара. Нам передали текст радиоперехвата, где оставшимся в живых командирам давалась неделя на то, чтобы «стереть с лица земли» нашу заставу. В противном случае им обещали отрезать головы. Вот это стимул! Но не получилось «их теляти нашего волка съести». Мы ту неделю провели в окопах вокруг заставы, заливая огнем все вероятные подступы. Так что Пачехак — это было серьезно. Зуб на нас они имели еще тот! Что там духи за это время наделали — сюрприз будет...

Про турана Фаиз Мамата отдельный разговор. Потомственный военный. Выпускник какого-то западного престижного колледжа, он закончил и спецфак Рязанского воздушно-десантного училища!!! Почти в те же годы, что я! У духов легендарный командир. Грамотный, дерзкий и по-азиатски коварный. Имел несколько успешных рейдов. Славянской крови пролил немало. В новогоднюю ночь обобрал кишлак, в котором размещалась наша застава! Знал, сучий потрох, что в эту ночь с застав никто в засады не уйдет!

Под наш новогодний салют унес более миллиона афгани. Ну, разве не молодец!? Кто его, интересно, замещает?

Информацию собирали по крупицам. Иногда везло больше. Я присутствовал при одном разговоре, когда сразу после очередного обстрела к нам приперся Маланг, командир афганского батальона командос. Звучит грозно, а на самом деле — бывший бандит (если бандиты бывшими бывают), который воевал еще с Амином, потом с Бабраком, а после того, как его наши в горах зажали, сдался и заделался большим начальником. Связи с духами не терял никогда, держал их в курсе наших дел и сейчас пришел на 100% узнать результаты обстрела. Мы ему честно сказали, что «обстреляли нас из какого-то говна, никого даже не поцарапало, и неизвестные уроды, которые только башню попортили, могут дальше не усердяться...» Маланг, у которого во лбу было полтора стакана «кишмишовки», завелся:

— Это работала реактивная установка. Только доставили из Пешевара... Пришел новый отряд после подготовки. Экипирован и вооружен как никогда... 300 моджахедов... Получают доллары... 10 ДШК... 4 безоткатки... Скоро покажут себя... Пока Пачехак, потом Имишли...

Я слушал и отчетливо понимал, не

врет, зараза. На этот раз не врет. Даже если делить пополам, получается не кисло. Поэтому готовиться надо не на прогулку и не к теще на блины. Эти никакой ошибки не простят.

Пока бойцы сбивали в кровь спины и рвали ХБ на локтях и коленях, сам все больше изучал карты да аэрофотоснимки, составлял таблицы да продумывал варианты развития событий. Потом прокачивал их с командирами групп. Лишь в самом конце проверил бой и почистил свой автомат, лично снарядил магазины, проверил гранаты. Не барское это дело, но кто его знает, как бой повернется. Провел смотр и с чистой совестью доложил комбату о готовности.

Все это время духи регулярно обстреливали. Настолько регулярно, что мы вычислили закономерности. Наша долина, как огромная аэродинамическая труба, постоянно продувалась. С утра в одну сторону, после обеда в другую. В момент получасового затишья духи нас и долбили. В этот момент все старались не шуметь, найти работу в окопе или блиндаже, внутри брони или быть ближе к восточному дувалу. Самое лучшее — вообще быть подальше от заставы. В миг свиста все, как подрубленные,

забивались в щели. Когда духи затягивали, даже зло брало, скорей бы уж! В один из таких моментов боец свистнул, очень похоже. Естественно, кто куда! Взрыва нет... Только ехидненный смехок. Еще бы, не каждый день по твоей воле комбат с начальником штаба ныряют фейсом в грязь. Пока я поднимался, ему уже кто-то «впечатал» этот смехок обратно в рожу. Вот грубые нравы, не оценили тонкий военный юмор!

Еще затишье бывало ночью. Никто виду не подавал, ложились спать как обычно, но мне свежая заплата из досок над головой не давала полностью расслабиться. И даже окопные истины про снаряд в одну воронку и про то, кому суждено быть повешенному... помогали слабо.

Когда духи замолкали на несколько дней, мы не на шутку беспокоились, не сменили ли они район. И в следующий налет вздыхали с облегчением: слава Богу, на месте.

Наконец, накануне афганского нового года получено добро комдива. Он с парой батальонов закрутил реализацию в нашем секторе, но в стороне от Пачехака и ущелья Бара Авдара. Там канонада, постоянно летает авиация. Мы же вели себя тихо, как церковные бабушки во время молебна. Последние дни с заставы регулярно уходили «ленточки» с личным составом на броне, а возвращались пустыми, хотя на самом деле все было с точностью до наоборот. Просто возвращалась броня с бойцами внутри и разгружалась уже в окопах под маскировочной сетью. За пределы дувала ни ногой, внутри крепости-заставы тихо и никого чужого. Накануне проверились, пообедали и спать.

Встали. Вместо ужина сладкий чай, больше ничего в рот не полезло. Оделись, попрыгали. Проблема №1 — уйти с заставы незамеченными. ХАДовцы и царандой привыкли, что бойцы вечером табуном на горшок ходят, вот и сейчас все вроде бы туда. А на самом деле на мягких лапах мимо — и в заминированную промоину. Там по продланному проходу — в противоположную сторону от реальной цели. Нарезали кружок километров 10, и только после этого, разделившись, подошли к хребту, каждый к своей точке подъема. Важно не ошибиться, а ночь, хоть глаз коли. С одной стороны — здорово, с другой — заблудиться, как два пальца об асфальт. Хоть какой бы ориентир!

Только начали подъем, слышу, зовут. Подхожу, боец держится за живот и рассказывает про большие почки. Присматриваюсь — «Кротяра»! Деловой сучонок, косил от занятий, мол, в «ленточку» некому без него сходить. Конечно, плющить жопой подушку на броне лучше, чем скакать по горам. Одного не оставишь.

Потеряется, сам себе не прощу, да и голову откусят. Оставлять офицера, а как же задачи наверху? Такая злость меня взяла на его сопля, врезал по роже, только шапка полетела.

— Тебя кто сюда тасил? Сам напросился? Освобождения не будет! Раздевайся, сучок. Еще раз присядешь, лично задую!

Забрал его автомат, разведчик — РД. Снизу поднимается писарь. Хрясь Кроту шапку на голову и говорит:

— Ты шапку потерял, смотри, больше не теряй... — Многообещающе так сказал.

Дальше пошли молча. Только иногда чей-то шепот и приглушенный мат. Подъем оказался тяжелее, чем я ожидал. Идем вне троп. Подняться надо на километр. На горбу по 30-40 кг. Со всем этим добром легко можно ухнуться, если неправильно поставишь ногу. Иногда движение, как по спине дракона или по перевернутой расческе: справа — слева обрыв. Около ноля, но под броником все клокочет и парит. Пот выедает глаза. Остановившись нельзя. Не успеем до рассвета — духи здесь и «упакують». Серееет. Да когда же конец!? Сердце клокочет уже где-то в горле и отдается в висках. Перед глазами все плывет. В ботинки кто-то горячей золы насыпал. Если за этим камнем не будет вершины хребта, упаду и слохну. Падать не стал, но привалился спиной к камню и ртом хватаю воздух. За мной держится только писарь, свзист и пара разведчиков. Остальные отстали.

Наконец, подъем неожиданно закончился. С той стороны потянуло сладковатым дымком и послышался собачий брех. Отлично, ветер на нас, значит, учуять не должны. В предутреннем сумраке различаю далекие очертания Пачехака и ближе, в 1,5-2 километрах, духовский лагерь. Неожиданно быстро вместе со всеми выполз Крот:

— Товарищ майор, отдайте автомат.

Не до разборов.

— Бери и луй на свое место!

Дальше все по нашему сценарию: одна группа на перевал, две другие по хребту охватывают духовский лагерь. Быстро светает, но разведка успевает прихватить их охранение. Взяли теплыми, без стрельбы. Правда, из лагеря заметили оживление и, не получив, очевидно, подтверждение на свой сигнал, довольно прицельно открыли огонь из безоткаток и ДШК. Разведчики забились под камни и головы не могут поднять. Режим радиомолчания закончен, прошу доложить обстановку. Все поднялись без потерь. Закрепились на хребте, к бою готовы. Видя только разведчиков и не зная об остальных, духи решили обойти их с двух сторон и положить всех на перевале. Довольно организованно две группы человек по 30-40 резов стали подниматься на позиции взводов 7 и 9 роты. Даю команду не спешить с открытием

огня, а сам запрашиваю о готовности артиллерии близлежащей заставы. Свои минометы подождут. «Грузи чужого коня», — говорил один умный артиллерист, и я загрузил. Дымовые легли точно в цель, и пожалел, что сразу не дали осколочно-фугасными. Почти одновременно с флангов ударили из стрелкового. Ухо радуют четкие, короткие, в два патрона, очереди с нашей стороны. Значит, работают без паники, тогда я за них спокоен. Чего-чего, а в огневом контакте мои кому угодно фору дадут. Да и преимущество в высоте чего-то стоит. Духовские минометы успели выплюнуть по паре мин, как их накрыл залп наших «Нон». Безоткатки заткнулись еще раньше, а ДШК никак не уюмоняются.

— Как грачи? — спрашиваю у авианаводчика.

— Заправляют, скоро будут.

— Поторопи!

Вышел на связь комбат.

Душки в лагере вели себя достаточно вольготно. Пара отработала красиво. Сначала две «капли» долго висели в воздухе, а потом, соприкоснувшись с землей, смешали в кучу людей, железо и камни.

— Радиообмен слышал. Держись. На подходе дивизионная батарея залпового огня. Готовь задачи.

Тут меня жадность и подвела. «Ща, — думаю, — я ваши ДШК заткну». Даю координаты цели и наблюдаю солидный перелет.

— Ближе 400.

Опять перелет.

— Еще ближе 400!

Следующий залп пришелся прямо по хребту в районе перевала, где залегла разведка.

— Ееее... твою... сууууки, — это было первое, что сказал в эфир батальонный разведчик Иван Лусевич, но для меня это все равно прозвучало, как песня.

— Ураган, стой! Прекратить огонь!!! Вы что там на огневой, совсем охерели!!!! — это я артиллеристам и совсем не по уставу

— Ваня, ты как?

Пока он молчал, я слышал как по позвоночнику катится струйка пота. Наконец:

— Вроде целы, но оглохли и обос... Короче, больше не надо такой поддержки.

А ДШК, как будто издеваясь, опять забубнили по перевалу. Достали, суки!!!

— На подходе пара грачей, — наконец доложил авианаводчик.

Душки в лагере, чувствуя недостижимость нашего стрелкового, вели себя достаточно вольготно. Во всяком разе передвигались в полный рост. Пара отработала красиво. Сначала две «капли» долго висели в воздухе, а потом, соприкоснувшись с землей, смешали в кучу людей, железо и камни. Второй повторил

маневр ведущего, но положил бомбы немного в сторону. Вслед выходящему из пике ведомому! ушли две трассы ЗГУ. К ним у пернатых особая любовь, поэтому во втором заходе они отвели душу НУРСами. Непривычно наблюдать за полетом СУ-25 сверху вниз. Когда рассеялся дым, ЗГУ замолкли, а ДШК с еще большим остервенением ударили по перевалу. А потом вдруг поперхнулись на полуслове. Через секунд тридцать рывкнули еще раз и ... синхронно замолкли окончательно.

Позже я узнал, что под шумок артиллерийского и авиационного налета два брата-акробата старшие лейтенанты Миронов и Сидоренко спустились с перевала и подобрались к укрепрайону на прицельную дальность. Только душок на гашетку, а тут выстрел из СВД. Наводчик с дыркой во лбу и сел. Подскакивает другой — та же картина. Больше желающих не нашлось. Эта пара подействовала на духов гораздо сильнее артиллерии и авиации. Позабывались

в щели и молчат. Высматривают. Иногда появляются, но мечутся перебежками, как помойные коты. Зауважали, блин...

С флангов доложили, что духи, подобрав убитых и раненых, отходят. У нас все целы. Разведка выскочила из-под огня, посеченная камнями, оглошшая, но живая. Одному досталось даже от ДШК, но то ли рикошет, то ли на излете, но жив, курилка. Рюкзак и броник сделали свое дело. Через неделю стриг меня, тот синяк так и остался во всю спину, тазиком не закроешь!

«Осмотреться, закрепиться, перезарядиться»... Духи шуршат за обратными скалами своей горушки, куда не достает артиллерия. Стаскивают туда раненых и убитых. Даю команду разведчикам проверить. Для себя понимаю: главное не дать им увести реактивную установку. Но никто из наших ее на духовских позициях не видел. Может, ее уже здесь нет? Об этом не хотелось думать. И еще понимаю: если духи продержатся до темноты, ночью уйдут и унесут все тяжелое оружие. Этого допустить нельзя.

Даю команду готовить «Лавину». Это не «Ура!» в одну шеренгу, держи интервал и равнение! А передвижение от укрытия к укрытию попарно, один бежит, другой страхует. Благо, все отработано внизу и никому не надо ничего объяснять. Оставив на хребте тяжелое вооружение и небольшое прикрытие, группы стали спускаться вниз, сжимая кольцо вокруг укрепрайона с трех сторон. Для отхода оставлен один проход, но и он — сюрприз — перехвачен двумя РПК и огнем минометов.

Душки оценили все правильно и рванули, куда надо. Наконец, минометчики

ждали своего часа. Невольно залюбовался работой наводчиков. Практически первыми минами они накрывали, то одну, то другую отходящую группу духов. Да и пулеметки разгрузились прилично. Проскочили лишь самые наглые, которые вплотную прижались к нашему хребту и, попав в мертвую для нас зону, сумели уйти.

Какой-то час — и все кончено. Укрепрайон наш. Командиры доложили, что все живы. Глянул на часы. Ого, время далеко за обед, а я со вчерашнего... Вдруг понял, как я хочу не есть, а именно жрать! Нервы что ли? Пока Атачиныч открывал банки, доложил комбату. Неожиданно на нашей частоте появился «Памир». По голосу узнал комдива. Стал докладывать, а он мне в лоб:

— «Докер», установку взял?

— Никак нет.

— Так чем ты там занимаешься?

— Ем, — говорю.

— Ты что, туда пожрать пошел!? Я тебя...

— Ну, вот и поел. Галета с холодной кашей застряла в глотке. Проглотил кое-как, встал, прошу Атачиныча посидеть на связи, а сам решил размяться. Точнее, просто не хотелось сидеть перед солдатом-связистом, как оплеванному, он же все слышал, хотя старательно делает вид, что ему никакого дела нет.

Спускаюсь к перевалу. Быстро смеркается. Интересные ямки-лужи вдоль тропинки. Вдруг, вижу, дух сидит в окопе. Как он здесь уцелел после разведки? Тихо так сидит, не шевелится. Я автомат в его сторону дернется — положу. Медленно к нему. Вдруг меня, как током от пятки до

темени — нога зацепила растяжку. Опускаю глаза: мина-американка склонилась на бок, чека наполовину выскочила, держится на сопле. Понимаю, что упасть не успею, у этой сволочи нет времени замедления. Стою, как парковая скульптура, только без диска и весла, боюсь дышать, не то что шелохнуться.

— Крот! — Голос пропал, из груди вырвался какой-то сип. Появился писарь.

— Отойди, — говорю, — позови Крота. Тот подошел, присел рядом и разобрался с миной, как повар с котлетой. Вставил чеку, сунул ее в сумку и стоит, сматывает проволоку от растяжки. Что-то бормочет себе пол нос.

— Спасибо, — говорю, — и прости, братан, за вчерашнее.

— Ладно, проехали. Все нормально, я бы сам не поднялся... По перевалу все заминировано, осторожнее. А в окопе там муляж, мы его давно рассмотрели. Правда, похож?

— Чтоооо!!!

До меня, наконец, дошло.

— Урод, му.ак, скотина безрогая!!! — Боец вопросительно посмотрел на меня и на всякий случай попятился.

— Не волнуйся, это я про себя.

Смотрю: два туфа от выстрелов к безоткатке связаны крестом, на горизонтальный одет френч, вместо головы мешочек с нарисованными глазами, сверху чалма. Подскочил, двинул его ногой так, что голова покатила по перевалу, и... успокоился. Почти бегом назад к радиостанции.

— Всем до утра оставаться на месте! Организовать охранение! Никакого огня и курения!

Командиры и так все знают, но я разгрузился, и полегчало.

одеялами даже жарко. Я же раз по пятьсот отжался, присел и... с радостью встретил рассвет. Облака ушли, выглянуло солнце, и через полчаса я забыл про ночной собачий холод.

Спустился к разведчикам и приступил к сбору трофеев. Безоткатки, ДШК, минометы, мины и боеприпасы больших эмоций не вызывали. Железо и есть железо. А вот карты под пленкой вызвали профессиональное уважение. Ты ее хоть стирай, а ей хоть бы хны. Новенькие американские спутниковые радиостанции в заводской упаковке. В комплекте динамо: крути педали и получай ровно 12 вольт. Не надо никаких аккумуляторов с их извечной проблемой подзарядки. Японские панорамные бинокли с осветленной оптикой, спальники на гагачьем пуху, фонари, коробки с батарейками и прочая, и прочая... Однако, ничего по-настоящему душу не грело. В другой раз от десятой доли скакал бы на одной ножке, но сегодня меня интересовала только установка. Ладно бы только меня.

На одной трофейной карте обнаружил какие-то непонятные значки. Доложил комбату, тот в дивизию.

«Встречайте гостей», — перезванивает комбат. И точно — идет вертушка. Присела, выскочили двое: начальник ХАД Кабула, с ним душок с автоматом и одеялом. Посмотрели на карты, одну забрали, а на другой, говорят, обозначены склады, вот он, наш активист, покажет.

— Если это склады, то карты и мы читать умеем, зачем показывать?

Но ХАДовец уперся:

— Пусть остается.

Активиста оставил, а сам улетел, прихватив документацию и кое-что из трофеев. Я этого засранца покормил, показал, где отдыхать, поручил разведчику, а сам занялся своими делами. Только утром следующего дня вспомнил о нем, когда ставил задачи по поиску. А его и след уже простыл. Смылся урод. Не знаю, то ли контрразведка разыграла свою комбинацию, то ли этот активист спал и видел, когда он к духам смеется, но факт остается фактом — исчез. Я же не пленного охранял, а вроде как союзника, мало ли что ему надо за тем камушком...

День поисков ничего, кроме боеприпасов не добавил. Осмотрели все. Не хотелось даже подходить к радиостанции — что

Реактивная установка на выставке трофейного оружия. Еще, зараза, блестит. На заднем плане — снаряды

Ощутимо стало холодать. Зарядил противный, пронизывающий дождь, который вскоре перешел сначала в мокрый, а потом и просто в снег. Я попросил Атачиныча разбудить в 2 часа, бросил на камни бронжилет и накрылся сверху плащ-палаткой. Через 30 секунд уже спал. Правда, во сне продолжил командовать и спасаться от мин. Проснулся от собачьего холода. Вскочил, под ногами захрустел снег. Значит мороз. Как бы не поморозить бойцов, особо-то никто не утеплился. Но наш боец, вооруженный сухим пайком, непобедим. Никто и не собирался замерзнуть, а разведчики вообще нагло доложили, что им в духовском блиндаже на спальниках и под

я скажу комбату или, что во сто раз хуже, комдиву? Вроде и оправдываться не за что, но, по всему выходит, профукал реактивную установку, которая комдиву, отвечающему за безопасность Кабула, как кость в горле. Она там стояла на блюдечке с голубой каемочкой, а я пришел и профукал.

К вечеру прибыл в мое распоряжение взвод маланговцев. Принесли сухие пайки и миноискатели. Разместил их на перевале, предупредил о минах. Не проходит и получаса, смотрю, взрыв. Командир — толковый парень, дважды проходил подготовку в Пешаваре, постоянно тренируется и бегает с моими бойцами.

— В чем дело, Аминуло? — спрашиваю.

— Ди-ва-наААААА, — отвечает спокойно так, как будто речь идет о курице, — что с него взять?

С утра за пару часов миноискатели принесли первый результат — обнаружен склад реактивных снарядов. Склад, конечно, громко сказано, но двадцать снарядов, замотанных в мешковину и зарытых в землю, обнаружить удалось. Уже теплее! Если есть снаряды, значит, должно быть и то, из чего ими стрелять. Собрал офицеров, показал, как душки маскируют свое добро. И снова на поиск. До вечера обнаружили еще три склада. Уже горячо!

Параллельно с нами свой поиск вели и маланговцы. Они обшмонали Пачеха, набили свои пустые мешки всякой дрянью и пригнали на перевал небольшое стадо баранов. Когда, заразы, успели? На войну — все в хвосте, а мародерить — золотые руки! Второй раз поговорил с Аминуло и предупредил о границах их лагеря, мол, кого обнаружим за его пределами... пусть потом не обижается. Упаси Боже от таких союзников!

Еще день поисков. Еще два склада реактивных снарядов. На совещании офицеров Миронов предложил посмотреть свежие могилы.

— Духи знают, что мы никогда их не трогаем, может, воспользовались?

— Бери саперов, и осторожно...

Я уже не знал, как буду оправдываться за свою никчемность. И кого убеждать, что сделал все, что мог? Комбат и так знает, а остальным кроме результата ничего не интересно. Офицеры и бойцы откуда-то прознали про грозивший нам трибунал и в буквальном смысле рыли землю. Я уже готовился закончить поиск, но прозвучал доклад, как песня, долгожданная и невероятно дорогая:

— Есть установка!!!

— Не может быть. Тащите сюда!

Приносят в мешках какие-то трубы, жирно смазанные солидолом или литолом, кто их разберет.

— Что за херня? Это реактивная установка?

— Так точно. Надо только собрать.

ХАДовский начальник со своим активистом

Фото из архива автора

Когда собрали и я убедился, что это действительно установка, вышел на связь и доложил комбату. С той стороны не то стон, не то вздох облегчения.

— Спасибо, Васильич...

— На здоровье! — с удовольствием вернул комбату должок.

Буквально через пять минут он мне сообщает, что к нам за установкой вышла вертушка.

— Не верят, что ли?

— Нет, тут готовят выставку для иностранных журналистов и хотят показать, как империалисты вооружают против нас моджахедов.

Я еще тангенту не положил, а вертолет уже мостится одним колесом на нашей горушке. Е-пэ-рэ-сэ-тэ!!! Собрать-то мы ее собрали, а как эта зараза разбирается? Не лезет, мля, в собранном виде в вертолет!!! Угваздались мы все в этом гребаном солидоле, как чушки. Наконец, разодрали и загрузили. Закинули снаряды, ДШК, минометы, безоткатки и остальное трофейное добро. Не будет погоды, не на себе же тащить вниз!

Посмотрели, как натужно вертушка ушла через перевал в сторону Кабула, и вздохнули. Стоим, вытираем руки от смазки. Такое облегчение! У меня с плеч не камень, а гора свалилась и громко так чвякнулась. У бойцов тоже лица радостные. Гы-гы, смеются, толкаются. Только подумалось: «как пайки подбросить, то сутки вертушки не дождешься, а тут, гляди, как быстро!» Про жратву не зря вспомнилось — уже галеты и сухие пайки в печенках сидят, да и те вечером кончаются.

На перевале у маланговцев, смотрю, опять канонада. Но разрывы явно не от снарядов. Мечется стадо баранов, испуганное вертушкой, по минному полю и находит приключения на свои курдюки... Пара-тройка уже валяется.

Зато вечером был пир. Аминуло презентовал одного героически погибшего барана, казан и кое-что из приправ. Давал в придачу и повара, но мы отказались. И сами не пальцем деланные. Шурпа получилась... песня! Правда, пару раз чуть зуб не сломал об какие-то железяки в мясе. Но разве кто на такие мелочи обращает внимание, когда впервые за пять дней пробуешь горячее? Но каждый раз, выплевывая осколок, проскакивала мысль: «а ведь он мог быть моим...»

Утром по тропе на перевал поднялся комбат. Обнялись, как год не виделись. Принес пайки. От себя супердефицитные консервы. Открыли, да со свежим хлебушком — вкуснятина. Мы с замполитом мечем, а он чего-то грустный.

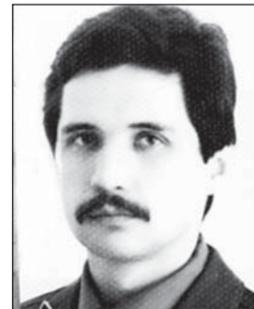
— Геннадий Васильевич, что случилось? — спрашиваю.

— Вчера в дивизии разговор был. Я напомнил про «Героя». Говорят — не выйдет. У тебя еще нет наград. Да и поиск вы провели слишком гладко, ни раненых, ни погибших. Какой-то негероический поиск. Вот бы кто-нибудь на амбразуру... или командира собой прикрыл... или, еще лучше, сам командир... — тогда другое дело, а так, сказали, чтоб подавал на тебя «Боевое красное Знамя», всем остальным на ордена и медали по нашему усмотрению.

— Знаете, Геннадий Васильевич, про трибунал я сразу поверил, а про «Героя» не очень. Бойцы целы? Задачу выполнили? И ладно. Сгодится и «Знамя»...

Ага, сейчас... Не знал я, дурачок, что по возвращении, буквально через несколько часов ждет меня дальняя дорога (новая реализация) и казенный дом (штаб полка), где был порван мой наградной, зато учинен разнос по партийной линии за упущения в службе войск на одной из дальних застав. Даже не упущение, а преступление. Пока мы занимались установкой, на одной из застав бдительные проверяющие нашли флягу с брагой! Какой ужас!!! Типа, мы тут в парткоме и штабе полка ящиками кровь проливаем, наводим порядок на заставах, а они, бездельники, знай, наградные строчат...

...А установку комдив после выставки отдал в батальон. И все 150 снарядов, захваченных нами в том бою. Установили ее на видном месте в Рустамкалае не столько для стрельбы, сколько в назидание духам: «Так будет с каждым! Кто еще хочет стрелнуть в нашу сторону?» В мою бытность больше не стреляли...

Валерий ШИРЯЕВ

Участвовал: Афганистан.

www.valeryshiryaev.ru

ВОЛНЫ ЗАБВЕНИЯ

Ритм жизни задан нам горами навечно, даже на войне. И никакие вертолеты не способны его пока что изменить.

Если колонна тронулась в пять утра, то сбор назначили на два ночи. И ты «добираешь свое» в тягостной полудреме на корме БТР. Но вой мотора на подъемах и глухое забытие на спусках машинально отсчитываются в спящем мозгу. И, проснувшись к обеду, остается только вспомнить количество перевалов, взглянуть на карту и определить свое местонахождение.

Это и есть настоящий тягучий и унылый ритм войны с периодом час-полтора. Он вбирает в себя без остатка ленивую перебранку снабженцев на привале и короткий свирепый разнос командиру оторвавшегося хвоста колонны в штабной палатке. В него вмещается ослепительная, как бенгальский огонь, и столь же скоротечная ночная перестрелка на крутом склоне.

Грохот, последовательно отражаясь от стен ущелья, эхом уходит вниз, в глазах прыгают темные круги от вспыхев, и только стреляные гильзы еще минуту шуршат в тишине по склону. Но спроси кого утром — никто ничего не понял. И снова тягучий ритм спусков и подъемов засасывает твою память. К вечеру ночная стрельба окончательно подернута паутиной забвения.

Сотни километров бесконечных спусков и подъемов, когда ты пришиблен среднеазиатской жарой, должны бы, по идее, оставить в памяти серую ленту и незабываемый запах местной пыли. Даже краски при 50 градусах кажутся выцветшими, как на некачественных копиях фильмов шестидесятих годов, снятых на пленке «Свема». Но адреналин и любопытство молодости выхватывают в этой мутной череде яркие куски. Они-то и станут потом небогатым набором воспоминаний, который ты назовешь памятью.

Афганистан

поверх них, чуть наискосок лежит белая вкладка:

Оборонный завод № 149
1943 г.
Укладчица М. Климова

Голос Северного пел в наступившей тишине: «Мурка, Маруся Климова, прости любимого». Пробрало тогда всех, даже последних пьяниц и циников. Так не бывает, но так было. И никакие ритмы забвения не утопят те запалы, что неизвестная женщина паковала для отправки на Курскую дугу. Где и почему они столько валялись на консервации? Какая разница. Я держал их в руках, и это главное.

13.05.2002

Группа товарищей

Обстановка на войне в горах переменчива до крайности. И ближайшие полчаса тонут в мареве неизвестности. Само собой, ты ищешь повсюду признаки того, что вмешает в себя слово «надежность».

Если товарищ в ночном рейде не прохнулся к шести утра на высоте 3000 м от того, что в крови уже нет глюкозы, ты ничего не говоришь. Но ты спокоен и уверен: его надежность ощущается почти физически. Неясное удовлетворение вызывает очевидная основательность скал или надежность пулемета ДШК, изготовленного в г. Ковров в 1954 г. Ты знаешь, что БТР горит как свечка, если попасть ему в мотор. Но мотор в корме, а там, где ты валяешься на матрасе, разгадывая с командиром кроссворд, гореть практически нечему. Поэтому БТР — надежная машина.

Ничто так не уравнивает военный хаос, как размеренная тяжелая, отупляющая работа. И если пройти по горам 20 км в сорокаградусную жару с выкладкой под 40 кг и устроить привал у арыка, жизнь кажется простой и надежной штукой. Это почти физиологическое заблуждение. Но именно так я и глядел на окрестности в середине июля 1985 г., грея на костре банки с консервами, посередине провинции Кунар.

Нас было семь человек разных возрастов и званий, но походный быт давно уже уравнивал

Николай Прокудин

нас. Поэтому мы называли себя «группа товарищей». И каждый считал эту группу надежной. И этого было достаточно. Не потому ли короткий эпизод того рядового

привала вызвал у нас одинаковое чувство удовлетворения, пусть и круто замешанного на иронии?

В разгар обеда по дороге вдоль арыка пронесся клуб пыли размером с грузовик. Собственно, это и был грузовик народной армии ДРА, как стало видно с 10-15 метров. Надо заметить, что полуметровая пылевая подушка на местных дорогах — дело обычное. С изумлением мы смотрели на «Зил» неизвестного года сборки с поднятым капотом. Просто в машине не было стекла. То ли взрывом выбило, то ли друг украл. И веселый афганец за рулем взял, да и вырубил зубилом неровную смотровую щель в капоте, поднял его и так и колесил по опасным просторам, сверкая белками

Голос Северного пел в наступившей тишине: «Мурка, Маруся Климова...». Пробрало тогда всех, даже последних пьяниц и циников. И никакие ритмы забвения не утопят те запалы, что неизвестная женщина паковала для отправки на Курскую дугу.

Панджшер. Руха. Ночной дозор у вертолетной площадки 682 МСП Зима 1986.
Рисунок Петра Солнцева

через дыру в трясащемся железе. На двигателе слой пыли в два пальца, до ближайшего города не меньше 80 км. И хоть бы хны. Едет себе машина и едет.

Седой полковник отметил: «А «Форды» тут дольше трех лет не живут. Кто эту телегу делал, того можно в жопу целовать». Полковник был родом из Питера, с 10 лет ушел в Суворовское училище и с тех пор, как сам говорил, «жизни не видел». Он был единственным из нас, кому было больше 35. И за год, что я его знал, ни разу не повысил голос. Он тоже был надежным.

В наших кружках осело по горсти пыли, а мы смеялись от души и пили из них чай. Мы чувствовали, что все кругом незамысловато и прочно. И мы молоды, и с нами ничего не может случиться. Мы будем долго жить и вспоминать друг друга и мелькнувшие на миг глаза этого сумасшедшего водителя. Нам всем очень нужен был этот обман, я понимаю. Но то была искренняя вера.

Чечня

Вячеслав Немышев

Вячеслав Немышев. 1969 г.р. До 1991 года служил мичманом на подводной лодке на Северном Флоте. Работал корреспондентом в ведомственной газете Минатома, оператором кабельного телевидения г. Электросталь. С августа 2000 — корреспондент программы «Забывтый

полк», канал НТВ; с марта 2001 — спецкорр программы «Сегодня». 27 командировок на Северный Кавказ. Снял фильм «Контрабасы» о контрабандниках-саперах в Грозном. С февраля 2005 по июль 2006 — спецкорр ГТРК «Россия», программа «Вести».

БУЧА

Мы продолжаем публиковать отрывки из повести известного военного журналиста Вячеслава Немышева «Буча».

Глава III

Госпиталь для солдата — это дом отдыха, если не сильно болеешь.

А когда сильно: когда течет из-под тебя, когда из кульги трубки торчат и гноится в больших местах, когда температура под сорок и под гипсом чешется нестерпимо, когда плоть молодая требует своего, а ты в туалет — на костылях, а товарищ за дверью капельницу держит, тогда — это военная тюрьма особого режима с запахом и тараканами.

Очнулся Иван на четвертый день.

Потолок перед глазами. Трещина по потолку молнией-зигзагом. Звон колокольный отовсюду, но тонюсенький, будто много колоколов, колокольчиков. Переливаются на разные лады. То вдруг свист. И снова — донн...

Забьлся Иван, уснул.

Не видел, как люди в белых халатах стояли над ним, говорили, что, наконец, пришел в сознание солдат. Значит, выдюжит, жить будет. Теперь пусть спит, теперь сон ему самое полезное. Крепнет во сне солдат, раны его рубцуются.

Из Моздока отправили Ивана на боль-

Из Моздока отправили Ивана на большую землю, определили в ростовский военный госпиталь. А там таких, как Иван — что в плацкарте — до третьего яруса.

шую землю, определили в ростовский военный госпиталь. А там таких как Иван — что в плацкарте — до третьего яруса.

Белье палаты, длинные коридоры.

Бродят по коридорам тени в синем госпитальном; кто на пружинах казенных бьется в бреду, гипсы ломает; кого — отлучившихся — из реанимации сразу в холодную.

А которые оклемавшись, слава богу, тянут папироски в кулак.

Накурят в туалете — не продохнуть. Ворчат нянечки-старушки. Медсестры мимо топ-топ, халатки с коленок разлетаются. Томятся раненные с таких видов.

Отоспался Иван — на всю оставшуюся жизнь выспался.

Днем в забытьи был почти всегда, ночью проснется — и глядит в потолок: сквозь колокола и колокольчики думки в нем пробуждались, как ручейки весной.

собрался? Я сама, все сама... Ты лежи, голубчик. Што ш меня стесняться? Ну, глупый... Как дите, право слово. Дите и есть...

Ручеек вдруг широкой речкой потек — ясно все стало.

Темно в палате. Лампа синяя над входом. Перед ним, прямо у лица, кудряшки в голубом ореоле, да такие пахучие, ароматные, что Иван аж задохнулся от удовольствия.

Но тут речка-ручеек — ему в пах. Давит туго...

Надо Ивану — захотелось по малой нужде, он и дергается на постели, пытается встать.

Кудряшки по лицу, по бинтам рассыпались, и руки на плечи легли теплые, сильные, укладывают обратно.

— Застеснялся... Ой, какая невидаль! — тот самый голос мягкий. — И чего ж там у тебя такого необычного?... Лежи уж. Сама я, сама... Ну-ка... вот так. Мочись, мочись. Ой, смешной какой ты.

Чувствует Иван, как заскользили эти сильные руки по его телу: по животу и ниже, туда, где стыдное у всякого мужчины.

Чечня

Стыдное, потому что немощное — стыдоба мужику от немощи. Сделали руки все правильно. Тужится Иван, а со стыда не может сходить: как судорогой свело мышцы, в голову даже отдало. Застонал он.

Руки те по животу его гладят. И отлегло... Кудряшки снова щекожут по щекам. Обволакивает Ивана теплым — укутало одеялом до подбородка. И уже сквозь сон слышит, но уже с обидой будто: — Стеснительный... А как встанешь тоже, небось, под юбку полезешь. Мужики...

Потянулись долгие госпитальные дни. Стал Иван постепенно, понемногу вспоминать, что было с ним, кто он и как

попал сюда. А как вспомнил, то и затосковал. И первым делом стали ему сниться сны, да не так, чтоб с голубыми кудряшками, а непонятные — черно-белые, как старое кино.

В снах Иван торопился куда-то, словно боялся не успеть...

Пустое шоссе. Маршрутка, вроде как последняя до города. Он бежит, что было сил, а ноги вязнут, еле волочатся. Сумка тяжела... Он сумку бросил, обернулся — пожалел: там материны носки шерстяные, Болотникова-старшего тельник, мед майский в стеклянной банке. Как же все бросить? Завелась маршрутка. Поехали. Едут мимо кладбища. Видит Иван знакомую могилу, где дел с бабкой лежат. А над ней теперь обелиск с красной звездой. Думает Иван, что в этой звезде килограммов пять... не то, что Болота хвалился. Болота всегда, когда переберет, бахвалится о всякой ерунде. И вдруг видит он, что машет ему с бугра брат Жорка. Но будто и не брат. Другой. Почему — не может Иван понять. Да и не должен Жорка быть здесь. Он же... на кассете. Водитель спрашивает: «Платить будем?.. Знамов...»

— Знамов, Знамов... Его разбудить! Ну, просыпайся что ли. Обход.

Койка Ивана у окна. Он просыпается от голосов, белые халаты вокруг.

Вспоминает Иван, что вчера сосед, крепыш Витюша, клеил окно, щели затыкал ватой, чтоб не дуло. Когда закончил и пододвинул обратно Иванову кровать, поставил ему на тумбочку банку с медом. Из дома, говорит, прислали. А еще Иван спал, когда пришла гуманитарка — всем раздали новые тельники. А он, Иван, не помнит, потому что его будили-будили, а он только матюгнулся. Цивильные, которые притасили гуманитарку, не обиделись — понятливые.

— Ну что, слоны, а так нравится? А дамой, а тузом... Вот вам, слоняры, на погони две шахи.

— Га-га-га, — ржет довольный Витюша.

Иван лежит с закрытыми глазами и слышит, как прапор грозно на Витюшин смех:

— На полтона сбавь! Разбудишь...

Иван не видит, но по наступившей тишине сообразил, что все обернулись в его сторону.

— Парень, говорят, майора ГРУшного спас. Вчера один полковник навывался. Вас, слонов, на процедуры тогда водили. Все разорвался, шумел — как здоровье, да где лежит, какие условия.

Полковник и, правда, приезжал проведать Ивана — тот самый, от разведки. Иван сквозь свои «колокольчики» слышал их разговор с доктором.

— Этого солдата надо лечить... лечить сильно, чтоб бегал. Будет?.. Хорошо. Парень себя не пожалел. Он Васюку спас. Мы с Васюкой от Болтиха... Жена пирожков наготовила, супу. В ноги, в ноги пареньку... как говорится.

«Слава богу, успели. Не зря, значит», — подумал Иван и забылся дремучим сном.

Приснился ему калмык. Будто ползут они по полю, спешат; а у Ивана ног нет, и волочится за ним по земле синее дымящееся. Глянул — кишки его вытянулись, как веревки, брошенные кем-то впопыхах. Иван стал их подтягивать и обратно запихивать: пихает, а они не лезут в живот. Места не хватает. Раздуло Ивана, как барабан. Савва смеется. Иван ему: «Чурка, чего мою винтовку не взял? Потом чистить!» А Савва: «Ти злой, как собак, но брат, брат...» И колокола отовсюду «донн, донн»!

Открыл Иван глаза, приподнялся с подушки на локте.

Из окна фонарь ему в глаза. В палате зелено от трескучего неона с потолка. За столом игроки-картежники. Шушукуются, сдают на новый кон.

— Доброе утро, славяне...

Прапор карты бросил. Витюша-добряк кистью, белым обмотышем, затряс.

— Проснулся... Так вечер... Лариска рыжая придет колоть, плюс-минус которая.

Минометчик снова колоду тасует.

— Похаваешь? На глюкозе только мочой исходить. Холодное осталось с ужина.

Наелся Иван до отвала, так что до тошноты. Затолкал в себя слипшихся макарон, котлетку припеченую с загустевшим жирком.

За столом игра вовсю. Раскурились, надымили. Вдруг дверь открылась, и вошла в палату медсестра.

Про рыжую медсестру говорили в госпитале всякое — и нехорошее тоже.

Но «рыжая» гордо заходила в палаты, повиливая обтянутым выпуклым задком,

Буча

распихивала по луженым глоткам таблетки, ловко колола в худые задницы. На пошлость кривилась снисходительно. Даже дружный похабный гогот не мог смутить ее. Была она некрасива — перзрелая — годам к сорока, — как вино в бутылке, что откупорили, но все не допили: вкус уж не тот и крепость слаба, но аромат еще остался.

В руках у медсестры поддончик со шприцами. Шагнула. Халатик — с колени. Белая колени пухлая, ароматная. Зачесалось у Ивана в ноздре. Народ за столом окурки в банку ныкает.

— Ну, што, басурмане, опять?.. Все, пишу рапорт на вашу палату.. Курить в туалете! Гаворено же! — говор у рыжей южнорусский, мягкий. Но голос строгий. — Прапорщик, ну вы же взрослый человек.

И тут Иван понял, почему рыжую прозывали между собой «плюс-минус». Косила она одним глазом, да так сильно, что и не разберешь сразу в какой смотреть. Оттого и казалась она некрасивой, порченной что ли.

Прапор обиженно:

— Я что — воспитатель им? Сколько просил — переведите в офицерскую палату..

Подобрела рыжая Лариска.

— Мест нет. Потерпи... Тебе выписываться скоро. Хватит курить! — замахала она свободной рукой, халатик задрался высоко. Из-за стола жадные взгляды шупают голые колени.

Не сдержался Иван, чихнул — в затылок торкнуло.

— Ачхайхх!
— О, точно! Я ж говорю, — прапор пересел на свою койку, штаны потянул вниз. — Ну, Ларисочка, колите. Моя жопа ваши руки... не забудет никогда-а! — пропел он последнюю фразу. Да не в ноту.

Гогочут «басурмане».

Дошла очередь до Ивана. Он к окну отвернулся. Фонарь с улицы плещет по глазам. Зажмурился. Шумит, веселится палата:

— Лора, е мое, сегодня больней, чем вчера.

— А мне понравилось, можна хоть сколько.

— А погладить?

Той пулей десятой вышибло ему не память, а словно перевернуло с ног на голову. И не разобраться без литры, как сказал бы старший Болота. Матери Иван не сообщал о своем ранении...

— Описался от радости, слюнки подотри.

Над Иваном звенит-разливается малиновое:

— Ну, што Ванюша? Капельницу сняли. Поел? Смотрю тарелки у тебя, — и снова как во сне: — Стыдный ты наш.

— Она умеет! — голосат «басурмане».

— Молчите там, а то завтра скажу старшей, она вам навтыкает! Вот так, Ванечка... раз, — шлепок по ягодице, спиртом запахло. Иван вздрогнул. — А и не больно. Чего ты? Все-о! Герой, а укола боишься.

тилась, тополь закидало поздним липким снежком. На исходе третьего, как стихло в палате, скинул он ноги с постели и встал. Пошатывает. В голове шумит. Отощал Иван за две недели капельниц. Ноги свои рассматривает: колени торчком — два мосла. Пижама натянул и шагнул к выходу. Витюша с соседней койки спросонья вскинулся:

— Ты че, это... тебе ж лежать?

— Спи...

— А-а, понятно, — засопел в подушку Витюша.

В туалетной комнате лампа — на потолке. Светит тускло, желчно, как свечи ога-

рок. Зеркало. Ивану вдруг страшно стало, но переборов себя, подошел и глянул. Мать честная! Эка его укало, мертвец на ходулях. Провел рукой по щеке. Сухая щека, колючая. Кожа желтая. Взгляд не волчий — потускнела зелень дикая. «А что ж я хотел? Сам подписался». Но не про Жорку подумалось Ивану. Будто отлегло, будто ушло старое. Той пулей десятой вышибло ему не память, а так, словно перевернуло с ног на голову. И не разобраться без литры, как сказал бы старший Болота. Матери Иван не сообщал о своем ранении. Но знал, что должны были ее оповестить. Подумал, что завтра и позвонит сам. Сердце ведь у матери. Жорка... А теперь еще и он. Как бы не случилось дома беды.

— Знамов!
Иван вздрогнул от неожиданности.

— Ты што это удумал? Тебе лежать, постельный режим... только операцию! Ну-ка, быстро в палату!

Иван неловко обернулся, звездочки цветные брызнули с потолка.

Лариска рыжая. Глаза в стороны — плюс-минус, кудряшки лезут из-под белой накрахмаленной шапочки.

Он ведь забыл, она дежурила сегодня. Кольнула быстро. И убежала. Глаза красные у нее были, как будто зареванные.

Иван еще подумал про себя: может, обидел кто — у покоянных не залежится, цепляют по жизни все, что шевелится.

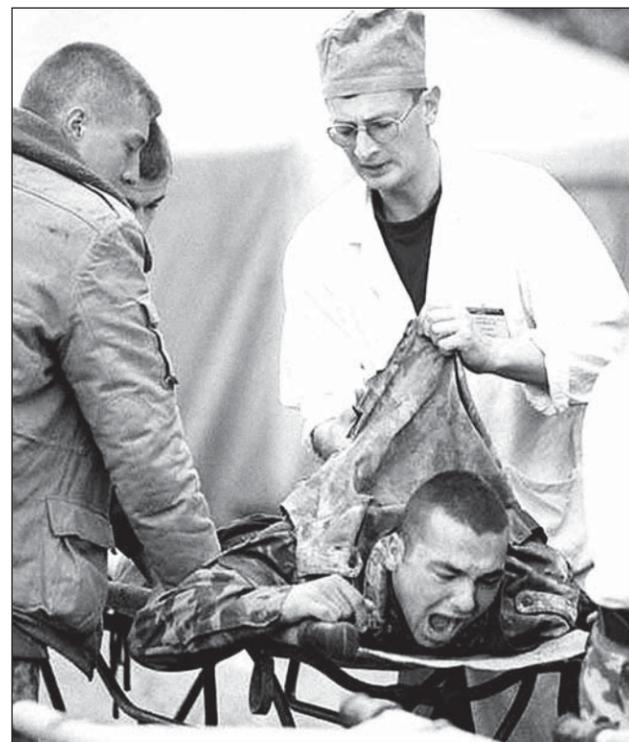
— Тебя обидел кто? — а сам придерживается за раковину. Вспомнил, как она ему утку совала, в кафель, шахматную доску, вперся взглядом.

Переборол смущение, взглянул на женщину.

Глаз один у Ларисы выпучился — что у рыбы, а другой закатился под веко.

Некрасивая.

Но тут она руки подняла к голове и стала поправлять волосы: кудряшки строптивые прячет под шапочку. И похо-

рошла естественно — повела обтянутым задком, белым халатиком.

— А ты защитишь? — не строго, но уже игриво спросила она.

— Позвонить надо матери. А то у нее сердце... От тебя можно?

Лариса, женщина понятливая, обхватила Ивана под мышки и сильно, уверенно повела его по коридору. Защитник — куда уж? Но пообещала, что на следующем ее дежурстве возьмет она заранее ключи от кабинета, где телефон. Только, чтоб Иван — никому.

На следующий день в обед к ним подселли новенького.

Только тарелки убрали, укладывались на тихий час. Двери не дзынькнули, но шархнулись с отчаянным стоном. Вкатилось в палату «тело». На двух ногах, с головой и руками. Иван из дальнего угла глядит. Покоцанное «тело». Рожа вся в зеленках, пластырях и черных точках: такие отметины остаются на лице от близких пороховых разрывов.

Не верит Иван своим глазам — знакомое «тело».

— А че, я думал, там тоска... а тут? Я первый раз в таком кайфе. Телок, мама не горюй!

Ксендзов! Маленький солдатик Ксендзов...

Вот так дела!

Ивана не узнать издали сразу. Он не спешит, голоса не подает, но уже предвкушает, как удивится и разорется сейчас же болтливый сапер.

Теперь не соскучиться им. Точно.

Ксендзов так ни на секунду и не замолк: обошел всех по койкам, с каждым потискался рука в руку, сообщил Витюше, что от ворот госпиталя в двух шагах видел он магазин. А чего на сухую сидеть, мама не горюй? Спросил, кто читает тут рэп? Ну и что такого, что нигеры придумали? Он вот знал одного африканца, так тот ничего

себе, даже по-русски умел, немного, правда. Треплется Ксендзов, а сам поворачивается к Ивану и тянет пятерню лодочкой.

— Опа-на! Не понял...

Иван его цап за грудки, отворот пижамки, и к себе.

— Нарвался на ...здюля, душара?

— Мне на дембель...

Отпустил Иван пижамку. Ксендзов по инерции назад на соседнюю кровать так и сел, да прямо на Витюшин набитый макаронами живот.

— О, еп! — квакнул Витюша.

— Бу-уча!! — не заорал, завопил маленький сапер. Медсестра в плату вбежала. Стоит ресницами хлопает — плохо кому? А Ксендзов по Ивану ползает, стакан уронил с тумбочки. Иван и не рад уже.

— Ну, дура! Задавишь. Кабан, отъелся... Разговоров было до вечера.

Коридоры в госпитале живут своей жизнью. Храпы, стоны...

Народу вдоль стен! В колонну по-кочечно, один за другим. Не хватает мест. Кто ж думал, что такая бойня приключится за хребтом.

Ксендзов даже на Витюшу наехал — давай двигайся, брат! Я с корешем фронтным должен быть теперь рядом: оберегать, компоты ему носить и все такое. Набычился Витюша — ему тоже весной на дембель. Не уступил места. Ксендзов не обиделся, горланит через две койки — спать народу мешает. Народ ничего, терпит — понятливый.

Узнал Иван, что Перевезенцеву лейтенанту присвоили «старшего», а когда под Шатоем у «Волчьих ворот» добились духов, загноилась у него старая рана на шее. Его и отправили на лечение, вроде в Моздок, а куда потом, Ксендзов не знает.

Ротный тоже ничего себе, только контузило маленько. О себе Ксендзов мямлить стал. Не помню точно, говорит, стрелял, потом гранату бросил и все...отключился.

— А Савва где, калмык... ну тот? — спрашивает Ксендзов.

— Воюет калмык, где ж ему быть...

Про Савву Иван с тех пор ничего не знал. А как узнать? Команда у Саввы секретная, должность суетная — сегодня здесь, завтра там. Но почему-то уверен был Иван, что жив Савва. Он же калмык хладнокровный. Таких война стороной обходит, таких даже просроченной тушенкой не возьмешь. Степняк дикий, одно слово.

На следующий день от разговоров и воспоминаний разболелась у Ивана голова.

Ксендзов же, как проснулся, так и пошел куролесить по госпиталю. К вечеру он уже тискал визжащих сестричек, получил от одной по уху.

Всезнающий Витюша науськивал Ксендзова, что для начала нужно оприходовать Лариску «плюс-минус». Она всем дает. Такая уж безотказная у нее натура.

— Пары выпустишь, братан, а потом про любовь...

Но Лариса не обманула Ивана.

Когда она вошла в палату, Витюша подмигнул Ксендзову. Иван отвернулся. Лора, уколов кого следовало, накидав таблеток, подошла к Ивану. Присела и тихо ему:

— К перевязочной в двенадцать с копейками. Приходи. Ключики у меня, — и громко чтоб все слышали: — Поворачивайся. Каждого нужно просить! Как вы мне все надоели!

Когда медсестра ушла, Ксендзов прямо через Витюшу перескочил к Ивану.

— Кабан, — ржет Витюша. — Ксендз, давай в дурака на погоню.

Ксендзов слюняво лыбится, глаза блестят, а губешки жирные. Ивану шепчет, дышит противно котлетой в лицо:

— Буч, а ты рыжую того или не того? Ну, я скажу-у! Она тетуха! Да и все такое у нее. А как, сразу дает?

Разозлился Иван.

— Отвали, душара! Не доставай меня, а то я тебя самого и так и эдак! Усек?

Промолчал маленький солдатик Ксендзов, даже про дембель свой долгожданный не заикнулся: если полезло из Ивана волчье, все — сторонись.

Иван наткнулся на Ларису в дверях перевязочной.

— Ты погоди! Счас я... Там солдатика плохо. Еще реанимацию вызывать! — и побежала.

Коридоры в госпитале живут своей жизнью. Храпы, стоны... Народу вдоль стен! В колонну по-кочечно, один за дру-

гим. Не хватает мест. Кто ж думал, что такая бойня приключится за хребтом. Пахнет лекарствами и телами гниющими. Тлеет жизнь под бинтами. Гноятся раны. Отгниют — новая плоть зародится. Помоют солдата, побреют: живи, паря!

Иван, чтоб не томиться в душном коридоре, устроился в туалете на подоконнике.

Форточку раскрыл и дымит.

Свежим тянет снаружи: ветерок с улицы принес первые запахи весны. «Скоро листья появятся, — вспомнил Иван про доктора-очкарика, с табачным дымом наглотался весеннего духа. — А там и домой. Что дома? Да устроюсь, как-нибудь...»

Прождал он минут тридцать. Стало его клонить в сон. В последний момент прибежала Лора. Запыхалась. Руки кровью перепачканы, на халатике пятна.

Схватила Ивана под локоть и потащила в перевязочную. Толкнула его на кушетку.

— Сядь. Я ж сказала — счас! Подождать не можешь. Там солдатик вены себе вскрыл.

— Чего это? — удивился Иван.

— Откуда я знаю. Вас же, мужиков, тащит за каким-то чертом на войну. Не живется вам в семьях! Завтра его в неврологию... Еще не хватало мне суицидников, — растрепались рыжие кудряшки. Лора не замечает. — Ну, повезло тебе, выжил, так терпи уж! Мы, бабы, вон, терпим вас... — она хотела вставить нужное, к месту, слово, да не стала, — терпим, а куда деваться. Што ш вы?

Засопел Иван, тошнота вдруг подступила к горлу.

— Давай завтра. Пойду я...

— Завтра не моя смена. Позвоним. Ерунда! Ой, да у нас такое было, такое!

Там, где-то за стенками, за долгими коридорами слезным матом захлебывался суицидник, рвал повязки на запястьях. Вяжут, вяжут его братаны. Война — сука! Что ж ты все без разбору валишь в одну кучу — и смерть, и любовь. Ну, пожалей, ты, покоцанных, отвали, шалава, спишь, теперь-то хоть!

В кабинете полумрак. Иван держит Лору за руку.

— Тшц, только свет не включай. Вон, телефон, на столе. Быстро, две минутки. Да тише ты...

Иван стул опрокинул, чашечкой коленной ушибся больно.

— Твою ма...

— Ой, — интимно понизила голос Лора, сжала Иванову ладонь. — Ой, будет мне нагоняя.

Иван снял телефонную трубку.

Мать плакала...

Проговорил он меньше отмеренных двух минут. Нажал на рычажок.

Что он мог сказать еще? Только душу травить. Жив, ма! И все. Там за материнной спиной подсказывал отец — скажи про Жорку. Нашли его тело в той лаборатории. Успела мать сообщить, что забрали брата домой и неделю как похоронили на бугре, положили к деду с бабушкой. Болотниковы помогали. А старший Игорь «нажрался» на поминках и подрался с братом Витькой. Такие вот новости из дома.

Сидит Иван, не шевелится. Лариса понимает, тоже молчит. Но выждала с минуту и, решившись, потянулась к Ивановой руке.

— Пошли, штоль...

Она сделала все сама.

В ту ночь, в неоновой перевязочной была она Ивану и женой, и матерью. Она

ласкала его истово, она пеленала его малиновым ароматом — живи, солдат, выпускай свои пары, чего уж! И задышал солдат ровно и выплеснул все наболевшее, опостылевшее: изошла плоть его тягучим семенем, и освободилась душа...

Пусть на время. Но всякое время есть настоящая наша жизнь.

Кто после этого осмелится блядью назвать ее, рыжую Лариску «плюс-минус» — кто?!

В морду той сволочи тыловой, в рыло поганое культей-обглодышем, коленом гипсовым, головой простреленной, плевком из порванного рта!

Миленькие сестрички, простите нас! Девоньки родненькие, в ноги, ножки ваши падаем. Простите, Христа ради! Да если б не кровяшка с гноем, дыры в животках и глотках, встали бы мы, мужики, прикрыли бы свои раны и ушли бы тихонько, тихонечко, ушли бы себе туда, где ветер-бродяга... да пересидели бы, перестрадали, чтоб только вас не тревожить, не мытарить тела и души ваши. Простите родные! А-ааа!.. Мама моя!! Где ж ты, правда человеческая, где, куда спряталась, сгнула? Да сколько ж можно...

Рассопливился марток и ушел вместе с липким последним снегом, уступил, как и положено, шkodливому апрелю. К середине месяца проглянулись на старике-тополе первые листочки. В госпитальном парке бродили выздоравливающие: кто один, кто с матерью или женой под ручку. Волочатся синие больничные халаты.

Форточки в палате уже не закрывали. Витюша отклеивал Иваново окно и приговаривал, захлебывался радостно:

— Все, пацаны, житуха теперь пойдет!

И пошла «житуха».

Ксендзов достал всех рэпом. Притащил откуда-то заезженный плеер и слушал целыми днями свой «дум-дум-дум». Иван стал гнать его. Ксендзов отправился терроризировать коридорных.

Однажды во время обхода доктор в очках объявил Ивану:

— Все, снимаем с тебя повязки. Когда? А вот прямо после обхода, — он кивнул белым халатам за спиной. Старшая медсестра сует бумажки. — Не надо... Знамов на поправку пошел. Полетел, орел!

— Сокол, — поправил Иван.

— Пусть сокол. На ветру заживет быстрее. Встаешь?

— Вы ж до листьев... — не сдержал улыбку Иван.

— Ладно! Вижу я, шныряешь давно по коридорам. Теперь уж все равно. Гуляй вон на природе. Да... и имей ввиду: спиртное тебе — категорически, категорически! Это не потому что у тебя завтра день рождения, в смысле дисциплины. После таких травм пить вообще нельзя, солдат. Ни крепкое,

ни легкое... — и по-латыни что-то сказал непонятное никому, а только одному себе. И пошел дальше по палате.

Исполнялось Ивану двадцать пять лет. Ксендзов, уже попавший два раза по пьяному делу, был предупрежден доктором, что в следующий раз он точно его выпишет. Ксендзов, перемявший к этому времени всех до одной медсестер, пообещал сделаться образцовым раненым.

— Буча, е мое... че думаю, надо бухло брать, — заговорщицки шептал Ивану на ухо маленький сапер. — Ништяк отметим, мама не горюй! Ты это, Лариску... ну, то есть Лору пригласи.

И на всякий случай назад от Ивановой койки.

Случилось с Иваном обычное.

Пожалели, приглубили его — он и потянулся к мягкому и доступному. Была пустота. Лора-медсестра стала первой, кто заполнила собой эту пустоту. Другим, вроде Ксендзова, мало кудряшек в голубом. Ивану хватило в самый раз.

Ждал Иван Ларисины дежурства, без нее даже с постели не хотел вставать.

Недели две тянулся их госпитальный роман. Закончилось все в один день. Лора больше не пришла. Это казалось Ивану странным, потому что она и словом ему не обмолвилась. Просто не вышла на дежурство, и все. Вспоминал Иван, что последние дни она была обеспокоенная чем-то, будто не высыпалась, вид у нее был нездоровый.

Ксендзов старался не заговаривать с Иваном на тему рыжей медсестры. Сам близко к ней не подходил. Только слюни пускал. Зато Витюша заявил как-то:

— Че ты паришься? Других мало?

Не выдержал Иван, зашел как-то в перевязочную. Молоденькие смешливые медсестры сначала не хотели говорить, переглядывались между собой, прятали глаза от Ивана. Но он не уходил. И одна рассказала:

— Перевелась Лорка в другой госпиталь, чтобы ближе к дому. По семейным. Больше ничего не знаю. Ходят тут... — и кокетливо: — женихи!

Вдень Иванова рождения ему торжественно объявили, что уколы закончились, лечение его идет к концу, и к майским чтоб собрался он на выписку. Иван же задумал, перед тем как уехать, найти все же Лору и объясниться, потому что душа его теперь тянется к ней.

День рождения отмечали чаем со сгущенкой. В палату набился народ с отделения. Кто Ивану тельник подарил — три штуки на тумбочке лежат, кто патрон отполированный, кто так пришел с распростертыми объятьями.

— Тахись, братан!

— Серьезный возраст...

— Надьку с Викой зовите! А чего...

— Щас как дам по шее. Будешь еще лапаты!

— Ой, телефон звонит! Ой, а вдруг старшая?..

Девчонки-сестрички накрывают на стол. Хохочут. Шикают друг на друга, на синие пижамы — перебудите весь госпиталь! Скользят сквозь мужские руки. Кому досталось уже по шее. Да кто обидится? Сначала по шее, потом в обнимку в укромном уголке.

Ксендзов громче всех орет:

— Пляньте, во!..

Подушку свою откинул. Там «батарея» — водка с пивом.

И врачи, и раненые потянулись в центр палаты — увидели в руках генерала красную бархатную коробочку. У доктора очки съехали на кончик носа. В коробочке лежала звезда Героя России.

— Чего бы без меня! Буча, мама не горюй, я рэп сочинил... Хочешь почитаю? Нам посвящается.

— Кому — нам? — Иван не в настроении. Все понимают, отчего происходят его переживания. Дела сердечные, кто ж от них остается в стороне.

— Госпитальным, вот кому...

Но кто-то уже потянул из-под подушки бутылку. Откупорив, разлили. За первой в Иванову честь, сразу по второй, а там... Примолк Ксендзов. Поднялись с коек лежачие, кто на сколько мог. И выпили третий. Водки немного было — каждому досталось по граммиле.

Выпил каждый свою грамульку с одной мыслью: «За вас, пацаны...». Погрустили положенное, и дальше по пиву, чтобы «за нас сколько не пили», чтоб «свои не обстреляли» и за всякие другие фронтные суеверия.

Принесли гитару. Витюша оказался умельцем до всяких песен. Прошелся по аккордам: сначала «Батяню-комбата», «Кукушку» афганскую.

Отпели.

У Ксендзова где-то, наверное, краник был, — он пьяней всех, хоть и пил вровень; Надюшу с Викой щиплет; те визжат. Он куда-то пропал минут на пятнадцать, возвращался и стоял в дверях — пошатывался.

Пробрала маленького сапера икота. Иван ухмылку прячет в уголках губ. Ксендзов машет на Витюшу:

— Витю-ик-ша, завязывай. Пацаны, час будет... рэп!

— Уу-ууу! — загудели.

— Чмо рэп!

— К нигерам в Гарлем...

— Ксендз, давай нашу!.. Саперы всегда впереди в наступлении-и...

Ксендзов гитару у Витюши отобрал и поднял над головой.

— А я говорю, ша будет рэп! Посвящается Буче, то есть Ивану Знамову, — он бросил гитару на койку, жалобно звякнули струны, — и всем нам... Госпитальный рэп! Музыка рабочих кварталов, — торжественно объявил Ксендзов и нажал кнопку на своем плеере.

Под хриплый «дум-дум-дум» Ксендзов стал изгибаться, дрыгаться и выделять растопыренными пальцами энергичные движения. Он читал свой рэп, прыгал, как сумасшедший, тыкал себя в грудь и в лоб. Такая это была божба по-ксендзовски:

— Мы раненые солдаты, мы не больные волки! Волки на минных полях подошли. Мы саперы и мы снайпера, десантуре, пехоте — ура! Дум-дум... Волчьи ворота

закрылись не сами, мы теперь обрастем усами. Хоп-хлоп... Мы пошлем на три буквы зверей. Тяжелые сау, ау-ау! Не жалей, бей зверей! Мы батальон раненых парней. И это наш госпитальный рэ-эп! Рэп, рэп...

Захлопали в такт кривляниям Ксендзова, задвигались: костяками-кулачинами буравят воздух, челюсти сжали до скрипа зубного; раскачиваются раненые плечо в плечо, в обнимку. Не остановить маленького сапера:

— Дембеля и душары, говорите с нами, лейтенанты, комбаты, мы пьем за погоны, за устав, за то, что русский солдат будет прав!

«Прав, прав...» — повторяет про себя Иван.

— Пусть дрожит душман, по горам бродит, ищет двой склеп. Это наш госпитальный рэээп!!

На самом деле, это было смесью дурного поэтического вкуса и стонов «африканца» в подвале. Да плевать!.. Ксендзов сразу же стал героем номер один.

— Слова перепиши, Ксендз!

— Бей зверей!..

— Сау, ау, ау! Ништяк, братан...

— Викуша, а не прогуляться ли нам...

Наступило утро.

На измятой койке Ксендзова валялась гитара. Взъерошенные после ночи медсестры прибежали и, делая ужасные глаза, сказали что Ксендзову — все!

— Гитару-то гитару.. ой, чево будет! — и умчались, задирая мятые подолы.

Доктор детально рассказывал, что и в какой последовательности натворил нарушитель-рецидивист Ксендзов.

Ксендзов перелезал через забор с двумя бутылками водки: Ксендзов же не мог тихо — он пел госпитальный рэп! Но не все же понимают его творчество. К примеру, дежурный офицер по госпиталю не проникся.

Доктор сказал, что нарушитель дисциплины Ксендзов будет сегодня же выписан и отправлен долечиваться в свою часть.

— Тем более, — продолжал доктор, — сегодня у нас мероприятие. Вас придут поздравлять. Замкомандующего округом лично вручит государственные награды. Будут представители церкви и общественности. Поэтому сегодня нужно привести в порядок палату и быть готовыми встретить гостей достойно.

Мероприятие началось сразу после завтрака.

От общественности пришел всего один с отвисшим брюшком. Он ставил в ноги каждому пакет с гуманитарной помощью и повторял одно и то же:

— Скорого выздоровления, скорого выздоровления!

Иван полез в пакет и вынул, что первое попало, кар-

мантный календарик. На календарике этот же мужик с брюшком стоял на фоне города. И подпись: «Кандидат от народа Му...ков». В пакете лежал тельник, пятый у Ивана уже, сгущенка, конфеты сосальные, шоколадка и пара синих носков.

Разозлился Иван.

— А че носки не белые?

«Ц и в и л ь н ы й» заволновался.

— Как вы сказали? — и к генералу, на ухо ему: — Альберт.. ну, что же ты меня не предупредил? Солдат просит белые...

Генерал готовился сказать речь. Вокруг

суетились три старших офицера в золотых парадных погонах, попик в рясе. Генерал, в сущности, был неплохим человеком, поэтому ответил тихо, чтоб никто кроме «цивильного» не слышал:

— На кой ляд ты носки эти придумал?

У них и ног-то не у всех по две. Ты бы им лучше водки хорошей... Ладно, не бери в голову, — и громко в Иванову сторону: — Товарищи военнослужащие, про носки ничего не скажу. Но имею честь от лица командования вручить вам, то есть, отличившимся, государственные награды!

И генерал, не теряя понапрасну времени, стал вызывать по одному.

Первым назвали Витюшу.

Тот вытянулся по стойке смирно и строевым шагом, прижимая к бедру правую ладонь с оставшимся на ней одним единственным большим «музыкальным» пальцем, подошел к генералу.

— Носи, сынок, заслужил, — и нацепил генерал на грудь Витюше медаль «За Отвагу».

— Служу отечеству! — рявкнул Витюша.

Наградили еще одного паренька медалью «Суворова». Иван хотел завалиться на кровать, потом решил, что надо бы покурить сначала.

И вдруг:

— Ксендзов! Рядовой Алексей Ксендзов... А где он?.. Что-о?

Генерал свирепо глядит на доктора, а тот объясняет, что так и так, дескать, выписан боец за нарушение режима.

Иван с интересом наблюдал за развитием событий. А события не заставили себя долго ждать. Генерал, уж не стесняясь никого, трубным басом, так, что даже

худощавый попик с испугу зажмурился, загудел:

— Доставить сюда. Сейчас, немедленно! — и тише, но так что все услышали: — Ты что, доктор?.. А это кому прикажешь вручать — а?!

Непроизвольно и врачи, и раненые потянулись в центр палаты — увидели в руках генерала красную бархатную коробочку. Генерал открыл, и все ахнули. У доктора очки съехали на кончик носа...

В коробочке лежала звезда Героя России.

Спустя тридцать минут Ксендзов, извлеченный в аварийном порядке из дежурки, где отсыпался после «сильнейшего опьянения», переодетый в чью-то чистую пижаму, уже стоял подле генерала, потупив взгляд. Ему было сильно плохо, он слушал монотонно-торжественную речь генерала, но не мог сосредоточиться.

Внутри давило на все клапана. Он жадно окинул взглядом палату. Минералка стоит на столе, прямо посередине, всего в двух шагах. Но генерал! Придется ждать...

Генерал пересказывал с листка подвиг Ксендзова:

— Оставшись один в окружении, рядовой Ксендзов не бросил оружие. Он прицельно стал бить по врагам. В течение полутора часов с одним пулеметом он удерживал более сотни боевиков, более тридцати были им уничтожены...

Торжественно молчали все в палате.

— Когда в укрытие, где он находился, ворвались обезумевшие от ярости бандиты, рядовой Ксендзов швырнул последнюю гранату и успел спрятаться под развороченные доски пола...

Ксендзов глазами тоскливо шарил по палате.

— Рядовой Ксендзов, выбравшись из-под горящих обломков, оставаясь все время в сознании, хотя получил тяжелые травмы, смог доложить... Благодаря его умелым действиям банда была уничтожена.

Генерал перестал читать, сделался особенно торжественным, надул щеки и произнес:

— За мужество и героизм, проявленные во время... рядовому Ксендзову Алексею... звание Героя России!

«Воды!» — страдал Ксендзов, когда генерал пристеги-

вал к отвороту синей пижамки Золотую Звезду.

«Лешка!.. А я даже имени его не знал», — подумал Иван.

«Пора в отпуск. Да разве отпустят? Валит народ и валит. Может, к осени? — предполагал доктор. Он тоже, в общем-то, был неплохим человеком.

«Недисциплинированный солдат, водку мешает с пивом, — решил про себя генерал, принюхавшись к перегару. — Но герой! Эх, Му...ков, мог бы по бутылке... Ну, ты мне сегодня простишься по полной программе!»

«Еще в училище, в химчасть и к строителям... — скрестив руки на животе, «цивильный» стоял с патристическим выражением лица. — Тыфу, пьянь! Разит, как с помойки!.. Итого получается двадцать семь тысяч. Еще ж генерала поить! С этим халыва не пройдет, придется брать дорогую водку. Ну, б..., только изберусь! На месяц уеду отдыхать с Эльмиркой на Ибицу».

К майским праздникам, как и обещал доктор, отпустили Ивана домой.

Прощались они с Лешкой Ксендзовым у ворот.

— Я тебе адрес написал и это... слова... госпитальный рэп. Мож, пригодится...

Они обнялись, и Иван ушел, вскинув на плечо дорожную сумку.

Не оглянулся ни разу.

Ксендзов помахал ему в след: провожал до последнего, пока Иван не скрылся за поворотом у магазинчика.

Философия войны! Да разве ж кто задумается так-то вот, выйдя на свободу, шлепая трофейными берцами по первым теплым лужам. Не вспомнит сразу солдат про ту философию. Ему не до глубоких мыслей, ему легко сейчас. Повезло тебе, солдат, топай теперь своей дорогой, хватай от жизни что и сколько сможешь, на девчачьи юбки заглядывайся. А философия? Рано, рано... Надышись сначала, нарадуйся. Потом поймешь. Нынче бинты с тебя, солдат, сняли. Про госпиталь ты, может, вспомнишь когда-нибудь: вспомнишь не бинты крваво-гнойные, не хрипы, не пятки желтые под белой «с головою» простыней, а так, что пробегут перед глазами развеселые истории про Лешку Ксендзова, про Витюшу-гитариста, да про коленки малиновые.

Иван все не как другие — раз задумал свое, так и решил — найду Лорку и скажу: ты думаешь, я как все, помял тебя и на сторону? А я, вот, не такой... Я жениться на тебе хочу. Возраст? Война нас уравнила. Поживем с тобой, потужимся. Мать у меня, знаешь какая? Болота опять же, сосед, крендель...

Так думал Иван, пока искал по бумажке с адресом тот госпиталь, куда перевелась Лора-медсестра. Как здорово было бы, чтоб нашел Иван свою рыжую Лорку. Поговорили бы они. Всплакнула бы «тетуха», а потом кинулась к Ивану на шею. Да! Любимый мой, родной, тебя я ждала. Ты же меня в снах своих неспроста видел. Пойдем, раз такое дело, поженемся и заживем счастливо.

Но куда же философию девать?

Ох, горячишься, ты, солдат, нарываешься. Это ты-то, который Петьку Калюжного мокрого, голоногого ворочал, взводного тело, размазанное по броне, ташил-соскребал, мальчишке-шнырю пулю положил в висок, сам чуть с белым светом не распроцался! Обернись, солдат, оглянись по сторонам, да не жми голову в плечи от трамвайных перестуков, на окна не смотри с опаской. В окнах зайчики солнечные скачут, на трамвайное треньканье народ бежит, торопится, чтоб на свой маршрут не опоздать.

Нет войны вокруг тебя. Но она есть... в тебе теперь, солдат!

Вот и вся философия.

Остеречься бы тебе, чтобы больно не стало. Да куда там! Записка с адресом зажата в кулаке. Вон и госпиталь, к которому шел ты полтора часа по мокрым весенним асфальтам. Что ж, попробуй, обмани войну!

Когда Иван увидел Ларису, то почему-то вспомнил ему тот их первый разговор в туалете на подоконнике. Она будто стала

сильнее косить. И глаза снова красные воспаленные. Некрасивая. Волосы упрятаны под шапочку и лицо тонкое, осунувшееся.

Свежо после дождя. Лариса кутается в платок, руки прижала к тяжелой груди.

— Чего тебе? Она спросила холодно, чужим, незнакомым Ивану голосом. А Иван все забыл, что хотел сказать, но даже если бы и сказал все правильно, не с таким глупым выражением лица, ничего бы не изменилось. Война — сука! Вали все на нее, солдат...

— Ты, вот што... Я замужем, — ответила Лариса. — Муж... инвалид, офицер. У него орден за первую войну и пенсия за вторую группу. Тебя выписали, вот и катись.

Молчал Иван как оглушенный, шарил глазами по асфальту, сразу и понял, отчего все то время казалась она ему усталой и невыспавшейся. Лариса, кутаясь в свой платок, развернулась и пошла, но остановилась у дверей капэ и, не глядя Ивану в лицо, сказала на прощание:

— Прости, Ванюша. Езжай с богом! Все у тебя еще будет...

Летят пульки шальные и там, за хребтом, и здесь, где солдаты, одуревшие от воли, свободы рыщут по мирной земле; идут клейменные кровью, а за ними по пятам — война. Метит, дырявит каждого — кому в душу, кому прямо в сердце, чтоб больнее было.

Истинная блядь — война!

Но Лора, некрасивая косоглазая Лора! Благодаря, солдат, Создателя и Министерство Обороны, что есть в нашей армии такие женщины. Будешь ты трястись в поезде, ворочаться исколотыми ягодицами по жесткой плацкарте и вспоминать, — что ж было в ее словах, в ней во всей такого, отчего вдруг задышалось тебе с облегчением, свалилась с плеч тяжесть? Да ничего необычного — простая женская мудрость. Тебя отпустили солдат, простили и пожелали счастья. Так иди и не терзайся.

Так и не дотумкал Иван сразу, но отлегло, будто долги отдал. Теперь только о доме: о новом — незамаранном, неклеяменом — думалось ему.

Дождь снова закапал — теплый, весенний.

Подставил Иван лицо под дождь, а потом смахнул с лица капли, будто все болезни и воспоминания разом, и потопал к поезду.

Дмитрий Краснопеев

Участвовал: Чечня

http://artofwar.ru/k/krasnopeew_d_w/

Прапорщик. Окончил Красноярский Государственный Педагогический Университет в 1998. Преподает историю в средней школе и университете.

ЭФКА И ПМ

Мартовский бодрячок в Грозном 1996 года. Отсидев ночь на крыше общаги ФСБ, иду быстрым шагом до родного управления. И какой чудак распорядился общагу за три квартала до основных сил организовать? Прямой видимости нет, рации только крышу берут, оставляя глухими пять этажей здания. Не иначе как чеченские ополченцы подсказали, где удобнее расположить личный состав прикомандированных к управлению сотрудников.

Штурма сегодня не будет, это точно. Магазинчики открыты, ножи (местные жители — чеченцы) снуют по житейским делам, солнце работает вовсю. Пара поворотов по полуразбитым улицам, и вот она — управа. Уладив в отделе кадров свои нехитрые прапорские дела, вышел во двор управления с благородным вопросом: «А не позавтракать ли пиццей горцев?» Еще размышляю по этому поводу, а ноги уже сами несут меня в ближайшее кафе к чеченке Тае. Совсем недавно нарвался на эту забегаловку, где и познакомился с приветливой женщиной. Как и следует сотруднику специальных служб, при знакомстве старался сбить потенциального противника с толку, проявив весь набор конспиративных приемов, хотя и не без прокола.

— Хамар джоба, — поздоровался я на одном из кавказских языков, с неисправимым сибирским акцентом.

— Хамар джуба, — рассмеялась Тая, принимая игру.

В разговоре я назвался учителем истории и даже показал, в какой стороне моя школа. После выпил сто грамм и поставил данное заведение на личный оперативный учет. Через пару дней снова зашел к Тае, и узнал, что вся моя конспирация на хрен. Поздоровавшись, Тая улыбнулась и сказала: «Видела тебя, учитель, вчера, с указкой за спиной. Какую же ты историю преподаешь своей снайперской винтовкой?» Да нет, меня не сильно смутил провал, но что было удивительным в ее словах, так это

УФСБ по Чечне. Июль 1996-го

отсутствие ненависти, а, скорее, сожаление по поводу моего обмана. Надеюсь, в следующих рассказах вернусь к чеченке Тае, а пока — утренний бодрячок.

— Тая, привет. Сто пятьдесят водки, шашлык и салат.

— Дима, торопишься? — вопрошала она.

— Ну, в общем, да.

— Тогда садись, я накрою, — улыбнулась добрая женщина.

Под открытым небом огороженное пространство вмещало в себя примерно

пятнадцать столов. Я выбрал крайний к выходу и сел так, чтобы как можно больше означенной площадки было на виду. Кафе заполнено разным народом: милиционеры, гражданские — местные жители похмелялись и закусывали. Были ли федералы? Не помню.

С той поры прошло 9 лет, а я до сих пор благодарен Богу за то, что прежде, чем взяться за шашлык, изрядно отхлебнул огненной воды, которая, побжевав по сосудам, укрепила мою мужественность. Закусил бараниной и, как обычно после спиртного, немного подобрел. «Весна идет весне дорогу», — пели откуда-то из сквера горлицы, радуясь кавказскому утру. Но в этот самый момент в кафе вошли шесть вооруженных ножей и прервали своим видом мое созерцание. В милицейской форме, без знаков различия, пулеметчик, четыре автоматчика и снайпер. Вполне допускаю, что это были самые миролюбивые милиционеры в Грозном, которые, как и мы, пытались навести конституционный порядок в Чечне, но их видок и действия, мягко говоря, меня насторожили. Сейчас уже неважно, чем я им приглянулся, то ли бороденкой своей юношеской, то ли место за моим столом было свободно, а только они всей гурьбой, что-то импульсивно обсуждая, расселись подле меня. Два сели за спиной, два сбоку, два с противоположного торца стола.

Сели, значит, гости непрощенные и продолжают что-то балаболить на непонятном мне языке. От легкого волнения мой пишевод растянулся до необычайных размеров, что позволило кусочкам шашлыка проваливаться в желудок практически нежеванными.

Было от чего волноваться. Мне товарищи рассказывали, как в плен наши попадают. Идешь или сидишь, подходят со спины, упирают что-то твердое в позвоночник и так тихонько с акцентом: «Давай, давай, садись в машину», или заворачивай в дом,

или в подвал. Обернувшись, видишь лица улыбающихся людей, непонятной национальности: «Ребята, да вы что?» А они: «Да ничего, землячок, ты двигай вперед, все в порядке будет». Вот так, с улыбкой и шуткой, наши и попадали в плен. Севшего в машину или зашедшего в дом хлебосольный дастархан не ждал. В лучшем случае, продадут своим или обменяют, а о худшем и говорить нет охоты. Привозили двух таких офицеров, все в коростах и синяках, отсутствующий взгляд, одному Богу известно, что пережили эти люди.

Однако, сижу в кафе и глотаю куски мяса. В принципе, наверное, эти люди не замечали моего волнения. Но чего мне это спокойствие стоило!

«Да я вас шас всех к херам собачим «эфкой» подорву! А после контрольным выстрелом из ПМа дококошу! Зря, что ли, я прапор ФСБ!» — пронеслась безумная мысль. Скорее всего, так оно и было бы, если бы не тот глоток «шайтан воды». Водка вернула течение мысли в трезвое русло. Сделав меня холодным и расчетливым. Да, описанный арсенал присутствовал по моим карманам, но шансы на победу в неравном бою за идеи верного сына демократии Бориса Ельцина были равны нулю. Увы, мне не дали бы даже вытащить мои «цапки» из карманов, не говоря уже о том, чтоб разогнуть усики у гранаты, или патрон в патронник дослать.

«Да я вас шас всех к херам собачим «эфкой» подорву! А после контрольным выстрелом из ПМа дококошу! Зря, что ли, я прапор ФСБ!»

Та самая Шашлычная. Муж Таси Ваха (на заднем плане с усами) был убит в августе 96-го, когда обстреливал УФСБ из снайперки

А тут и непрошенные гости встали русскую фразу в свой разговор, продолжая беседовать между собой.

— Ты откуда? — донеслось до меня, с противоположного торца стола. Не отводя взгляда от баранины, буркнул в ответ:

— Из Сибири.
— Из Новосибирска, что ли? — продолжал вопрошать тот же милиционер, переведя взгляд со своего сослуживца на меня.

— Нет, подальше, — ответил я, посмотрев на него. Наши взгляды сошлись, и мне как-то неудобно было его отводить. Хотя отвести глаза в сторону должен был я, потому что я пришел к нему в дом незваным. Отвести взгляд должен был я, потому что большая часть бороды моего собеседника была седой. Мне нужно было отвести взгляд хотя бы потому, что его ПК и мой ПМ хоть и имеют

Двор общежития УФСБ, бывшая общага грозненского нефтетехникума

ему стакан с остатками водки. Чуть поубавив свой пыл и отведя взгляд, бородач приподнял левую руку с раскрытой ладонью и ответил: «Э... я не пью», — на что я добродушно и бесшабашно заметил: «Со вчерашнего, что ли?»

Реакция моих гостей была неожиданна. Милиционеры вокруг меня засмеялись, выдержав паузу, не смог сдержать смех и мой собеседник. К этому моменту последний кусок баранины упал в мой желудок и видимых причин задерживаться в этой дружеской обстановке у меня не было. Я встал и попрощался.

До общежития шел быстро, матерясь и чертыхаясь на себя, что поперся куда не следует, да еще и в одиночку. Перед общежитием грозненского нефтяного техникума, в здании которого мы располагались, взял полкилограмма «черкесской» водки.

Наши прапора были на выезде, поэтому, пройдя в комнату, позвал к себе скучающего альфонса Игоря (позывной не скажу, нельзя, понимаешь ли) и разлил с ним по граненым стаканам живительную влагу. Чокнулись — выпили, налили еще, чокнулись и выпили, налили еще, встали, помолчали и выпили, не чокаясь. Закусили. Застолье было недолгим, бессонная ночь и приличное количество спирта сделали с моим молодым организмом свое дело.

«Вот с-суки! — возмущался я, залезая на второй ярус солдатской койки. — Хотели в плен взять, а только кишка у них тонка! Прапора на понт не возьмешь! И без боя мы не сдаемся!» — доказывал я перед отключившейся сидящему за столом захмелевшему и улыбающемуся сотруднику подразделения «Альфа», размахивая кулаками в воздухе.

Жизнь продолжалась...
Ноябрь 2005 года.

схожее звучание, но абсолютно не равнозначны в бою, хотя, конечно, кто, на что и как учился. Я не перевел с него взгляд, а когда прошла пара мгновений после того как это должно было случиться, мой оппонент, гневно прищуриваясь, сделал едва уловимое движение стволом в мою сторону и процедил сквозь зубы: «Чего смотришь?»

В принципе, я был не знаком с кавказскими обычаями, но в этот момент неожиданно для себя нашлся: «Ты гость моего стола, хочу тебя угостить», — при этих словах протянул

Алексей Наумов

http://artofwar.ru/n/naumow_a_a/

МИНИАТЮРЫ

Пятиэтажка

Наша артиллерия ударила внезапно и точно. Точно по нам. Пятиэтажка, с таким трудом взятая, таяла на глазах. Потеряв восьмерых при штурме, мы снова несли потери. Первый же снаряд обвалил перекрытие, и оно, рухнув в метре от меня, похоронило двоих. Ползая на четвереньках в поисках своего выпавшего автомата, совершенно оглохший и почти ослепший от пыли, я наткнулся рукой на страшную бурую жижу, вытекавшую из-под плиты. Меня тяжело вырвало чем-то горячим и жгучим.

Огонь нарастал. Несколько снарядов влетели в окна, накрыв еще нескольких наших. Прыгая через пять ступенек, мы неслись в подвал, по пути прихватывая новых раненых.

В подвале было тихо. В дальнем его углу, еще при зачистке, мы нашли человек 20 мертвых гражданских. В основном, пожилые женщины. Их загнали в подвал и там расстреляли. Около недели назад. Рядом мы свалили в кучу тела чехов. 16 трупов. Еще ближе ко входу лежали наши... Это было славное местечко, и если бы не бушевавшая наверху! наша, будь она неладна, артиллерия, я бы бежал отсюда без оглядки. О запахе я молчу.

Подвал ходил ходуном, но держался. Наверху остались двое. Потом вернулся один. Второго, Витьку Морозова, пулеметчика, так и не нашли. Только покореженный пулемет и какие-то тряпки. Все. Конец. Закрытый гроб.

Потолок стал давать трещины, а кое-где обвалился, к счастью, никого не задев. Все заволочило пылью и едким дымом. Боец рядом не выдержал. Завалившись сначала на бок, он взвыл, потом вско-

чил на ноги и попытался бежать. Я сбил его с ног и отобрал оружие. Юрка Змий связал его куском кабеля. Боец мерно постукивал. Он сошел с ума. Огонь стих. Мы выскочили наверх и заняли позиции среди руин. Стало очень тихо. Откуда-то издали лениво бил снайпер, но не попадал. Так прошел день и ночь. Утром, предварительно снова обстреляв, нас сменили. Из тридцати человек, штурмовавших сутки назад пятиэтажку, вышло семеро. Восьмым был я, но об этом я узнал уже позже, в госпитале, после трепанации.

Двести

Автомат он бросил уже давно. Минут десять назад. Две «эфки», зажатые в руках, были его последней надеждой. Надеждой на быструю и легкую смерть. Смерть без выколотых глаз, перерезанного горла и вкуса собственного члена во рту. Просто смерть.

Сердце выскакивало из груди и норовило застрять в горле. В глазах темнело так, что порой он не видел собственных рук. Но ему удалось оторваться от них шагов на двести, а это значит, что у него было еще несколько секунд. Он грузно присел.

Раньше, очень давно, в другой, не земной жизни, до войны, двести шагов были для него чем-то абстрактным, неосознанным, пустым. Теперь все изменилось. Это огромное и, в то же время, ничтожное пространство жиденького леса и неприглядного кустарника на склоне горы было единственным, что разделяло его и тех людей. Его и его смерть.

«Господи, а когда-то я хотел купить машину и новый компьютер!»

Он почти засмеялся своим мыслям. Теперь он хотел только жить. Жить — и больше ничего.

Голоса приближались. Кто-то наугад дал очередь, и пули глухо прошлепали по земле и камням рядом с ним. Пора! Он поднялся и продолжил свой бег.

Растяжка сработала четко. Взрывом его швырнуло на спину и начисто снесло обе ноги. Боли не было. Совершенно спокойно и даже с каким-то умиротворением он смотрел на свое изуродованное тело со стороны и немного сверху. Он был очень бледен, и кровь отчаянно покидала его.

Чечня

Преследователи улюлюкали и что-то кричали друг другу. Некоторые остановились и закурили. Он видел их лица и, казалось, слышал их тяжелое от бега дыхание. Двое жадно продолжали нестись к его телу.

Но они не успевали. Двести шагов давали ему время.

Он выгнулся дугой, глаза страшно расширились и почти вылезли из орбит, легкие до отказа наполнились, и, не успев закричать, он умер. Обмяк и застыл.

Он видел, как первый подбежавший всадил в него длинную очередь, а затем несколько раз пнул ногой. Потом, переговариваясь и смеясь, подошли остальные и присели на корточки. Они тоже здорово устали.

Внезапно пелена облаков распалась, и ярчайшее из всех виденных им солнц ослепило его, наполнило жаром и неудержимо

Выстрела никто не слышал. Пуля, на излёте ударившись о броню, ушла вверх и разворотила Северину пах. Кровь не хлестала, а текла сильно и ровно, как вода из крана.

потянуло к себе. Все быстрее и быстрее он понесся на этот ласковый и волшебный свет, ощущая себя удивительно свободным и счастливым. Счастливым, как никогда.

Сирень

Сирень отвратительно пахла солярой, и сколько мы ни пытались отогнать

этот запах, она упорно пахла именно так. Тяжелая техника почти смяла куст, забрызгала его грязью и здорово обдала копотью. И все-таки это была сирень. На фоне мертвого, искореженного войной пейзажа, она отчаянно цвела и не замечала ничего, кроме этой жуткой весны; весны со восходами человеческих рук и вечно открытых глаз.

Ребята неохотно отходили. Шутки не клеились. Все вдруг притихли и, погрузившись на «бронь», молча курили. Северин отошел последним, отломив измочаленную веточку и прикрепив ее на разгрузку. Никто не острил. Колонна тронулась.

Северин вообще был неприкасаемым. Не знаю как, но он не имел прозвища. Все звали его только по фамилии и никак иначе. Среднего роста, немного сутулый, он ничем не выделялся. Но даже разведчики держали его за своего. Есть такие люди.

На короткой остановке он, глядя куда-то через мое плечо, сказал:

— У меня такая же на даче... Высокая... Метра три. Выйдешь ночью на крыльцо, а она прямо в лицо пушится... А выше — звезды... Много звезд...

Я молчал. Мы вновь тронулись. Выстрела никто не слышал. Пуля, на излете ударившись о броню, ушла вверх и разворотила Северину пах. Кровь не хлестала, а текла сильно и ровно, как вода из крана.

Беспорядочно обстреливая ближайший лес, мы неслись дальше. Он не кричал, но смотреть ему в лицо никто не мог. В одну минуту он постарел и дико, неправдоподобно осунулся. Огромными зрачками буравил небо и молчал. Страшно молчал. Через десять минут он умер, так и не крикнув.

Через два дня меня тоже убили.

Александр Карасев

1971 г. р. Чечня. Лейтенант.

ФЕРЗЬ

— Кол-лесников!
— Я, тащ капитан.
— Строй взвод.
— Есть.

Пятнадцать бойцов тянутся и выстраиваются в центре ВОПа под длинной буквой тычкой с флагом. На правом фланге становится смена в бронежилетах и касках, с автоматами; остальные — только с автоматами. Обычно Фрязин не строит дежурную смену, но сейчас приказал — всех в строй!

— Па-а-аживее строимся, — цедит Фрязин. — Колесников! Долго они у тебя будут вошкаться?

— Гуленко! Бегом! — орет Колесников.
— Ста-навись, рав-няйсь... смирна!
— Колесников поворачивается к Фрязину с рукой у виска:

— Товарищ капитан, взвод на развод построен, заместитель командира взвода старший серж...

— Вольно! — Фрязин бросает руку к ноге.

— Вольно! — дублирует сержант. Фрязин выбрит, затянут портупеей.

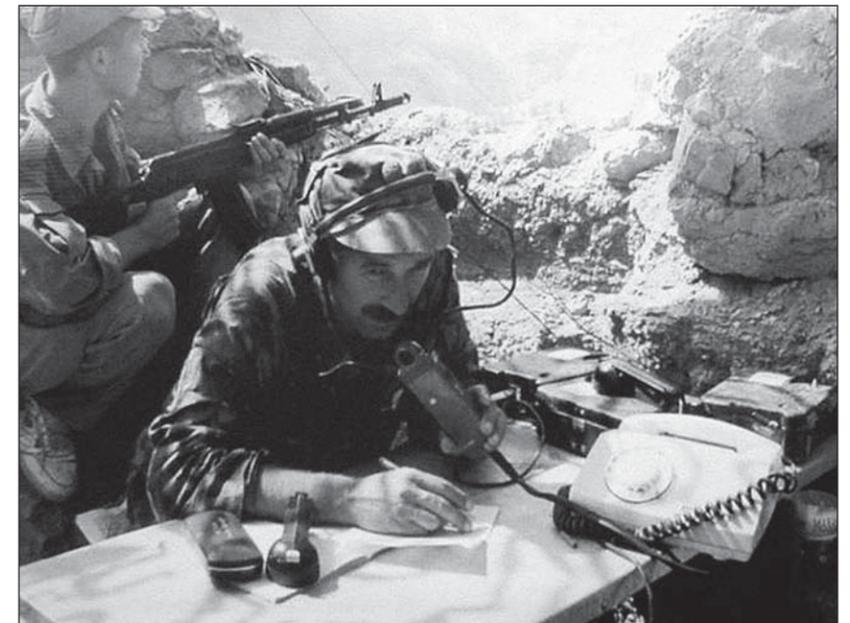
Его берцы блестят, как будто он не вылез час назад из землянки, а, такой плакатный, свалился с неба на их головы:

— Товарищи солдаты! Если кто-то еще раз уснет на посту или не выполнит приказ сержанта Колесникова, или какая-то сволочь будет отлынивать от работ — расстреляю. Расстреляю! И спишу на гниль. Мне на хер не надо, чтобы из-за одного м...а мне вырезали ВОП. Ва-просы?

Бойцы уныло молчат, уставившись в землю и в лакированные берцы капитана Фрязина. Трудно сказать, верят ли они в расстрел.

Фрязин ставит задачу. И новый, похожий на все остальные, день начинается визгом пил, треском топоров, скрежетом кирок и лопат о высохший каменистый грунт. Взвод врывается в землю на высоте с координатами 63/87/8.

Заканчивали окопы с тремя ячейками на каждого стрелка (одной основной и двумя запасными). Беликов и Шакиров обкладывали бруствера квадратиками дерна. Начали соединять окопы в траншею. Пока нет ходов сообщения, но это

позже... Строились на приемы пищи, ели быстро — и опять за работу. Солнце сжигало мокрые спины. Часовые в бронежилетах обливались потом на постах. К вечеру под рев Фрязина и пинки Колесникова успешно закончить дзот с тремя бойцами на поляну. Команда контрактника Евсюкова закрывала завалами лес по боковинам ВОПа. Когда уже смеркалось, Фрязин с Евсюковым ставили растяжки в лесу.

— Лопаты сложить, строиться!
— Пилы, топоры сложить, строиться!
— Па-живей! Смена!..

Первая смена расходится по постам. Люди в черных бронежилетах сливаются с сумраком остывшего дня. Бряцает оружие. «У кого сигареты остались, парни?» — слышится голос Новикова.

Вьется триколор в лунном свете. Бородатые чудища лезут на ВОП. Фрязин бьет из автомата. Но чудища ползут, ими кишат окопы, заполняется землянка. Обтянутый кожей череп скалится. Узловатые пальцы вцепились в горло. Трудно дышать. Фрязин рвет с себя пальцы... В окошко пылится синеватый свет.

Фрязин всматривается в пустой мрак землянки, правая рука до боли в пальцах сжимает «эфку».

Поеживаясь, капитан идет по гребню высотки. Флаг на месте — не сняли чудища. Из-за горы, где РОП седьмой роты, раздается очередь. Веселый автоматчик выщелкивает: «Спар-так-чем-пи-он». Фрязин матерится и спускается на пост Евсюкова.

Контрактник сверху окопа на бронике. Черный лес гнет перед ним человекоподобные деревья. В шелесте листвы жутко рушится сухая ветка. Евсюков вздрагивает.

— Не спишь?
— Никак нет! тащ капитан.
— Че орешь? Все тихо?
— Тихо, тарих капитан.

Евсюков смотрит, как погружается за пригорок штормовка Фрязина... «Два», — кричит с поста Бахтин (Надо ж, не спит). «Один», — отвечает Фрязин. (Сегодня пароль — тройка)... «Где смена уже... душары, бл...»

Все в этой жизни заканчивается. Меняются смены. Солнце всходит над зеленью гор. Клочковатый туман ложится в речку Хул-Хулау. Играя мускулами, голый

Ферзь

по пояс Фрязин несет пулемет на дзот.

Воронин сидит на бруствере и жалуется Бувичу, демонстрируя грудь с гематомой и кровоподтеком.

— Всю ночь не спал. Под утро только вырубился. И тут эта шакалога, сука... берцем в грудка... Пулемет забрал...

Бувич куняет и слушает невнимательно.

— Тихо! Ферзь.

Фрязин подошел к бойцам, но смотрит вверх, вдаль. Вдруг он впрыгнул в окоп, передернул затвор и длинно застрочил:

— Кольцо! В окоп! Живо!

Воронин и Бувич, не соображая, катятся в окоп. В ответ пулемету хлестнули очереди. По поляне движутся фигурки, падают, стреляют и снова бегут.

Тудуф-тудуф-тудуф-туд-туд... фить-фить...

Фонтанчики земли вздыбились на бруствере, цепь противника, сбита огнем пулемета, залегла и ведет огонь. Фрязин переместился к амбразуре дзота, ткнул оцепеневшего Бувича.

— Коробку, Воронин, живо!

Потерявший лицо от страха Воронин шарит руками в ворохе бушлатов. Атака захлебнулась. На поляне лежат чехи и ведут огонь по дзоту, сзади ухнуло.

— Бувич, к пулемету... Так, Леша, пристреляйся, главное — не давай им поднять голову, и по зеленке лупи, там у них РПГ. Воронин! С автоматом к этой бойнице. Вот короб. Сейчас еще патроны будут, оденьте по очереди бронники и каски, — и Фрязин, пригибаясь, бежит к землянке.

Пуля цвилькнула о валун и рикошетом обожгла щеку. За спиной бьет пулемет Бувича.

Тудудуф-тудуф-тудф тудф...

Бойцы рассасываются по позициям, впервые охотно надевая каски и бронежилеты. Триколор падает к мате и снова взвизывает. Выстрел РПГ прошел над дзотом левее, и, когда Фрязин добежал до землянки, воронка еще клубилась пылью. Кибер у рации.

— Давай, Женя, на «Бром»: атакован крупными силами, веду бой, прошу помощь. Ламзуркин! Быстро на дзот 7,62 и обратно. Где Колесников?..

Фрязин бежит к АГС у правого фланга. От палатки на позиции несутся бойцы. «Живее!» — капитан прыгает в окоп... фить... «Снайпер, сука...» Не добежавшего до своих ячеек Гуленко нагнала пуля, его ноги заплелись, он пошатнулся, словно пьяный, и свалился на спину. Снайпер в зеленке за дорогой цокнул языком и стал выбирать другую цель.

Пулемет смолк. На флангах цепи поднялись две фигурки и, пригибаясь, побежали вперед. Обреченная, казалось, атака продолжалась. Чеченцы вели огонь, поднимались, пробегали извилисто несколько шагов, падали и откатывались в сторону. Евсюков не может поймать в прицеле автомата мельтешищие силуэты, жмет на спусковой крючок, понимает, что промахивается. «Аллах акбар... лах... бар» — в треске очередей. Евсюкова обуял ужас. Чехи подбираются все ближе. Ошалевший контрактник поливает поляну длинными очередями: «Гранаты, черт, где гранаты...» «Почему молчит пулемет?!..» Вздымаются фонтанчики на бруствере. Рядом Шакиров с РПГ. Волна от выстрела закладывает уши. Шакиров бросает гранник и хватается руками за голову: «А-а-а-а...»

Фрязин, будто заговоренный, носится под пулями в разгрузке на голое тело: «Митин, отставить огонь! Снаряжай магазины и передавай Бахтину», «Юра, прицельней», «Евсюков, к АГСу... Каштанов ранен, давай, Сережа... перебежками».

Когда по поляне застучал АГС, не добежавшие ста метров до русских окопов чеченцы дрогнули. Отошедшие от шока бойцы бьют короткими очередями. Бувич справился с перекосом ленты и снова ведет

огонь, но берет выше. С позиций над дорогой к месту боя Фрязин перевел Авдеева с ПКМом и Волкова с РПК, стрелков стаял с флангов (Если бы еще их кто-то стрелять учил!). «Ниже бери!.. бл...» В пулеметно-автоматной трескотне лопаются серии вогов: АГС кое-как пристрелялся, и поляну накрыла пелена разрывов. За ней чеченцы добежали последние метры до спасительного леса, падали замертво, ползли ранеными, выли в бессилии. Из второго АГСа Беликов работает в тыл по зеленке за дорогой (откуда бил снайпер).

— Прекратить огонь... пополнить боекомплект...плект... — катится по позициям.

Свалившийся от усталости на дно окопа Митин заметался с ящиками патронов вместо раненого Ламзуркина. Бойцы нервно снаряжают магазины. Радист Кибер доложил в полк, что атака отбита своими силами, что на ВОПе два «двухсотых» и четыре «трехсотых».

Во взводной палатке Фрязин и Евсюков возятся с ранеными. Капитан вкальывает промедол, контрактник бинтует, накладывает жгут на ногу Ламзуркину: «Все нормально будет, Саша, держись...»

Новикову пуля пробилась мякоть левой руки. Рядом хрипит Колесников. После двух тубиков промедола его перестали выворачивать стоны: пуля вошла в бронник — не доставало пластин в броннике, облегченный вариант, дембельский — вот и дембель... Шакиров затих на кровати с забинтованной головой, на повязке бурым пятном кровь — отвоевался башкир... Новиков хочет проникнуться состраданием... Веселый башкир, песенку пел: «В день седьмого ноября завалили хусая...» Убиты Каштанов и Гуленко...

Но Он жив!.. Только слегка задело... Новиков гасит улыбку, но улыбка тянет обветренные губы помимо воли.

Семь трупов стащили к брустверу окопа. Крайний в голубом камуфляже скрючился калачиком, откинул когтем кисть руки. Седоватому бородачу пуля 7,62 попала в голову, другому, рыжеволосому, в спорткостюме, граната Шакирова вывалила на землю кишки.

Раненым чеченцам оказали помощь — четверо, все тяжелые. Пятого, исходившего кровью молодого парня, посеченного осколками ВОГов и с перебитыми ногами, Фрязин пристрелил на поляне. Сейчас это крайний справа труп.

Собрали трофеи — два пулемета ПКМ, автоматы, разгрузки с зелено-бело-красными нашивками. Фрязин стоит в тени взводной палатки и наблюдает в бинокль, как бойцы снимают с убитых чеченцев натовские берцы: «Воронин первый, тут как тут, шпана хренова, очухался уже...»

Пулемет смолк. На флангах цепи поднялись две фигурки и, пригибаясь, побежали вперед. Обреченная, казалось, атака продолжалась. Чеченцы вели огонь...

Гуленко и Каштанова положили у флага. Если бы не кровь, прилепившая камуфляжи к телу, можно было подумать, что бойцы прилегли отдохнуть под знаменем, наплевав, наконец, на вездесущего капитана. Фрязин нагнулся и закрыл солдатам глаза.

Трехцветное полотнище переваливается в мареве августовского полдня. Девять бойцов с оружием, в стальных шлемах и бронежилетах выстроены перед фла-

штоком. Затянутый португеей Фрязин вскинул ладонь к козырьку кепи, сделал три строевых шага навстречу сухопарому комдиву:

— Товарищ полковник, первый взвод четвертой роты второго БОН отбил атаку противника силами до роты. Противник оставил семь убитых, четырех раненых. Наши потери: два убитых, четыре раненых. Командир восьмого ВОП, капитан Фрязин. — Небрежно прочеканив слова, Фрязин пожал протянутую руку полковника.

Полковник Емельянов ткнул труп в голубом камуфляже носком ботинка, поморщился, повернулся к свите и обратился к начштаба полка Козаку:

— Этих в полк. Наградные чтобы сегодня были на Фрязина. Бойцов отличившихся всех наградить. Фрязин, подашь список.

— Есть.

— Раненых увезли?

— Так точно, товарищ полковник! — Маленький замкомбата Павленок подбостранно высунулся из-за подполковников в надежде на медаль за оперативный вывоз раненых.

Емельянов еще походил по позициям, бросил свите: «А неплохо Фрязин здесь укрепился». Подполковники заулыбались и одобрительно закивали. Емельянов подумал о чем-то своем и, не обращая внимания на шеренгу солдат, пошел к спуску на дорогу. За ним засеменили подполковники.

В три следующих дня над высотой с координатами 63/87/8 барражировали «крокодилы», заливались трелью серебристые штурмовики. Угу-угу... Бухало. Рвалось в горах. Десантников тульской дивизии бросили на перехват дерзкого отряда НВФ. Артиллерия молотила по квадратам. Рыскали по окрестным аулам группы «спецов». Все сильнее чувствовалось дыхание осени. Измотанные переходами десантники оседлали ключевые высоты, коченели по ночам и добивали сухпай.

После нападения на опорный пункт капитана Фрязина командование решило снять восьмой ВОП. Когда уходили, расстреляли дзот из пулемета, обрушили крышу землянки, местами завалили бруствера. В это время Фрязин был над землей в транспортном вертолете МИ-26Т. «Корову» с дембелями и заменившимися офицерами трясло над развалинами Грозного. Под клопот винтов Фрязин спал, положив голову на рюкзак. Бородастые чудища больше не тревожили его.

Беседовал Раян Фарукшин

http://artofwar.ru/f/farukshin_r_n/

Полковник Сергей Баран:

«ШЕСТАЯ РОТА»

— Январь 2000 года, боевики в Грозном разбиты, Басаев тяжело ранен. Нам тогда показалось, что активная фаза ведения боевых действий заканчивается. Никто не думал, что один из самых важных боев чеченской войны еще впереди, и что мы в этом бою примем самое непосредственное участие.

Второй батальон нашего полка под командованием подполковника Марка Евтюхина выполнял задачу по блокированию населенного пункта Ведено и окрестностей, занимался проводкой колонн и охраной периметра базового района. Первый батальон выполнял более активные задачи: охранял группировку войск под Ханкалой, выезжал на боевые операции в Грозный, блокировал устья рек Хулхулау и Элистанжи, контролировал окрестности села Элистанжи.

К исходу февраля полк постепенно передислоцировался к окраине села Махкеты, где разбил новый пункт временной дислокации.

26 февраля командующим Восточной группировки войск была поставлена задача — выйти к 29 февраля на высоты 705.6, 626.0 и 787.0, что немного юго-восточнее Улус-Керта, и не допустить прорыва боевиков в направлении Сельментаузена, Элистанжи, Махкеты, Киров-Юрта.

Утром 27 февраля самоходный артиллерийский дивизион, часть разведывательной роты и передовой пункт управления полка с подразделениями охраны и обеспечения передислоцировались на противоположную сторону Махкеты. В передовой пункт управления (ППУ) во главе с командиром полка полковником Мелентьевым входил основной оперативный состав командного пункта — зам. начальника штаба, начальник артиллерии, начальник связи, начальник разведки.

К вечеру 27 февраля второй батальон подошел к ППУ для получения задачи — выйти к Улус-Керту и по высотам блокировать данный населенный пункт для завершения операции по разгрому НВФ совместно с другими подразделениями Минобороны и Внутренних Войск.

вернуть свой командно-наблюдательный пункт (КНП), а командир батальона с группой (вся 6 рота и один взвод 4 роты) должны были уйти дальше на высоты.

Протяженность маршрута была небольшой, всего около 10 км, но из-за тяжелых погодных условий и плохой видимости марш затянулся. КНП у Сельментаузена развернули, но в пешем порядке по горам шли медленно, давил и вес снаряжения, поэтому Евтюхин с группой к установленному времени дошли лишь до КНП первого батальона на горе Дембайрзы.

Рано утром 29 февраля Евтюхин снялся с Дембайрзы и продолжил движение в направлении высот, которые должен был занять накануне. Погода улучшилась: ветер стих, солнце слепило глаза. Все шло хорошо.

Справка «ИВ»:

Командир 108 парашютно-десантного полка 7 десантно-штурмовой дивизии полковник Сергей Иванович Баран. Родился 20 июня 1966 года в Дзержинском районе Минской области Белорусской ССР. В 1984г. призван в Советскую армию. Служил заместителем командира взвода в 45 ровенской учебной танковой дивизии в поселке Печи Белорусской ССР. В 1986г. поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное училище. В 1990г. был распределен в поселок Череха, что под Псковом, в 104-й парашютно-десантный полк 76 гвардейской воздушно-десантной дивизии в должности командира взвода разведывательной роты.

Прошел путь от взводного до начальника разведки полка.

В январе 2000-го в составе полковой тактической группы 104-го пдп прибыл в станцию Октябрьская Чеченской республики.

В общей сложности провел на войне более года. Участвовал в десятках операций по ликвидации бандформирований, ходил в разведку, устраивал засады, сам попадал в ловушки.

В 2002 году поступил в Общевоинскую Академию ВС РФ, по окончании которой был назначен начальником штаба 104-го парашютно-десантного полка. С декабря 2005 года назначен на должность командира 108 пдп 7 влд.

Принимал участие в миротворческой миссии ООН в Югославии в 1992-1993гг.

В ночь на 28 февраля резко ухудшилась погода: поднялся штормовой ветер, снег выпал глубиной до полуметра, опустился туман, хотя до этого, вроде, наступила весна — зимний снег растаял полностью, всюду цвели цветы.

Несмотря на ненастье, утром 28 февраля батальон вышел на марш от Махкеты к Сельментаузену, где должен был раз-

Примерно в 11.10 по радиостанции прошел первый доклад, что разведывательный дозор, возглавляемый старшим лейтенантом Алексеем Воробьевым, двигавшийся примерно в 100-150 метрах впереди 6 роты, обнаружил небольшую группу боевиков. Артиллерийский корректировщик капитан Виктор Романов навел огонь артиллерии на район обнаружения.

Артиллерия, стоявшая под Махкетами, несколькими залпами задачу выполнила — боевики уничтожила.

Судя по докладу Воробьева нам на ППУ, разведчики в огневой бой с боевиками не вступали. Боевики десантников пока не обнаружили.

Первый раненый появился неожиданно. Продвигаясь дальше, кто-то из наших разведчиков сорвал растяжку. Заместитель командира разведвзвода старший сержант Сергей Медведев получил осколочное ранение в голень.

Чтобы разобраться в ситуации на месте, командир 6 роты майор Сергей Молодов с группой бойцов выдвинулся к разведчикам. Тут же выстрелом снайпера он был ранен в шею. Воробьев доложил по рации, что завязался бой, снайперы боевиков не дают поднять голову и приблизиться к Молодову для оказания помощи нет возможности. Позже Молодова удалось эвакуировать, но от потери крови он уже скончался.

Боевики подтянули дополнительные силы, усилили огонь из стрелкового оружия и подствольных гранатометов. Чтобы закрепить и развернуть оборону на более выгодной, чем склон горы, позиции, разведчикам и первым подразделениям роты пришлось отойти назад на высоту 776.0. Основной состав роты еще ни о чем не знал и продолжал движение, подтягиваясь на высоту с другой стороны. Подъем вверх с русла реки Абазулгол очень крутой, под ногами вязкая глина, на плечах

но, не знал и сразу после получения доклада Воробьева о ранении Медведева обратился к командиру полка за разрешением выдвинуться к подножью высоты с эвакуационной группой для эвакуации раненого. Получив «добро», с одним отделением резерва разведки и командиром медицинской роты капитаном Княжище мы выступили в район КНП второго батальона к Сельментаузену. Зная, что первая рота полка выполняла задачу, аналогичную задаче шестой роты двумя сутками ранее, и выходила к высоте с другого направления — из урочища Мидулхан, а к моменту моего прибытия на КНП, возвращалась на КНП на броне, я обратился к Мелентьеву с просьбой взять первую роту и на БМД выйти по руслу Абазулгола к месту, откуда шестая рота пошла вверх. Мелентьев отказал, сказав, что, судя по докладам Евтюхина, тот обстановкой полностью управляет и никакой другой помощи, кроме огня артиллерии, ему не нужно.

Периодически по сети радиоразведки я выходил на связь со старшим лейтенантом Воробьевым. Алексей докладывал, что рота продолжает вести бой, что у боевиков очень хорошо работают снайперы, которые не дают вести наблюдение и отвечать прицельным огнем.

Боевики подтянули дополнительные силы, усилили огонь из стрелкового оружия и подствольных гранатометов. Чтобы закрепить на более выгодной позиции, разведчикам пришлось отойти назад на высоту 776.0. Основной состав роты еще ни о чем не знал.

Та самая высота 776.0.

килограммы снаряжения, вот подразделения и растянулись. Думаю, сказалося и отсутствие маршевого опыта у всего личного состава второго батальона, который, как вы помните, в отличие от первого батальона в горы не ходил, а стоял на блоках в предгорье.

Всей подноготной складывающейся в окрестностях высоты обстановки я, естествен-

По словам Алексея, автоматчики боевиков вставали в атаку волнами, человек по 60. Отстреляв рожок патронов, одна волна людей уступала место другой, уже со снаряженным магазином. После штурмового, в 10-15 минут боя, боевики брали короткую паузу, оттащивали убитых и раненых, затем снова поднимались в пол-

ный рост и наступали на разведчиков. В горах темнеет очень быстро. К 17 часам стало совсем темно, а бой продолжался, боевики не собирались успокаиваться. Мелентьев это насторожило, он поставил мне задачу: отобрать из личного состава 1 роты боеспособных, наименее уставших после марша бойцов, и с ними выступать на помощь 6 роте для ее деблокирования и подготовки маршрутов для эвакуации раненых и погибших.

Напоминаю, еще 27 февраля командир 3 пдр капитан Васильев силами двух парашютно-десантных взводов занял высоты 666.0 и 574.9, а их разведывательным обеспечением был разведвзвод Воробьева. Группа Васильева закрепились на высотах, вырыла окопы и создала устойчивую систему огня, включая и практическую привязку арт. дивизиона к местности. Воробьев же со своими бойцами вернулся на КНП 1 пдб. А 29 февраля, когда боевики вышли к позициям 3 роты и попытались их уничтожить, они были встречены огнем, и, понеся потери, отошли к высоте 776.0. Вообще, полк тогда выставил порядка 14 блоков силами до одного усиленного парашютно-десантного взвода (21 человек минус больные). Все блоки стояли в горах,

все передвижения между ними совершались только в пешем порядке, в ночь с 28 на 29 февраля выпал снег, который днем быстро растаял и образовал кашу под ногами. Всех, кого можно было снять с позиций, командир полка разрешил снять. Вопрос о выделении дополнительных сил из состава ОГ ВДВ не рассматривался, так как критического положения, по докладом Евтюхина, не было. Вы прекрасно понимаете — если бы у нас были хотя бы приближенные к действительности данные о численности боевиков, то на помощь шестой роте были бы брошены все силы. А так, в кратчайшие сроки мы, вместе с замкомандира 1 батальона майором Андреем Величенко, старшими лейтенантами Цветовым и Сотниковым, собрали тех, кого могли, и выдвинулись в ночь.

Старший лейтенант Сотников был в составе 6 роты, но в момент подъема роты на высоту, еще до начала боя, случилось ЧП — сбежал один боец, рядовой Киев, и, по приказу Евтюхина, Сотников, взяв на помощь троих солдат, отправился вниз по склону на поиски беглеца. Рядового Киева нашли и доставили на КНП 1 батальона уже в разгар боестолкновения на высоте, о чем они тогда и не подозревали. Видите, как получилось, это происшествие спасло жизни всем пятерым, они избежали участия в бою на высоте.

Мы поднимались вверх очень тяжело и достигли КНП первого батальона примерно к 22.00. Это и неудивительно: люди не железные, за последние дни было несколько маршей, и некоторые солдаты просто валились с ног, не могли идти. Мне пришлось оставить их на КНП командиру первого батальона подполковнику Котенко. Взамен он отправил со мной своих бойцов и четырех разведчиков из взвода Воробьева. Что делали разведчики вдали от командира? Они болели простудой, температуры, плохо себя чувствовали и поэтому в тот роковой день с утра остались на КНП. Надо сказать, что Воробьев со своим разведвзводом и отдельным разведвзводом полка под командованием лейтенанта Кожемякина уже более недели действовал в окрестной местности, помогая выполнять различные задачи разведгруппам 22 бригады спецназа ГРУ.

По некоторым данным разведка других подразделений ОГВ ни разу не переправлялась через Абазулгол, и первой туда ступила 3 рота под командованием капитана Васильева, а затем, через сутки, 6 рота. На вопрос, почему рота выдвинулась за реку без предварительной разведки, отвечаю так: во время проведения контртеррористической операции, согласно приказу по ОГВ, наша полковая разведка действовала только на удаление зрительной связи (500 метров), то есть вела разведку непосредственно впереди выходящих на задание подразделений. Ещё — территория по правому берегу реки находилась в зоне контроля тактической группировки 7 влд, а именно — 108 парашютно-десантного полка, бойцы которого стояли в нескольких километрах от места боя, на хребте Даргендук. Почему нашу роту отправили выполнять задачу в зону ответственности другого полка — для меня остается загадкой.

Также в том районе вели разведку и несколько разведгрупп отрядов специального назначения различных силовых

ведомств, но о столь крупном скоплении боевиков данных ни у кого не было.

Я хорошо помню: когда Мелентьеву ставили задачу для переброски 6 роты на левый берег реки Абазулгол, он долго пытался объяснить, что полку задача не по силам, что все опорные пункты, блоки, остаются на правом берегу, все подразделения задействованы, и, в случае возникновения критической ситуации, у него не окажется резерва для своевременного оказания помощи. Мелентьев тогда сказал: «Нельзя двумя ногами стоять на разных берегах реки», но к его мнению не прислушались.

Сергей Юрьевич Мелентьев умер от сердечного приступа 22 июня 2002 года. Мы

Майор Величенко с тремя бойцами пошел вглубь леса на разведку. Минут через 20 он вернулся и доложил мне обстановку. Его доклад был краток: «Там никого нет. Все убиты».

похоронили его в поселке Кромны Орловской области. На похоронах были все его сослуживцы по псковской дивизии, офицеры командования ВДВ, командование 31 овдбр, очень многие известные люди. Мелентьев был грамотным, высококвалифицированным военным и глубоко порядочным человеком, он тяжело переживал гибель роты.

Все обвинения о безграмотности и бездействии в адрес Мелентьева, которые исходят от некоторых «сведущих» господ, считаю популистскими, глупыми и абсолютно беспочвенными!

Достигнув реки Абазулгол, мы сходу перешли ее вброд. Река была холодная, грязная, но неглубокая, по пояс.

Начав подъем вверх по склону в сторону высоты 776.0, на частоте разведки я вышел на связь с Воробьевым, уточнил у него сложившуюся обстановку. Для

координации будущих совместных действий, попросил Алексея соединить меня с Евтюхиным. Он соединил. Я спросил Марка Николаевича: «Как и откуда к вам лучше подойти? Что предпринять?»

Евтюхин подумал, а потом ответил:

— Серега, ты не лезь сюда, ты мне только помешаешь, я сам разберусь. Все под контролем, мы справляемся сами. Сейчас ты сюда ни подойти, ни помочь не сможешь. Не лезь. Если помощь мне понадобится — я вас сам позову.

Это его слова, Марка. Разговаривал Евтюхин со мной нормальным, вменяемым голосом, не паниковал, был собран и решителен.

До шестой роты оставалось идти не более 40 минут. На часах было 23.45.

Ночные заморозки сковали наши движения. Вспотевшие и промокшие после переправы бойцы начали замерзать. Я доложил Мелентьеву обстановку, передал слова Евтюхина, попросил указаний. Мелентьев приказал отойти назад на гору Дембай-Ирзы к КНП 1 батальона и отдыхать там до рассвета. Мы отошли.

1 марта в 5.00 я отдал бойцам команду готовиться на выдвижение к руслу Абазулгола. Бойцы настолько были измотаны, что еле-еле передвигали ноги, практически ползли, а не шли вверх. Но у меня к ним никаких претензий нет, предел возможности есть у каждого.

К 8.00, подойдя к поляне, что лысела у русла реки, на крутом противоположном берегу Абазулгола мы заметили троих солдат, подходивших к обрыву. Едва завидев нас, они начали размахивать руками и кричать: «Стойте! Стойте! Не ходите сюда! Здесь боевики! Засада!»

Подоспев к обрыву, эти солдаты, не задумываясь, сиганули вниз, к реке. Обрыв там конкретный, глубиной до 30 метров.

Я дал команду личному составу группы переправиться через реку, подняться на склон и занять позиции вдоль обрыва. Майор Величенко с тремя бойцами пошел вглубь леса на разведку.

Минут через 20-25 Величенко вернулся и доложил мне обстановку. Его доклад был краток: «Там никого нет. Все убиты».

Марк Евтюхин так и не попросил помощи в людской силе. А артиллерия, огонь которой он до самой своей гибели корректировал, работала на полной мощности. По словам начальника артиллерии полка подполковника Толстыка, боекомплект, несколько тысяч снарядов, был расстрелян полностью, а стволы пушек накалились так, что краска обгорела.

Хатуни. Обелиск десантникам 6 роты

Подвели тех бойцов, что прыгали с обрыва. Это были Александр Супонинский, Андрей Поршнева и Евгений Владыкин. Смысл их слов был следующим: «Бой окончен. Все убиты. Туда, на высоту, не ходите — боевики вас ждут».

Владыкин выглядел жутко — на лбу синела огромная шишка величиной с кулак, его боевик сшиб с ног ударом приклада в лицо. Одежда на Евгении была не своя, оружие, что он вынес из боя — тоже чужое, первое, что попало ему под руку, когда пришел в сознание, пулемет РПКС.

Супонинский немного прихрамывал, его легко ранило в колено. У Поршнева внешних признаков какого-либо ранения я не заметил. Знобило парней сильно, но скорее от нервной перегрузки, чем от физической.

Доложив все подробности Мелентьеву, мы выслушали его решение. Командир полка приказал сворачиваться и уходить, возвращаться назад на КНП 1 батальона. Было 7 часов утра.

Мы начали отходить. В это время над местом боя зависла пара вертолетов МИ-24, видимо авиация пыталась начать разведку местности. Боевики тут же выстрелили по вертушкам из крупнокалиберного пулемета, был заметен пунктир трассеров в

небе. Уходя от очереди, один из вертолетов качнулся, сманеврировал, вышел на разворот. Вдруг я заметил всадников, боевиков, нагло подбравшихся прямо к обрыву. Их можно было накрыть залпом из минометов, и я, чтобы дать целеуказание, побежал к командиру минометного взвода капитану Туманову. Вертолетчик, сверху высмотрев бегущего человека, дал залп из НУРСов. Снаряды разорвались метрах в 10 от нас. Взрывной волной меня перевернуло в воздухе и ударило о землю. Удивительно, что нам обоим ничего не переломало.

Ночью нашли еще трое выживших бойцов роты. Тимошенко, Христолюбов и Комаров. По их словам, руководил атаками боевиков на позиции роты лично Хаттаб.

Утром 2 марта я, с уже другими подразделениями полка, выдвинулся к высоте 776.0 в сопровождении спецназа «Вымпел».

Подошли к берегу Абазулгола. Командир спецназовцев получил по рации какие-то указания от своего руководства и сообщил мне: «Все, отбой, мы дальше не идем, действуйте сами».

Мы переправились через реку, добрались до первых убитых. Тут получаем приказ на отход. Докладывают: по данным

разведки в нашем направлении двигается отряд боевиков численностью до 700 человек. Нам пришлось срочно отходить назад.

Только 3 марта два взвода бойцов в сопровождении разведчиков во главе с командиром разведывательной роты капитаном Передерко вышли на высоту. В течение светового дня 4 марта эвакуировали тела погибших с высоты.

Нервы у личного состава, конечно, не выдерживали, все переживали, рвались «отомстить». Гибель роты была личной трагедией каждого.

Дабы не плодить слухи, говорить о происшедшем непосредственно на высоте 776.0 я не буду, сам этого не видел, а то, о чем знаю, выжившие ребята рассказывают и без меня. Знаю, что в течение нескольких последующих дней в близлежащие села спустилось с гор и сдалось различным подразделениям Министерства обороны и Внутренних Войск более 160 боевиков. Что с ними стало потом? Интересный вопрос для военных историков...

Могли ли погибшие ребята оставить свои позиции, когда поняли, что численный перевес противника исчисляется десятками раз? Могли. Но не сделали ни шага назад, не отступили. И в этом их подвиг.

Павшая шестая рота...

Ильдар Бакеев

ЗАПИСКИ КОМЕНДАЧА

Ильдар сам пришел к нам в редакцию и попросил опубликовать его воспоминания. Принес схемы, документы, фотографии. Боев в его воспоминаниях практически нет. Это обратная, нелицеприятная сторона войны — как факты подменялись вымыслами, как любое разгильдяйство списывалось на сложную обстановку и боевиков и как за это самое разгильдяйство наверху потом получали звания и награды. В этом номере мы публикуем два его рассказа. Потому что считаем: правда должна быть известна вся. До последней точки.

Какую бы информационную блокаду не возводили сегодня вокруг Чеченской войны, правда рано или поздно все равно выйдет на поверхность. Нам кажется очень важным придать огласке каждый случай халатности. Прежде всего, для предотвращения подобного. Потому что цена безалаберности на войне — человеческие жизни.

Мы обращаемся ко всем читателям — если Вам есть что рассказать о том или ином событии, свидетелем которого Вы были, пишите нам. Помните, если этого не сделаете Вы, этого не сделает никто. Так и останется одним белым пятном в истории больше.

ШАТОЙ 06.08.02

Долго думал, нужно ли писать про этот день. Будоражить прошедшее? Искать правду? Кому у нас это нужно?

А кому нужно вспоминать Первую и Вторую Мировые войны? А другие? Рано или поздно про Чечню будут говорить в более в широком формате, нежели сегодня; будут обсуждать, спорить, взвешивать. Как внутри РФ, так и за ее пределами. Уверен. По меньшей мере, очень надеюсь на это. Приношу извинения семьям погибших в тот день людей, если эти записи сделают им очень больно. Впрочем, искренне признаю — у меня нет цели обидеть или колкнуть их.

На схеме № 3 указан примерный географический рельеф местности, расположение гражданских домов и некоторых объектов, ранее бывших в пользовании у МО. Я постарался геометрически наиболее точно отобразить размещение ближайших строений и, главное, ближайших возвышенностей и гор по отношению к месту взрыва. Разумеется, все по памяти и без намерения кого-либо подставить и опорочить. На сегодня структуры ОГВ(с) с Шатоя выведены, поэтому никаких секретов не выдам, тем более, все строения и объекты находились в черте населенного пункта и их предназначение было известно всем, в том числе местным жителям, включая детей от 4-5 лет.

Итак, поехали.

7 августа 2002 года • 3

25+06.08.02

• ХРОНИКИ

10 человек погибли в результате теракта в Чечне

Вчера в результате теракта в чеченском районном центре Шатой погибли 10 человек и были ранены 8, пообщила ИТАР—ТАСС. По словам прокурора Чечни Николая Костюченко, все они — чеченцы, новобранцы комендантской роты. В 12:20 по московскому времени рядом со зданием местного военкомата был взорван мощный фугас. В это время к зданию военкомата подъехал грузовик ГАЗ-66, в котором находились военнослужащие комендантской роты. После взрыва фугаса с близлежащей горы по людям, вышедшим оказать помощь раненым, был открыт огонь из стрелкового оружия.

Вчера правоохранительные органы республики были переведены на усиленный вариант несения службы в связи с угрозой новых терактов — в этот день год назад боевики напали на Грозный.

Не знаю этого проинформировавшего о подробностях теракта прокурора, не знаю... Справедливо полагать, что человек, занимавший в те годы такой высокий пост, несомненно, обязан был обладать рядом положительных характеристик, и в их числе, бесспорно, преобладали сообразительность, профессиональная и человеческая честность, порядочность и тому подобные качества. Стереотипно, рефлекторно, интуитивно и просто по-человечески веря, что ее величество Фемида не допустит в свои ряды иных, любой российский читатель никак не усомнится в искренности слов прокурора республики. Но если бы тот

служитель Фемиды приехал в Шатой (возможно, и был) и увидел место подрыва, и не скидывал со счетов свою смелость и все присущие ему профессиональные качества (ведь наверняка когда-то была присяга на верность Закону, Родине, Правде), он бы несколько по иному прокомментировал то трагическое событие.

— То, что «погибли 10 и ранены 8» — правда. «Все они чеченцы» — тоже правда. «Новобранцы комендантской роты» — почти правда. Исключение — маленькая неточность: они — бойцы стрелковой роты. Впрочем, это непринципиально. Стрелковая рота была создана исключительно из местных жителей и выполняла почти те же функции, что и мы — в/с/л комендантской роты, федералы. «Стрелки»

подчинялись непосредственно нашему (общему) военному коменданту, но располагались в совершенно другом здании, даже не на территории Шатойской Военной Комендантуры (нашей), но очень близко — метрах в 200 от наших строений, и в пределах прямой видимости.

— Взрыв произошел не «рядом со зданием местного военкомата», а возле расположения стрелковой роты. По крайней мере, фугас был ближе именно к ним. Учитывая скученность трех основных объектов в радиусе 150 метров (комендантура, военкомат, стрелки), можно было прокурорам отпечатать, что-де взрыв произошел

у любого из трех объектов. Выбрали не реальность, а «нейтральный» военкомат...

— «В это время к зданию военкомата подъехал ГАЗ-66». Это неправда. Шишига туда не подъезжала. Повторяю, место подрыва было ближе всего к стрелковой роте.

— Основное: «после взрыва с близлежащей горы по людям, вышедшим оказать помощь раненым, был открыт огонь из стрелкового оружия». Кто был в Шатое и видел место подрыва, должен был обратить внимание на то обстоятельство, что фугас располагался на обочине узкой дороги, аккурат между двух нежилых двухэтажных домов, расстояние между которыми не превышает 10 метров. Взрыв был направленного действия, т.к. стоящее слева ближайшее здание примерно 7-8 метровой высоты фактически не пострадало, тогда как грузовик был напрочь искорежен: на всей поверхности зияли рваные и ровные дыры разнообразной величины. Дом справа той же высоты, но стоит, по причине увеличения угла подъема дороги (она заметно уходит вверх в сторону гарнизона стрелков) выше первого. К чему это все? К «был открыт огонь из стрелкового оружия».

Над Шатоем господствуют, окружая его в виде подковы, две основные горы и два достаточно больших возвышения. Одно возвышение, фактически нависавшее над нашей комендантурой с южной стороны, занимала минометная батарея. В распоряжении артиллеристов имелись орудия различного диаметра и различной дальности, зенитные установки (ЗУ), а также тоже дальнбойные, но уступающие ЗУ, станковые пулеметы НСВС (Утес). Это возвышение (минометка) держало под своим сектором стрельбы весь Шатой, все ближайшие дороги, второе (восточное) возвышение и обе основные горы.

Над Шатоем господствуют, окружая его в виде подковы, две основные горы и два больших возвышения. Одно, нависавшее над комендантурой с южной стороны, занимала минометная батарея.

Второе возвышение является как бы продолжением — хребтом правой горы. На нем стоят частные дома, а также был наш (сводников) восточный блокпост. Он контролировал дорогу на Асламбек — Шарипово и часть простреливаемой поверхности хребта (возвышения).

Ближайшая северо-восточная крутая гора стоит между северной трассой на Ханкалу (с блокпостом «От заката до рассвета») и восточной высокогорной дорогой на Асламбек — Шарипово. На ней никто не живет. Расстояние от ее склонов до места взрыва 300 - 500 метров.

Дальняя гора, за рекой Аргун, возвышается примерно в северо-западном

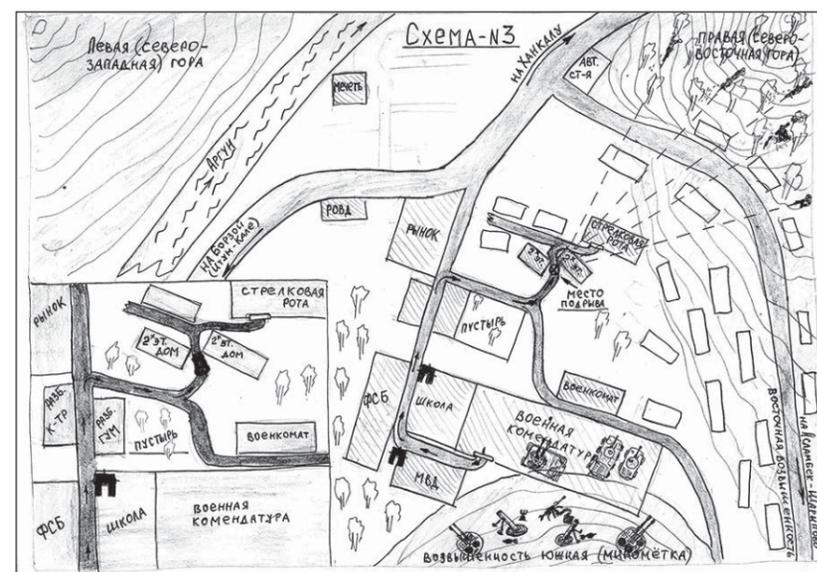

Схема №3

направлении от Шатоя (места взрыва). Расстояние с ближайшей точки той горы до ближайшей стороны треугольника — стрелки, комендантура, военкомат — не менее полутора километров. Полтора километра — это 1500 метров. Их результативно и легко преодолевали тяжелые пулеметы ЗУ, КПВТ, НСВС, что были на южной возвышенности минометки, но никак не отечественные 5,45 и 7,62 мм, даже крупнокалиберные пули иностранного стрелкового оружия боевиков. А их пулеметы и снайперские винтовки? Можно, но нужно очень хорошо постараться. Это только в кино на сравнительно больших расстояниях играючи и удачно снимают цели с обычного стрелкового оружия. В реалии

даже за 20-50 метров нелегко поразить ротовую мишень. Лично я неплохо стреляю в пределах 50-200 метров из АК: очередями на «22» за сто метров с «тридцатки», одного магазина, укладывал 15 пуль в стандартный А4. За 300 метров — очень проблематично попасть во что бы то ни было, кроме арктического ледокола. За 500 — то же самое, что безлунной ночью одним выстрелом, даже восьмьюдесятью, завалить спокойно летящего соседского филина. А полтора километра? Нереально...

Но «цимус» не в этом. Почему-то с минометки, контролировавшей склоны северо-западной и северо-восточной гор и правую восточную возвышенность, не

было произведено ни единого выстрела для «подавления бандитского очага»: ни из автоматов, ни из пулеметов, и ни один заряд из минометных орудий выпущен не был. Плохо наблюдали?

Итак, что имеем?

По логике «бандитов» (да и по любой иной), огонь результативней стоило бы вести:

— с ближайшей, южной возвышенности, но место уже было «занято» артиллеристами — федералами.

— с восточной возвышенности. Но тут же накрыли бы ЗУ, орудия минометов и тяжелые гарнизонные пулеметы с крыш, БТР, таких же ЗУ и всего прочего, да и блокпост значительно мешал. К тому же, попадись в итоге в руки «врагу» — шансов выжить один к миллиарду (тут передернул: конечно, не к миллиарду, а значительно выше — один к тысяче, даже к ста).

— дальняя северо-западная гора. Как уже было рассмотрено — существенно далековато, но можно умудриться успеть сделать пару точных выстрелов до того момента, пока не накроют минометы и скорострельные зенитки.

— везде риск один — пулеметы и орудия федералов южной возвышенности. Раз проблема одна и та же и исход ясен, значит, все взвесив, остается единственное приемлемое решение — северо-восточная гора. И никого, и близко, но...

Вот тут-то возникает мега-проблема. Расположившись и замаскировавшись в любой точке склона «ближайшей горы» (левой, правой, посередине, выше, ниже или на самой верхушке), подготовив оружие с ПБСами (глушителями), пламя- и дымо-гасителями, организаторы заса-

ды даже без бинокля обнаружат, что они не видят место подрыва, а стало быть и намеченные цели из-за ... (тут кое-кто, наверное, не догадался бы и «валил» рожок за рожком) из-за правого двухэтажного дома: того, что стоял немного выше и ближе к стрелковой роте и к самой горе. Он полностью закрывает обзор что горы, если смотреть с места подрыва, что ГАЗ-66, если смотреть с самой горы. Ничего не видно. И именно то же самое обнаружили бы «бандиты», задумай они стрелять с другой горы, дальней. Левая двухэтажка, аналогично правой, полностью закрывает обзор места трагедии.

Реальный итог:

- ни с той, ни с другой горы прицельный огонь физически не мог вестись;
- с минометки не было ни единого выстрела (поскольку это — возвышенность федералов);
- с правой возвышенности теоретически могли стрелять, но на ней живут родственники погибших, и очень сомнительно, чтобы они дали возможность улизнуть стрелявшим. Еще там был блокпост МВД, но он далеко, и оттуда не видно тех двухэтажек. Весь правый холм, в десятый раз повторяюсь, был как на ладони перед минометами, спаренными скорострельными зенитками и станковыми Утесами.

Но стрельба все-таки велась. Вопрос откуда? Полагаю, это прекрасно могут знать те самые местные жители. Однако подробного расследования проведено не было.

В сентябре-октябре 2002 года пару раз к ограждению парка подходили местные чеченцы и с яростным блеском в глазах высказывали мне сквозь колючую проволоку, что-де «виновных, кто убил, найдем и перережем горло». И уверенно, спокойно, но зло добавляли: «Фугас поставили вы...» Что это? Плод их вспыльчивого, импульсивного характера? С этими угрозами и обвинениями, как потом выяснилось, «подкатывали» ко многим. Возможно, в надежде, что «попадут в десятку», и тот кто-то «расколется»?

Еще раз — приношу свои нелепые, но искренние извинения за потревоженную память о погибших.

ОБСТРЕЛ В ЧЕРНОРЕЧЬЕ (ИЮНЬ 2002).

Ранним солнечным утром мы, федералы, в очередной раз собрались на спецоперацию в Черноречье. Ясное, отчетливо синее небо без единого облачка обещало жаркий день. В это время вертушки обычно не летают, они со своими экипажами

обычно, боялись выпасть на землю, мы быстро помчались в сторону заданного района. В первый раз притормозили у моста с огромной дырой по левой полосе. Видимо, взорвавшаяся ракета или авиабомба не выполнила свою задачу — не полностью уничтожила объект. Встречный гражданский транспорт благополучно остановился на другой стороне изуродованного моста, чтобы пропустить нас. Медленно перебравшись на другой берег

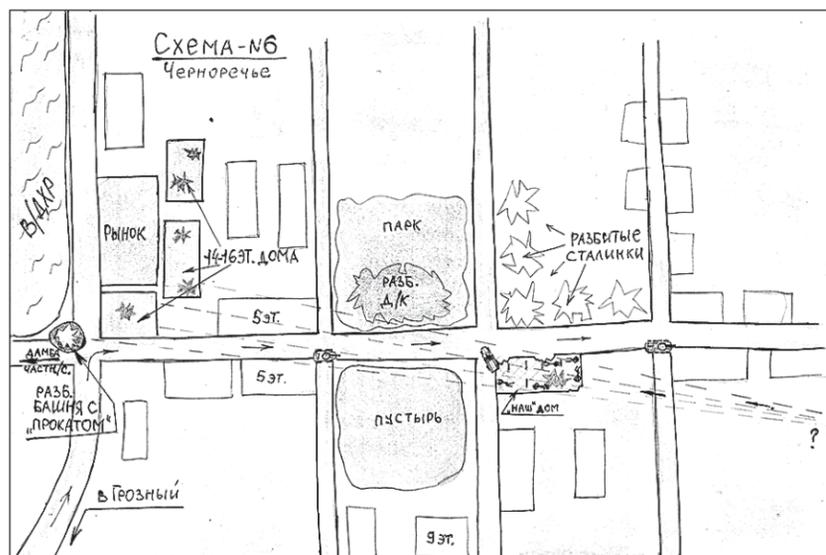

Схема №6

еще находятся на аэродромах Ханкалы и Северного. Редкие прохожие и легковушки спешили по своим делам — кто на работу, кто на рынок. Тишина, спокойствие, у большинства в/сл хорошее настроение.

Наша колонна состояла из трех машин: БТР, БРДМ и ЗИЛ с АГС (автоматический гранатомет). На каждой броне находилось по 8-10 бойцов, в грузовике — солдат 12, среди них был и я. В каждой группе — свой офицер-командир и примерно по одинаковому количеству снайперов, автоматчиков и пулеметчиков. Ни одного РПГ (ручного гранатомета) не взяли, они остались спокойно лежать под кроватями. Никто не хотел с ними возиться, поэтому старались прятать их с глаз долой. Радиста со здоровым ящиком-рацией за плечами посадили в ЗИЛ, т.к. в броне были свои стационарные устройства.

Обогнув наш рынок с несколькими первыми продавцами и оставив позади блокпост ОМОНа, возле которого, как

Никогда вообще нам, военнослужащим комендатуры, ни разу не объяснили, как нужно проверять документы, что там смотреть, что спрашивать, на что обращать особое внимание.

За пару часов воздух нагрелся, стало душно и жарко, в безоблачном побелевшем небе никакого намека на дождь не было. Перед нами стояла задача — тщательно проверять документы у всех пешеходов-мужчин и досконально осматривать весь проезжающий гражданский транспорт. Иные паспорта проверяемых были до того истерты, что с трудом различались даже надписи внутри; были и такие, что их листы и сама обложка держались вмес-

те лишь благодаря скрепке. Некоторым паспорт заменяли разнообразные бумаги с различными печатями. Я в таком ворохе бумаг ничего не смыслил. Да и остальные, стоявшие в патруле, тоже. Подозрительных кавказцев, т.е. каждого второго, отводили к нашему командиру, и тот уже сам решал, как поступить с ними. Но, кажется, все они отпускались и уходили своей дорогой.

Могу признаться, я так и не понял, что конкретно нужно было смотреть в этих паспортах и каких-то пропусках. Сличать фотографии — старался, смотреть прописку — тоже. Даже просил быстро назвать свою улицу и номер дома с квартирой, и ответ совпадал с данными в прописке. У менее понурых и озлобленных людей на лицах появлялись смущенные, совсем нефальшивые улыбки, когда они отвечали на все мои вопросы. Наверное, эти «террористы» были очень хорошо подготовлены к встрече со мной. Шутка...

Ни накануне этого выезда, ни раньше, ни в последующих зачистках, никогда вообще в Чечне нам, военнослужащим комендатуры, ни разу не объяснили, как нужно проверять документы, что там смотреть, что спрашивать, на что обращать особое внимание, как держаться — в группе или одному — по отношению к проверяемому, как держать оружие, что должен в это время делать напарник или другие солдаты. Вопросов — десятки, причем, крайне необходимых, но ни одного толкового ответа (в смысле — инструктажа) от командиров не было. По наитию, скопом, неуклюже, с матами, иной раз с пополупьяна, с невероятной мешающими в этот момент автоматами и пулеметами (падали под ноги к остановленным чеченцам) осматривали мы прохожих, тыкая пальцами и кулаками в одежду, проверяя у тех наличие оружия. Одно слово — бардак.

Проезжающий транспорт тоже подвергался досмотру. Водители, обыкновенно мужчины в возрасте (женщин, управляющих машинами, вообще ни разу не видел), не чинили препятствий, не ругались, спокойно открывали багажники, позволяя осмотреть их содержимое. Только единственный раз на одной из легковушек с затемненными стеклами трое взрослых подвыпивших парней затеяли с нами перебранку. Я тогда стоял чуть в отда-

лении, медленно обошел тачку спереди, висевший на плече стволом вниз автомат переместил ближе к груди, в любую секунду готовый изрешетить этот автомобиль. Один из наших, парень несуетливый и не робкого десятка, спокойно открыл переднюю дверь и вежливо повторил просьбу о необходимости всем выйти из машины. Несмотря на мат и намеки о каких-то последствиях, он заставил выстроиться их под солнцем. И все это без крика и открытого давления с нашей стороны.

После соответствующей проверки — тоже. Даже просил быстро назвать свою улицу и номер дома с квартирой, и ответ совпадал с данными в прописке. У менее понурых и озлобленных людей на лицах появлялись смущенные, совсем нефальшивые улыбки, когда они отвечали на все мои вопросы. Наверное, эти «террористы» были очень хорошо подготовлены к встрече со мной. Шутка...

Поддаться троице с резкими отрывистыми речами на местном диалекте, разбавленным отчетливым русским матом, укатила, пообещав скоро вернуться с разборками. Минут через тридцать они действительно появились по связи, что вся колонна остается в Черноречье до вечера. Сухим пайком в части нас не обеспечили, а кушать хотелось. Собрали какую-то сумму, и несколько бойцов, в том числе и я, сходили на рынок, находящийся недалеко от водохранилища. Пробирались через какие-то завалы и разрушения. Некоторые шли спокойно, ни о чем не беспокоясь, другие — то и дело оглядываясь по сторонам и поглядывая на обугленные, зияющие чернотой и пустотой, проемы окон пятиэтажек. Нас провожали недружелюбные, хмурые взгляды местных жителей на балконах или во дворах домов. Лично я держал автомат наготове, в любую секунду готовый открыть огонь в любого чеченца в любом направлении. Старался идти ближе к стене, по крайней мере, так всегда делали солдаты в документальных хрониках, а нас, к сожалению, вообще никак не обучали передвигаться в городских условиях,

пакосят, и разоблачены уж, — но ни-ни, я свята и целомудренна... Есть и подобные мужики — их значительно поболее. И очень необычно было наблюдать настоящее мужское благородство со стороны вспыльчивых, «душманских» кавказских жителей — наших «вероятных врагов» (нельзя им так — разлагает боевой дух и нашу безупречную воинскую дисциплину! Это противоречит всем установленным в государстве правилам!!). Впрочем, срабатывает стереотипное газетно-бытовое воспитание — кавказцы не люди, по меньшей мере — не цивилизованные. Так ведь у нас? Те трое чеченцев вместе с нами пили свое угощение, потом повторно съездили за фруктами и добавочным «горючим». У нас тоже была своя «беленькая», и периодически в сторону кустов на пустыре улетали опорожненные бутылки.

Предполагалось, что и в этот раз спецоперация, как обычно, продлится до обеда. Но на часах был уже четвертый час. Со стороны брони пришли разведчики и повторили информацию, переданную

им по связи, что вся колонна остается в Черноречье до вечера. Сухим пайком в части нас не обеспечили, а кушать хотелось. Собрали какую-то сумму, и несколько бойцов, в том числе и я, сходили на

Предполагалось, что спецоперация продлится до обеда. Но на часах был уже четвертый час. С брони передали информацию, что вся колонна остаётся в Черноречье до вечера.

Предполагалось, что спецоперация продлится до обеда. Но на часах был уже четвертый час. С брони передали информацию, что вся колонна остаётся в Черноречье до вечера.

Предполагалось, что спецоперация продлится до обеда. Но на часах был уже четвертый час. С брони передали информацию, что вся колонна остаётся в Черноречье до вечера.

Предполагалось, что спецоперация продлится до обеда. Но на часах был уже четвертый час. С брони передали информацию, что вся колонна остаётся в Черноречье до вечера.

Предполагалось, что спецоперация продлится до обеда. Но на часах был уже четвертый час. С брони передали информацию, что вся колонна остаётся в Черноречье до вечера.

Предполагалось, что спецоперация продлится до обеда. Но на часах был уже четвертый час. С брони передали информацию, что вся колонна остаётся в Черноречье до вечера.

Предполагалось, что спецоперация продлится до обеда. Но на часах был уже четвертый час. С брони передали информацию, что вся колонна остаётся в Черноречье до вечера.

Хроника операций

поэтому каждый «чудил и предохранялся» в меру своей осторожности, трезвости или усталости. На рынке купили хлеб, газировку, сигареты, ну и, конечно же, ее самую. В грузовике нашлось несколько банок с кашей и рыбные консервы.

Пока мы ходили на рынок, трое солдат на ЗИЛе отправились на поиски воды. Поколесив по пригороду, благополучно вернулись и рассказали, что недалеко от поселка обнаружили блокпост *вованов*, а рядом с ними, мол, находится большой резервуар с водой. Судя по оживленным речам, те сволочи (*вэвэры*) почему-то вначале не хотели дать воду. Дескать, успели с ними поругаться, слегка потолкались, и чуть было не завязалась драка. Водой заполнили все баклажки...

Ближе к вечеру женщины из ближайшего дома, возле которого мы устроили передвижной КПП, бивак и чуть ли не братание с «пактами о ненападении и взаимопомощи» с местными горцами (*все мы, балды, одинаковы: либо жбаль-*

летишек, широко раскрыв глаза, нелепо подкрадывались к углу дома и, высунув лишь одни головы, наивно и недоуменно хлопая длинными ресницами, с любопытством и настороженностью рассматривали нас. Когда кто-нибудь из солдат поворачивался в их сторону, они тут же, то ли с испуганными, то ли с радостными возгласами, запинаясь и толкаясь, убегали. Потом все повторялось.

К тому времени ни один из наших трех пропускных пунктов не функционировал. Все ждали команды на отбытие обратно в гарнизон. Технику отогнали к обочинам, а сами расположились под деревьями. За день только несколько человек не прикладывались к «огненной», остальных заметно штормило. Я тоже пил, но умеренно.

Большая часть крыши была как на ладони для верхних этажей девятиэтажки, где мы поначалу предполагали устроить огневые точки, и высоток позади нас, что стояли возле рынка и БРДМ.

ники друг другу расшибаем, либо клянемся в вечной дружбе), подошли к нам с просьбой пострелять бродячих собак, которых действительно развелось немерено. Были случаи, когда они кусали детей. Окажись рядом какая-нибудь воинская часть, друзьям человека не поздоровилось бы. Из шариков и тузиков готовились невероятно ароматные и наваристые мясные блюда, и кому-то они очень даже нравились. Но в тот момент командир отказал в просьбе женщинам, дабы не всполошить округу выстрелами.

К вечеру духота чуть спала, и на улицах появилось много гуляющей молодежи и мамаш с карапузами, а двор наполнился шумными, переключившимися тонким разноголосьем, ватагами детворы постарше. Иные стайки шести-восьмилетних

Как-никак еще даже десяти дней нет моего пребывания в Чечне (*типа, права такого пока не заработал*), да и будучи крепко синим, при срочной необходимости сложно оценить реальную обстановку.

Было уже около девяти, когда по рации дали приказ оставаться на месте и готовиться к вероятному визиту неприятеля. Предполагалось передвижение боевых групп в районе этих кварталов. Пошли маты, плевки, «заочные» «комплименты» командованию... Наступил комендантский час, который в поселке никого не беспокоил. Наоборот, наблюдалось оживление.

Мы начали присматривать огневые позиции, готовиться к возможному бою. Местные женщины, заметив наши приготовления, с тревогой спрашивали, что собираемся делать. Ждать ли им ночную

зачистку? Мы ввали, отвечая, что через час уедем.

Солнце уже скрылось из виду, но все еще продолжало на западе окрашивать багряным цветом далекие облака. В эти безветренные летние часы все шумы и звуки на улицах обычно утихают. В то же время отчетливее слышатся разговоры, плач или крики детей, даже дым от тлеющей сигареты или костра — их запах воспринимается по-другому, нежели в разгаре дня. Это какое-то благодатное время. Большинство взрослых с усталой, но довольной улыбкой общаются друг с другом. Изредка из какого-нибудь окна доносятся ворчание и брань семейной четы, бряцание сковородки о плиту. Но это лишь добавление к мирной идиллии. Примерно так же было и в тот вечер.

Нам стало как-то тоскливо: не страшно, а именно тоскливо и беспокойно. Шуток стало меньше, больше серьезности и молчания. У одного старослужащего несколько «молодых» солдат, в т.ч. и я, спросили: «Неужели что-то будет?» «Обязательно», — последовал ответ.

Бойцам с брони было проще — у них хоть какая-то защита. Мы, которые с ЗИЛка, перебирали варианты обороны. Втроем — командир, я и еще один солдат — сходили до ближайшей девятиэтажки, что примыкала к пустырю позади «наших» перекрестков, но оттуда было довольно далеко до основных команд. Предложили поставить на ней *тройку*: снайпера, автоматчика и пулемет, но старший не хотел расчленять группу. Решили, было, устроить пулеметные точки на пустыре и занять пару разбитых квартир на углу дома, но, рассмотрев те помещения, отказались от этого. Кто-то вполне здраво предположил, что в них могли находиться неразорвавшиеся боеприпасы и какие-нибудь мины-сюрпризы, да и сами стены ограничивали обзор. Любая позиция оказывалась уязвимой. Я предложил подняться на крышу ближайшего дома, и посмотреть, что и как. Сам предложил, сам и полез... Ни у кого вызвания не было, все молчали, а я сам вызвался, и командир сказал: «Давай, посмотри...»

Левая верхняя угловая квартира была разбита, от нее уходили большие трещины, а сам угол дома неестественно просел. Гудрон от дневного пекла стал до того мягким, что кроссовки оставляли на нем глубокие и отчетливые следы. В некоторых местах имелись большие вмятины от просевших или разрушенных потолков. С торцов крышу окаймляли кирпичные

бортики двадцатисантиметровой высоты, но это только с торцов. Какие-либо ограждения вообще отсутствовали. По всей поверхности торчали ветхие, полуразваленные вытяжные трубы, тоже кирпичные. С левой и правой стороны над домом нависали густые кроны высоких деревьев.

Наш перекресток, обе бронемашинки и все ближайшие окрестности просматривались отлично. Но в то же время большая часть крыши была как на ладони для верхних этажей девятиэтажки, где мы по

началу предполагали устроить огневые точки, и высоток позади нас, что стояли возле рынка и БРДМ. Спустившись, доложил старшему. Он подумал, и после наступления сумерек мы полезли наверх. ЗИЛ поставили так, что сектор обстрела АГС хорошо захватывал пустырь, завалы клуба, весь перекресток и часть разрушенных сталинок.

Перед самым подъемом один боец решил разрядить свой автомат. Как и полагается, опустил предохранитель, передернул затвор и, увидев вылетевший патрон, сделал контрольный спуск. Все бы ничего, да магазин-то парнишка не снял. Неожиданно для всех грохнула короткая очередь. *Олень* едва не отстрелил себе ступню. Пули взметнули землю в сантиметре от его бедра. Почти сразу, озираясь вокруг, прибежали испуганные местные женщины и с недоверием пытались выяснить, в кого мы стреляли. Волновались, будут ли спокойно спать их семьи. Спокойствия и уверенности наше присутствие им не добавляло.

Внизу остались два бойца: гранатометчик и автоматчик.

Стемнело быстро. Перевязанная изолентой радиостанция дышала на ладан, работала через раз, батареи подседали. Решили пользоваться ею в одном режиме. Рассредоточились по периметру. Темень непроглядная. Курили осторожно, разговаривали вполголоса. Периодически слышалось потрескивание и шипение рации. Снайпер просматривал территорию. Я же в его прицеле увидел только сплошную зелень и черноту. Весьма странно, что в Чечне не практикуются переносные приборы ночного видения. В темень все наблюдение состояло из запуска осветительных ракет (как во вторую мировую) и редких «ночников» у снайперов. Больше приходилось надеяться на многочисленные растяжки, мины и сигналки да собственные уши.

Перевалило за полночь, постепенно холодало, кто-то уже мирно посапывал,

постелив под себя обрывки картона или редкие бронежилеты без защитных пластин. Их не вытаскивали только единицы. Редкие офицеры обращали на это внимание. Безусловно, разгильдяйство и бешабашность, но я и сам в первые же дни облегчил защиту. А в ту ночь вообще был без жилета, как и половина из нас.

В начале первого темень стали рассеивать вертикальные шлейфы осветительных и сигнальных ракет. Где-то в стороне ухали минометы, запуская мощные осветители на парашютах. Округа моментально преобразилась от света и движущихся по земле и стенам теней. Мы перемещались из-под одной кроны под другую, в зависимости от того, откуда падал свет. Но осветилки вспыхивали часто, и мы перестали реагировать на них. Позднее послышались далекие выстрелы, поползли штрихи трассеров.

Связист с трудом объяснил, что нас обстреливают.

Через какое-то время пришёл приказ о запрещении ответной стрельбы и обещание разобраться. Не думаю, чтобы кто-то с кем-то разбирался.

Ближе к часу ночи за несколько километров начали бухать «Саушки». Недалеко, с конца улицы, внезапно и громко забарабанил пулемет. Резво помчались трассера. Достигнув преграды, они гасли, или резко меняли свой полет, рикошетом уходя в стороны. Удаляясь, тухли, будто падали в вертикальную водную преграду.

Чуть позднее слева заработал второй пулемет. Явно не боевики. Это очевидно. Стрельба продолжалась минут десять-пятнадцать.

И вдруг все это великолепие направилось в нашу сторону! И почти сразу стали шелкать ветки деревьев, осыпаясь на нас, совсем низко со зловещим свистом и шипением, рассекая воздух, вжикали потухшие

уже трассера. По нам дупили с первой пулеметной точки. Ничего не оставалось делать, как вжаться в уже холодное смоляное покрытие крыши. Казалось, лента с боеприпасами у пулеметчика никогда не кончится. Я и еще пара стрелков лежали за ближайшим к пулемету торцом. Верхние кирпичи вентиляционных труб с шумным треском разлетались на куски, обдавая колючими крошками. В те секунды, распластавшись и стараясь плотнее вжаться лицом в толстый слой пыли на гудроне, я мог еще о чем-то думать. Мне казалось, что я слишком испугался и выгляжу не лучшим образом. Но все, кто был виден мне, также лежали ничком вниз или, съездившись и втянув головы в плечи, прятались за хлипкой защитой.

Спустя секунды машинально защелкали предохранителями и затворами, у кого-то оружие уже было в боевом положении. Командир настрого запретил открывать огонь, хотя, как показалось, всем не терпелось ответить. Расстояние для автоматов приличное, однако, можно было и достать. Кроме того, у нас были СВД.

При всем при этом в создавшейся суматохе необходимо контролировать и территорию. Шума и грохота было предостаточно: кто-то на улице короткими очередями стрелял куда-то из автомата, бухали саушки, взлетали осветилки.

Наш офицер с началом обстрела вызвал связь. Далеко не с первой попытки через шум в эфире послышались голоса. Связист с трудом объяснил, что нас обстреливают. Через какое-то время пришел приказ о запрещении ответной стрельбы и обещание разобраться. Не думаю, чтобы кто-то с кем-то разбирался. Просто все само по себе стихло. Воцарилась крошечная тьма и тишина, как будто ничего и не было. Связались с броней — у них все в порядке; их бойцы и стреляли из автоматов, простреливая развалины и густые заросли кустарника. Наши, кто желал, добавили «по сто», и опять послышался храп флегматичных и «уставших» воинов. Завидую...

В дальнейшие часы мы уже не обращали внимания на высотки возле рынка, но

перемещались по крыше почти ползком либо быстрым шагом, низко согнувшись. Хотя летящие трассера отлично видны, но они летят значительно быстрее скорости звука, поэтому уповать на слух бессмысленно, а смотреть приходилось не только в сторону *вованов*. Легкие надобности справляли на краю исключительно лежа на боку; страшновато от близкого края, но деваться некуда. Впрочем, были и такие ребята, кому было наплевать и на высоту, и на обстрел — вставали во весь рост и поливали себе, как ни в чем не бывало.

В течение ночи стрельба была еще два раза. Все в точности повторилось, однако пули на дом уже не ложились, а сквозь деревья уходили выше, в сторону высоток. Никакого продвижения моджахедов в ту ночь не было. А была, как потом выяснилось, имитация крупного боя на окраине Грозного.

С рассветом напряжение спало. В душе и теле было какое-то нездоровое успокоение и расслабление. Сна ни в одном глазу. Сидя на обрывках картонной коробки, упершись спиной о трубу и покуривая сигарету, наблюдал за постепенно светлеющим небом. Все ясней и четче вырисовывались очертания зданий и деревьев. Почти все спали. На остывших металлических предметах выступила роса.

Часам к семи снова рассредоточились по улицам. Вновь начали проверять докумен-

ты у единичных прохожих и досматривать редкие гражданские автомобили. Несколько спешивших на работу женщин ругались за «ночное спокойствие», которое мы обещали. Мы молчали, не зная, что ответить. Их дети вряд ли видели красочные детские сны в эту ночь. И еще не было известно, что случилось с квартирами тех высоток, в которые трижды за ночь влетело много свинца.

Ближе к полудню мы уехали.

Легкие надобности справляли на краю исключительно лежа на боку; страшновато от близкого края, но деваться некуда. Впрочем, были и такие ребята, кому было наплевать на обстрел — вставали во весь рост и поливали себе, как ни в чем не бывало.

У местных жителей (тоже, кстати, граждан РФ), даже соблюдающих нейтралитет, при необходимости нет возможности довести информацию до нужных структур. Если им и удавалось пожаловаться районным властям, наверняка все пускалось на самотек или гасилось на уровне тех же районных структур. В противном случае подобные инциденты были бы исключены. Это очевидно и бесспорно. А наш военный чинуша понимает, что такие вещи на свет нельзя выпускать, будут одни проблемы. Прежде всего, скажется на кармане и должности, да и сверху поимеют, как пить дать. Максимально, что

возможно — выделить через свое финансовое ведомство какую-то сумму подлатать жилье и на «мировую» да пожуришь стрелков, зло обозвать их «снайперами», что закрепится в дальнейшем за ними, и те солдаты будут с усмешкой потом рассказывать об этом всем и везде. Но все это в лучшем, редком случае, когда задницу прижмет...

Ну, а спецвоеникоры на такой случай, разумеется, напишут, что в определенное

время произошла схватка с ваххабитами, и организованные, мужественные действия федералов предотвратили грязную вылазку. Тех «снайперов» раскрутят как сознательных и самоотверженных воинов. А пострадавших горожан — как результат звериной выходки их соотечественников. Тем, якобы, наплевать на земляков: детей и стариков.

Пострадавшие мирные жители — разменная монета. На кого они будут злы? Маловероятно, что на НВФ.

Может, они потом находили-таки способы морального удовлетворения?

Аркадий Бабченко

1977 года рождения. Старшина. Пехота. Чечня 96, Чечня 99-00.

http://artofwar.ru/b/babchenko_a_a/

ОТРАБОТАННЫЙ МАТЕРИАЛ

Мы продолжаем серию статей под общим названием «Отработанный материал» о поиске пропавших в Чечне солдат. В прошлый раз мы публиковали интервью с Вячеславом Бенчарским, который в 1996-ом году возглавлял рабочую группу при Комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. В сегод-

няшнем номере — интервью с Вячеславом Измайловым, офицером управления 205-й бригады, членом рабочей группы Комиссии, который занимался вызволением пленных уже непосредственно. Всего Вячеслав Измайлов вытаскил из плена более 200 человек. Разговор идет о том, КАК государство искало своих солдат.

Вячеслав Измайлов:

«В ЧЕЧНЕ О ЛЮДЯХ ЗАБЫВАЛИ СРАЗУ ЖЕ...»

— Первого своего пленного я освободил пятого апреля 96-го. Рядовой Алексей Магер из Тюмени. Первого апреля же Ельцин сказал, что в Чечне наступил мир, и нам была поставлена задача подписать договоренность с селами, по которому мы обязывались не стрелять, а они — не пускать в села боевиков. Как будто боевики их спрашивали... Это был мир по-ельцински. Первого апреля подписали, а уже четвертого «Ураганы» обстреляли Пригородное. Меня вызывают в штаб бригады — поедешь в это село, скажешь, что это не мы стреляли, не наши снаряды, с космоса прилетели. Дали бронегруппу. Сам я сел в «Жигули» с главой администрации села, они меня уже знали. Когда подъехали, я бронегруппу оставил, пошел в село сам. Из оружия взял только пистолет. Мне показали осколки этих снарядов, на них даже маркировка осталась. Стреляли по Гойскому, а три снаряда залетели в это Пригородное. Я признал, что это наши снаряды. Взял объяснительные, сказал, что все получают компенсации, будет рапорт. После этого чеченцы мне говорят — раз ты к нам с добром пришел, мы тебе тоже доброе дело сделаем. Вчера по селу шел солдат, в одной руке пузырь водки, в другой автомат. Пил из горла и стрелял по селу. Мы могли бы его закопать здесь, и никто не узнал бы, но мы тебе его отдаем.

В общем-то, я тогда этой работой — освобождением — не занимался. Просто знал Бенчарского. Мы с ним познакомились в декабре 95-го, он подошел ко мне и попросил заселить солдатских матерей в наши казармы (потом нам каждый день приказывали их выселить, но мы не сделали этого). И так продолжалось до августа 96-го, когда боевики захватили город.

Нашей задачей тогда было не пропустить группы, которые шли со Старых Промыслов. Возглавлял их Ваха Арсанов, будущий вице-премьер Чечни. За этот период были два моих непосредственных

мы несем потери. Давай перенесем окопы за дома. Он согласился. Несколько дней потерь не было. Потом его заменили, прислали комбата Касатурова. И в первый же день он послал разведгруппу захватывать

контакта с боевиками. Первый произошел 14 августа. Мы сидели в окопах, а через поле — пятиэтажки и там боевики. У нас были постоянные потери от их снайперов. Комбат, Станислав Кравцов, погиб (посмертно он был представлен к званию Героя РФ). И.о. комбата стал Ильин. Я ему говорю — наша задача не пропустить боевиков. Не надо лезть туда. У нас сейчас плохая позиция — между домами,

снайпера, не зная обстановки, не зная, что там, в этих пятиэтажках. А там боевиков было больше чем нас. Разведгруппа пошла, потеряла людей, бросила их там и вернулась. На следующий день Касатуров посылает новую группу за брошенными. Они идут, снова теряют людей, снова бросают их, опять уходят. Я начал на него кричать — кто будет отвечать за этих людей перед их матерями? Как их вытаскивать теперь?

Тогда «эфэсбэшники» предложили пойти к чеченским «гаишникам» — может, они договорятся. Начальник ГАИ дал людей, те сходили к боевикам, вернулись вечером, сказали, что боевики отдадут убитых, если разведбат уйдет. Куда мы уйдем — мы там по приказу стоим, мы не можем уйти.

На следующий день ко мне подходит Касатуров и ФСБшник и с улыбкой говорят — вы бы не могли сами поехать за убитыми? Дали «Урал», водителя, белый флаг. Я поехал.

Подъехал к окопам — никого нет. Оставил водителя, пошел сам с флагом. И тут началось. Со всех окон — «Аллах Акбар! Аллах Акбар!» Меня сразу окружила толпа, я не знаю, сколько там было человек, огромная толпа. Я им говорю — я майор Измайлов, мы вот здесь стоим, у нас есть погибшие. Отдайте нам наших, если у нас будут ваши, мы вам тоже отдадим. Один из них говорит: «Мы тебя знаем, ты много делаешь для своих солдат». Дали команду своим рабочим, там были и русские, местные жители, рыли им окопы, загрузили мне трупы в машину. Так получился с ними контакт. Я им говорю: это дерьмо рано или поздно закончится, давайте не стрелять друг в друга, чтобы не нести жертв. Не надо убитых. Они согласились.

Второй раз... В ГУОШе было много раненых, они просили помощи. Подходят ко мне: «Не могли бы вы сесть на БТР, Вас боевики знают, они стрелять не будут. Снимите кепку, чтобы они вас узнали». Я снял кепку — я уже тогда лысый был, меня издали видно было — снова вывез оттуда раненых. Потом, после войны, я встречался с Арсановым, с теми людьми,

Подъехал к окопам — никого нет. Оставил водителя, пошел сам с флагом. И тут началось. Со всех окон — «Аллах Акбар! Аллах Акбар!» Меня сразу окружила толпа, я не знаю, сколько там было человек — огромная толпа

которые воевали против нас, и один из них сказал: «Благодаря Ваху, это он приказал в лысого майора не стрелять. Это он спас тебе жизнь».

После этого случая меня вызывает командир бригады Назаров. Говорит — жалуются на тебя. Вот офицер ФСБ и разведчики говорят — не даешь им воевать. К боевикам едешь. «Да, — говорю, — едзу. Да, встречаюсь. Да, вывожу». Назаров мне: «Я решил, что тебя надо отправить в отпуск». Война идет, никого не отпускают, а меня в отпуск. Я говорю — на сколько? «Бери на сколько хочешь». Дали 90 дней. Наказание такое. Потом мне рассказали, что о моих похождениях узнал Квашнин, и это он дал команду — убрать Измайлова отсюда.

Десятого сентября я должен был уезжать. Девятого иду по Ханкале, вдруг смотрю — бежит Бенчарский. «Вячеслав Яковлевич, вы что?» «Да вот, в отпуск». А он в этот день должен был ехать на переговоры по пленным, и у него сломалась машина. Он просит меня сопроводить его в комендатуру. А у меня приказ — пока не уеду, на сто метров к КПП не подходить. Я говорю — мне запретили. Он договорился.

Поехали в Центральную комендатуру. Все боевики, которые там находились, стали ко мне подходить — они видели меня по телевизору, меня «Взгляд» снимал, стали здороваться. И когда Виталий Иванович увидел, как они ко мне относятся, то ска-

зали, что я обязательно должен работать с ним. Я говорю: «Я согласен, но меня выгоняют отсюда, я в отпуск завтра уезжаю». Он пошел к генерал-лейтенанту Вячеславу Тихомирову (на тот момент — командующий группировкой — А.Б.). Тихомиров всегда относился ко мне хорошо, в этот же день прикомандировал меня к группе розыска. Мне были поставлены две задачи: по розыску и вызволению солдат из плена и нахождению мест захоронений погибших. Так я попал в рабочую группу при Комиссии. Я не был в штате — они все были назначены приказом Ельцина, а я был прикомандирован.

К пленным тогда относились, как к скотам. К солдатам вообще относились как к скотам, а пленные — это вообще

были не люди. Все, что я тогда делал, я делал не во исполнение приказа, а вопреки приказам. Мне не давали вытаскивать людей. Солдаты были не нужны — их надо было списать в расход, а тут Измайлов под ногами вошкается, мешается, притаскивает их. Кому они нужны?

Я первого пленного увидел в первый же день пребывания в Чечне. Он пошел за дровами, его и выкрали. После освобождения его посадили на губу, и там свои же его так измелили! Жестоко. И вот Назаров строит бригаду... Впечатления были как у Толстого в «После бала» — провести сквозь строй. Выводят этого солдата, и комбриг начинает его чмырить — он подонок, он сволочь, его надо расстрелять. Я, когда увидел это, думаю — е-мое, куда я попал! Человек из плена только, а его свои хотят расстрелять! Его действительно ставили к стенке. Имитировали расстрел. Потом отправили обратно в танковый батальон и над ним и там продолжили издеваться. Я служил в Афгане, уже там человек — это было последнее, о чем думали, но там за потери хоть драли, там людей старались беречь. В Чечне о людях забывали сразу же, как только они туда попадали. Я уговорил командира танкового батальона отправить его в отпуск, взяв ответственность на себя, что он вернется. А ему сказал — беги отсюда, не возвращайся.

А были такие пленные, которых после плена убивали, которых попросту забивали. Такой случай произошел в Северном. Один солдат сидел в плену с отцом Сергием, служителем Московской патриархии. К Сергию в Москве обратилась Галина Сорокина с просьбой освободить сына. Отец Сергей поехал в Чечню и сам попал в плен. Их взяли вместе с настоятелем Грозненского храма Архангела Михаила отцом Анатолием. Отца Анатолия

расстреляли потом, а Сергия нет. Так вот, ребята, которые сидели с ним — двоих забили после освобождения, двух солдатиков, один остался живой. С ним я встречался потом у Сергия в Даниловском монастыре, он покалеченный был.

Вывез москвича Бориса Сорокина и дальневосточника Виктора Андриенкова. Они служили в 245 полку, в Шатое. Четырнадцатого декабря — эта дата у меня в голове засела — боевики полностью взяли блокпост в плен, тридцать одного человека. Впоследствии всех контрактников расстреляли. Почему? Они обменяли четырех солдат на одного боевика, который был так избит, что через час умер у них. Если бы не это, контрактников, может быть, и не расстреляли бы. Наши власти ничего не сделали для их освобождения, ничего. Они все находились в лагере в Старом Анчое. Как раз там были Лимонов и Клочков (Лимонов и Клочков — солдаты, перешедшие на сторону боевиков. Были охранниками в концлагере, издевались над пленными. Боевики их сами же потом и сдали. Осуждены Ростовским военным трибуналом, сейчас сидят. — А.Б.). Чеченцы обменяли тогда 32 человека, не только солдат с того блокпоста, но и строителей, и офицеров. А Сорокина и Андриенкова не отдали. Они девять месяцев в плену просидели. Были пастухами у боевиков в горах. Мать Сорокина была тогда в Ханкале, отец Андриенкова тоже был там. Я стал договариваться с Мовлади Раисовым — отдай этих ребят. Подключил всех. Мовлади сначала пообещал их отдать, но не отдал. Стал бегать от меня. Я ему говорю — ты же офицер, ты давал слово. А меня к тому времени уже второй раз выгоняли из Чечни в отпуск насильно, после того как я сказал в эфире «Свободы», что это по вине Квашнинных и Шамановых такое дерьмо тут творится. Я нашел уже десятки могил наших солдат, а меня отправляют. Я пошел в госпи-

Ловлю Мовлади Раисова, даю ему читать. И только тогда он мне их отдал. Когда я их привез, они были уже невменяемые...

Потом были не только военные, я вытаскивал женщин, детей. Я мог бы многое рассказать. Одна мать приехала с мужем в Чечню, он там заболел и умер. Дочь в это время попала под машину, погибла. Она надеялась хоть сына живым... Одного мальчика я вытаскивал — Андрюшу Латыпова. Он был сирота из питерских беспризорников. В девяносто пятом году «Взгляд» показал репортаж о них. Они спали в машинах, заводили их для тепла, и одна машина загорелась. Латыпов стал вытаскивать своего товарища, но тот все равно погиб. И «Взгляд» им занимался. И один майор, десантник, Сергей Данильченко, его усыновил. В 98-ом году Данильченко дали путевку в санаторий в Пятигорске. И Данильченко решил в выходной из Пятигорска съездить в Моздок к друзьям. Взял Андрюшу с собой. Электричка шла «Минводы — Ищерская», а они думали, что конечная — Моздок (станция Ищерская — это уже Чечня, первая железнодорожная станция после пересечения административной границы — А.Б.). И их захватили. Я на тот момент уже работал в «Новой Газете». Мне редакция дала задание — вытащить этого мальчишку, это надо было делать срочно, потому что он большой.

Боевики запросили за мальчишку Гантамирова. Мы, говорят, за него заплатим большие деньги. Я говорю — сколько? Они говорят — 500 тысяч долларов. Я

Боевики взяли блокпост в плен, тридцать одного человека. Всех контрактников расстреляли. Почему? Они обменяли четырех солдат на одного боевика, который через час умер у них. Если бы не это, контрактников, может быть, и не расстреляли бы.

Говорю Раисову — меня выгоняют отсюда, давай ребят. Ты офицер и я офицер. Раисов — пока президент (Яндарбиев — А.Б.) не даст приказ, я не могу их отдать. Мне нужен приказ Яндарбиева.

Завали Ахаев говорит — ладно, поехали, мы Яндарбиева из-под земли достанем. Приехали в Старые Атаги, нашли его водителя, нашли помощника. Тот сказал, что Яндарбиев меня, конечно, не примет, скажи мне, что хочешь ему сказать. Я при свете фар пишу письмо: вот я, Измайлов, спас столько-то солдат, спас столько-то чеченцев — одного уже расстреливали, я его спас — вот, Раисов дал слово отдать Сорокина и Андриенкова, но слово не сдержал, сказал, без вашего приказа отдать не могу. Через два часа мне привозят ответ. Там написано: «Казбеку Махашеву — решить вопрос с майором Измайловым согласно договоренностей». Махашев подписал: «Выполнить приказ президента». Отдать.

говорю — ладно, я сделаю. Принял их игру. Пишу расписку: «Я, майор Измайлов, обещаю доставить вам Гантамирова, а если не получится, готов возместить все расходы в размере 500 тысяч долларов». Они мне поверили. Ясно, что платить не собирался, я понятия не имею, где можно достать такие деньги. В общем, я этого мальчишка вытаскивал. Как получилось — Данильченко удалось бежать. Но с мальчиком он бежать не мог. Добрался до нашего представительства в Ханкале — тогда уже боевики были у власти. Он добрался до нас, рассказал, где мальчик сидит. Я попросил одного человека помочь мне вытаскивать мальчишку. Его родственник сидел здесь в тюрьме. Я пообещал, что освобожу его взамен. Они мне мальчишка отдали. В тот день я вытаскивал четверых, мальчишка, двух солдат и одного инженера Мосдорстроя, Василия Поклонского. За него требовали миллион долларов. С ним мне помогал родственник одного чеченца, который работал

здесь в метро. Он ограбил турка в Москве, на него было дело заведено. Я говорю — дайте Поклонского, ваш родственник садится под подписку о невыезде. Короче, троих мне привезли, а мальчика нет. А в этот день, 23 июля 1998 года, было покушение на Масхадова, и тот человек, который вез мне мальчика, опоздал. Мне пришлось задержать самолет на час, авиакомпания «Карат» меня знала, они помогли, задержали самолет. В Москве меня встречают Сергей Болдров, он работал тогда во «Взгляде» и Сунцов, начальник этнического отдела ГУБОПа. Я солдат отдаю Сунцову, Поклонского отдаю племяннику, а мальчика привожу в редакцию — у него не было денег на дорогу. Редакция дала им денег, 300 долларов. Через полгода они проездом были в Москве, зашли ко мне — протягивают триста долларов...

Вот так работали. Государство ничего не делало, наоборот, мне все время только палки в колеса вставляли. Что, нельзя было отдать этих боевиков за солдат? Что важнее — посадить их, они восемь лет отсидят и все равно выйдут, или спасти жизни людей? Если их посадить — пленным отрежут головы. Для государства же это не составляло никакого труда, если бы это действительно было нужно, можно было бы наладить процесс, можно было бы столько людей еще вытащить, спасти! Мне же приходилось изгаляться вот так вот, пробивать все время что-то, договариваться в обход, окольными путями...

Мы могли решать вопросы только по тем, кто находился в тюрьмах. Но мы не могли решать вопрос по убийцам, по особо тяжким преступлениям. А попробуй согласуй все. Это надо запросить материалы из суда, договориться с региональной прокуратурой... Если бы мы начали заниматься всей этой бюрократией, многих пленных уже не было бы. Поэтому приходилось заниматься самодеятельностью, говорить — вы помогите сначала мне, а я отвечаю, что ваш человек тоже выйдет. Но я

же не генпрокурор и не судья... То есть наших пленных приходилось брать в долг и потом годами эти долги возвращать. Но вернуть их удавалось не всегда, навстречу государство нам не шло. При этом я никогда не старался обмануть тех, кто помог мне. Я боролся за их людей вплоть до того, что выступал общественным защитником по их делам.

На Юрия Щекочихина, как на депутата, выходили чеченцы, готовые помочь в освобождении. В свою очередь они просили помочь им — им были предъявлены обвинения, но вина так и не была доказана, и они просили помочь снять себя с розыска. Щекочихин вышел на Юрия Скуратова и Михаила Катыхева, который тогда возглавлял следственное Управление Генпрокуратуры. Они помогли этих чеченцев снять с розыска. В ответ те помогли освободить четырех солдат. Щекочихина я представлял потом как гаранта, что он дает гарантии.

В 95-ом году к Щекочихину обратились

пограничники — помогите, у нас трое в плену. Леча Идигов помог мне выйти на тех, кто их держал. Живых уже было только двое. Но вывести удалось только одного, правда, боевики впридачу освободили еще и солдата из Минобороны — Данилова. Когда я привез их в Осетию, позвонил Щекочихину, чтобы он встречал нас в Москве. Тот перезвонил Николаю Бордюже: везут вашего, встречайте. Мы прилетаем, самолет приземлился, я смотрю — Щекочихина нет. Только подали трап, поднимаются двое, отнесают меня от трапа — пускай солдатики первыми спустятся. Я подумал, что это нужно для телевидения. Они спустились, их внизу посадили в машину и увезли. Я когда вышел — смотрю, солдат нет. Подумал, что их опять похитили. Потом уже звонил Бордюжа, извинялся: я не давал команду их похищать, я сказал им встретить Вас, но заставь дурака Богу молиться... А эти офицеры, когда узнали, что Данилов не пограничник, просто высадили его на дороге и уехали.

Анна Ивановна Пясецкая, она тоже была членом рабочей группы при Комиссии, у нее сын погиб 1 января 95-го. Тело отправили на Алтай совершенно другим людям и там похоронили под чужой фамилией. А ей объявили, что сын пропал без вести. Она десять месяцев ходила по Чечне, искала его. А потом той женщине, которая похоронила Пясецкого как своего, прислали тело его сына. Через 124 лабораторию опознали. Это нормально? Никому они не нужны были...

Последнюю пленную, Светлану Кузьмину, я вытащил в 2001 году. А сегодня в Чечне работать уже невозможно. Задачи спасать людей государство перед собой не ставит. Их попросту бросили. В этническом отделе ГУБОПа из тех, кто занимался этой задачей, не осталось никого. Президентскую Комиссию по военнопленным расформировали.

Егор Лосев

http://artofwar.ru/l/losew_egor/

Родился в Ленинграде, в 1976 году. В Израиле с 1990. Служил в ЦАХАЛе, в войсках связи с 1994 по 1997, старший сержант запаса. Обошлось без ранений и наград.

ИОН ДЕГЕН: ПОЭТ-АС

ЭКСКЛЮЗИВ

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.*

*Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Я на память сниму с тебя валенки.
Мне еще воевать предстоит.*

Наверное, в России найдется очень мало людей, которые не знали бы этих строк. Так же, наверное, найдется очень мало и тех, кто знает, кому принадлежит авторство. Молва приписывает их народу. И это высшая похвала для поэта. Но написал их конкретный человек — Ион Деген, лейтенант 2 Гвардейской отдельной танковой бригады. Ас-поэт и ас-танкист. На его боевом счету шестнадцать подбитых танков и один захваченный. Среди танковых асов СССР он занимает десятое место.

Эти стихи написаны в самом конце войны, в декабре сорок четвертого, и они как нельзя лучше показывают изнанку самого кровавого конфликта прошлого века. В двух четверостишиях выражено все: боль, потеря, горечь поражений и цена, которую солдаты заплатили за ту, одну на всех, Победу, не считаясь ни с чем.

Ион Лазаревич в шестнадцать лет добровольно ушел на фронт. Воевал в пехоте, командовал взводом разведки в дивизионе бронепоездов. Окончив танковое училище, продолжал воевать на Т-34, сначала командиром танка, потом командиром взвода, затем команди-

— Ион Лазаревич, Вам, наверное, задавали этот вопрос множество раз. Речь идет о вашем стихотворении. Его называют лучшим стихотворением о ВОВ. Многие считают его народным, это, я думаю, самая показательная оценка. Можете ли вы рассказать о том, как вы его написали?

— Честно говоря, оно уже навязло в зубах, это стихотворение. Любимое стихотворение у меня совсем другое:

Воздух вздрогнул.
Выстрел. Дым.
На старых деревьях обрублены сучья.
А я еще жив.
А я невредим.
Случай?

Это мое самое любимое стихотворение и самое страшное. Оно было написано в 42-ом на Кавказе. Мне было 17 лет, я тогда командовал отделением разведки дивизиона бронепоездов. Жуткий был день.

ром танковой роты. Война для него закончилась в Восточной Пруссии, когда он личным примером пытался увлечь в атаку сводную танковую роту. Но рота не пошла. Одинокую «тридцатьчетверку» немцы пропустили за первую линию траншей и подожгли, расстреляв десант на броне. Несмотря на тяжелое ранение в голову, Деген сумел выбраться из танка, получив пулеметную очередь по рукам и осколки снаряда по ногам.

Он выжил, несмотря на осколок в мозгу, оторванную верхнюю челюсть, покалеченные ноги и семь пулевых ранений в руки.

После войны Ион Деген поступил в медицинский институт. Несмотря на то, что израненные руки отказывались повиноваться (постоянно вязал узлы для гибкости пальцев и носил залитую свином тростью для работоспособности рук), он своего добился — стал врачом-хирургом. Работал в разных концах СССР. Разработал новую уникальную методику хирургии.

Сегодня профессор Ион Лазаревич Деген живет в Израиле. Пенсионер, но продолжает консультировать коллег и занимается общественной деятельностью.

Представьте себе этот бронепоезд, «Сибиряк», с его четырьмя 76ти мм орудиями, а на него прет туча клейстовских танков... Чего стоили эти орудия, привязанные к железной дороге? Немцы бомбили постоянно, нашей авиации не было. Помню, оттуда только до Ростова-на-Дону шестьсот сорок километров, а до Германии сколько?

— Скажите, ведь в те годы вообще не знали, что такое пост-травматический синдром. Вы испытывали что-то подобное?

— Я впервые услышал о том, что существует пост-травматический синдром, только в Израиле.

Я ведь был три раза ранен, последний раз очень тяжело, осколок в мозгу, оторвана верхняя челюсть, семь пулевых ранений в руки, четыре осколочных ранения в ноги, но я никогда не испытывал никакого пост-травматического синдрома. Я просто не знал, что это такое. И потом, будучи врачом, тоже не знал. На первых порах это

меня возмущало. Здоровых солдат показывают психологу!

Страх было. Люди боялись. Вот к примеру, служил у меня в роте командир танка лейтенант Сегал. Мне он стариком казался, ему было под тридцать лет. Думаю, попади он к самому ярому антисемиту, ему было бы легче, чем у меня. Он боялся.

На марше ведь как, место командира на левом «крыле» танка. Так и к механику-водителю ближе, и обзор, и всегда можно соскочить, дорогу показать. А Сегал из башни не вылезал.

Однажды я сделал совершенно подлую вещь, даже сейчас себя за это ругаю, но я был девятнадцатилетним мальчишкой.

Мы поехали на реконгсцировку. Когда возвращались я командовал: «К машине!» Подговорил всех, и когда мы с Сегалом подошли к танку, там не осталось свободного места. Я сказал ему: «Разрешаю вам занять мое место на крыле».

Судьба

А сам, глупый мальчишка, сел на лобовом листе, над амбразурой пулемета, держась руками за ствол пушки. Механик выбирал самые страшные места. Танк плясал. Я боялся, что свалюсь под гусеницы.

Сегал кричал всю дорогу, слышно не было, но я видел, как он открывает рот и цепляется пальцами за крышку люка.

Ничего не помогло, на крыло он так и не садился. Мне тоже бывало страшно, но еще больше я боялся, что кто-то скажет: еврей — трус!

Поэтому первый лез всюду.

Пост-травматический синдром, это другое, но я никогда с ним не сталкивался и не понимал этого явления.

— Вы до сих пор интересуетесь танками. Но вы же еще служили и в пехоте, и в дивизионе бронепоездов. Почему именно танки?

— В пехоте я шестнадцатилетним пацаном воевал где-то месяц-полтора. В дивизионе бронепоездов воевал ровно 4 месяца. Причем, в разведке. В танковом училище я проучился целый год и воевал в танках 8 месяцев.

Как-то во время войны в Ливане в 1982 году, мы с женой, сестрой и ее мужем ехали вдоль северной границы. Неподалеку от нас на дорогу выкатился новенький Т-62. Тут же стояли журналисты, и одна из них — корреспондентка Решет Бет — видимо заметив мое удивленное лицо, спросила:

— Вы знакомы с этим танком?

Я ответил, что воевал на его предшественнике — Т-34.

Она еще поправила меня, на израильский манер: «Ти — 34?» Нет, поправил я ее: «Тэ — 34».

Про меня ни разу не написали без каких либо «легенд». Вот Евтушенко вроде бы расставили все точки над «и». И опять написал не так, и текст стихотворения неправильный.

— Я читал в интернете о вашей встрече с Константином Симоновым, о том, что он раскритиковал ваши стихи. Эта история описывается каждый раз по-разному. Хотелось бы услышать от вас, как все было на самом деле. Вроде бы с тех пор вы перестали писать стихи.

— Да ерунда. Писал я стихи. Только между 77 и 94 годом случился перерыв. Жена одно мое стихотворение прочитала и сказала, что это дерьмо. После этого я не писал до 94 года.

В 94-ом мой друг, Аркадий Тимор, подарил мне мои наградные листы. Ему прислал их из Москвы полковник, профессор Ф.Д. Свердлов, военный историк. Ведь я, будучи солдатом-пехотинцем, разведчиком в дивизионе бронепоездов,

командиром танка, командиром танкового взвода, командиром танковой роты, не имел представления о том, как там, в далеком штабе, в далеком от войны тылу, представляют к награде. И вдруг — наградные листы. Стихи из меня просто посыпались. По три в день.

К сожалению, большинство этих стихов находились в компьютере, а я еще не очень владел этой техникой, и однажды у меня полетел диск. Кое-что мне удалось вспомнить, но очень многое пропало.

Про меня почему-то ни разу не написали без каких либо «легенд». Вот Евтушенко, в прошлом году мы с ним виделись, вроде бы расставили все точки над «и». И опять он написал не так, и текст стихотворения неправильный, просто удивительно.

В «Комитете» ко мне отнеслись с пониманием, но объяснили, что пластинки разошлись огромным тиражом и теперь очень сложно что-либо сделать.

Постепенно разговор зашел о творчестве танкистов. Выяснили, что и я пишу стихи. Собеседники — двое мужчин лет сорока, предложили прочесть. Прочитал несколько стихотворений.

«Подождите!» — попросили они и вышли. Через несколько минут вся комната заполнилась людьми. Я довольно долго читал стихи. Всем понравилось.

На следующий день меня вызвал начальник политотдела полка, жлоб-полковник.

— Так что, лейтенант, стишки пишешь? — небрежно спросил он.

— Пишу...

— Сегодня к восемнадцати ноль-ноль поедешь в Дом Литераторов. Туда тебя мой шофер на «виллисе» подвезет.

Я тогда еще передвигался на костылях, да и руки не окрепли после ранения, поэтому поинтересовался:

— А обратно?

— А обратно на метро.

Так я попал в «Дом Литераторов». В небольшом зале на выставленных рядами стульях сидело несколько десятков человек. Симонова я узнал, потому что видел его раньше на фотографиях. Он сидел за председательским столиком в пиджаке с орденскими планками.

В последнем ряду у входа сидел мужчина с обожженным лицом. Я решил, что это Сергей Орлов, и не ошибся.

Симонов представил меня, сославшись на Комитет защиты авторских прав.

Прочитав несколько стихотворений, я почувствовал напряжение в зале, а позднее и враждебность. Только Сергей Орлов осторожно, беззвучно аплодировал, складывая ладони.

Ион Деген: Поэт-ас

Погрузка снарядов в бронепоезд. 1943 год

Когда я закончил и сел, началось. Ругали меня и так, и эдак. Возмутились, обвиняли в клевете, в киплинговщине, в апологии трусости и мародерства. Особенно их разозлила строка:

За наш случайный сумасшедший бой
Признают гениальным полководца.

Руководил разносом Симонов. Много лет спустя Евгений Евтушенко сказал, что Симонов спас мне жизнь, пояснив, что полководец для меня — это командир бригады, а никак не верховный главнокомандующий. Это, в общем-то, так и было. Для меня даже тыл батальона был далеким, как другая планета.

Короче говоря, когда я спускался в метро, я себе пообещал не иметь дела с этим литературным генералитетом.

Заклучил выступление в Доме Литераторов тут же сочиненным стихот-

ворением, которое назвал «Товарищам «фронтовым» поэтам». Заканчивалось оно так:

Мой гонорар — только слава в полку
И благодарность солдата.
Вам же платил за любую строку
Щедрый главбух Литиздата.

Уже гораздо позднее, когда я размышлял о тех, кто не воевал напрямую, а находился в тылу или во вспомогательных войсках, я сочинил такое стихотворение:

В кровавой бухгалтерии войны,
Пытаясь подсчитать убитых мною,
Я часть делил на тех, кто не вольны
Со мною в танке жить моей войною.

На повара, связистов, старшину,
Ремонтников, тавотом просмоленных.

На всех, кто разделял со мной войну,
Кто был не дальше тыла батальона.
А те, что дальше? Можно ли считать,
Что их война, как нас, собой достала?
Без них нельзя, конечно, воевать,
Нельзя, как без Сибири и Урала.

Их тоже доставал девятый вал.
Потери и у них в тылу бывали.
Но только я солдатами считал
Лишь только тех, кто лично убивали.

Об этом в спорах был среди задр,
Противоречье разглядев едва ли.
Водитель и башиер, и командир,
Мы тоже ведь из танка не стреляли.

Я знаю: аргументы не полны
Не только для дискуссии — для тоста.
В кровавой бухгалтерии войны
Мне разобраться и сейчас непросто.

— Сейчас очень много пишут о том, что Израиль создал Сталин, в некоторых источниках пишут о тысячах добровольцев из СССР, приехавших в Палестину воевать за только что созданное еврейское государство. Вы встречали таких добровольцев в СССР или Израиле?

— Нет, не встречал, но где-то в конце 1947 года, мы с моим другом Мотей Тверским, пехотинцем, командиром батальона, послали заявления в ЦК ВКП(б), в котором написали, что обладаем боевым опытом и просим отправить нас воевать в Палестину.

Нас вызвали в обком, спросили, какие языки мы знаем — мы оба понимали идиш — и на этом все закончилось. Вскоре отношения между СССР и Израилем стали портиться и на каждом партсобрании мы сидели и тряслись, боялись, что нас сейчас выдернут и припомнят наши заявления.

Заявление мне «припомнили» через 30 лет.

Мы тогда жили в Киеве и уже собирались уезжать в Израиль. Меня тогда «случайно» встретил майор КГБ, адъютант

заместителя председателя КГБ Украины генерала Чурсина. Так как Чурсин был моим пациентом, майор за мной «присматривал». Выражалось это в «случайных» встречах на улице и беседах. С ним я расправлялся таким способом: когда он как-то пытался меня задеть, я просил у него почитать что-нибудь из запрещенной в то время литературы, Солженицина, например. Майор возмущенно отмахивался и требовал прекратить «провокации».

В тот раз Евгений Михайлович спросил:

— Ну, что? Решили ехать?

— Решили, — ответил я.

— Ну, что же... оно и понятно. Уже скоро тридцать лет, как вы решили...

— Неужели не забыли?

— Что вы! Мы ничего не забываем.

— А какое впечатление на вас произвел Израиль в 77 году?

— Ну, это оказалась совсем не та страна, что я себе представлял, хотя мне казалось, что я знаю об Израиле все.

Сначала, конечно, эйфория, все было новым, необычным. Позже, правда, я познакомился с израильской бюрократией... сразу вспомнил СССР.

Помню такой забавный эпизод. Служащая по трудоустройству предложила мне работать в больнице в Кфар Сабе. Я согласился. Служащая объяснила, что я должен приехать в больницу Меир в Кфар Сабе, к профессору Конфорти.

Я был слегка ошарашен. Книга профессора Конфорти «Оперативная ортопедия» была у меня настольной, но я понятия не имел, что он израильтянин!

Ехать в Кфар Сабу мне пришлось очень долго и на трех автобусах. Билеты стоили 31 лиру, в те времена для меня немалые деньги.

Когда я добрался до больницы, первое, что привлекло мое внимание, это развешающееся над зданием красное знамя. Главврача в больнице не оказалось.

— Сегодня же праздник, мы работаем по расписанию выходного дня.

— Какой праздник? — удивленно спросил я.

— Первое мая!

Мне оставалось только возвратиться ни с чем домой, а утром снова ехать в больницу. На мое счастье я встретил в больнице бывшего однокурсника, который пригласил меня к себе переночевать, а назавтра снова привез в больницу.

Когда я, наконец, встретился с профессором Конфорти, тот удивленно посмотрел на меня:

— Деген, я читал ваши статьи, но не предполагал, что вы еврей!

— Вы находились в Израиле, когда СССР ввел войска в Афганистан. Вы пом-

ните, как освещались эти события в израильских СМИ? Как вы тогда отнеслись к этому событию?

— Я тогда абсолютно не понимал, зачем там Советские войска. Думаю, что и американцы там не усидят, уж очень специфическая страна.

А СМИ здесь почти никак не освещали это событие, не то, что американцы. Те бусовали.

— **Ион Лазаревич, из «агентурных источников» я знаю, что в конце восьмидесятых вы организовали бесплатное лечение в Израиле советских солдат, ставших инвалидами в результате войны в Афганистане...**

— Не я персонально, а наш «Союз воинов и партизан инвалидов войны с нацистами». Мы действительно организовали лечение группы из восемнадцати инвалидов, наша организация также

безвозмездно обеспечила их протезами и колясками.

«Афганцы» были в шоке от нашего магазинного изобилия, ведь в СССР было довольно тяжелое время. Их потрясло отношение к инвалидам Армии Обороны Израиля, и уж совсем они не могли поверить в то, что здесь у генералов почти нет преимуществ перед солдатами, они едят в одной столовой, носят одинаковую форму.

Кроме них мы также организовали лечение в Израиле легендарного динамовского вратаря Льва Ивановича Яшина.

Став на протез, Лев Иванович заплакал: «Почему в своем родном СССР, для которого я столько сделал, мне не могли дать нормальный протез, а здесь, еврей, которым я совсем чужой, соорудили мне такое чудо».

С Яшиным случился еще один забавный эпизод. Он попросил помочь купить

ему кожаную куртку. Мы повезли его в магазин при фабрике. Тут же, в магазине, находился хозяин фабрики, репатриант из СССР. Яшин примерил понравившуюся куртку и спросил, сколько она стоит. Хозяин фабрики подошел и ответил: «Для Яшина — ничего».

— **Вы встречаетесь и общаетесь со многими израильскими политиками и генералами, в том числе и с Ариэлем Шароном, не могли бы вы рассказать об этом?**

— В Израиле есть большая группа национально ориентированных профессоров. Человек примерно 600. Несколько раз мы с группой профессоров выезжали в Самарию и в сектор Газа. Во время этих поездок нашим гидом был Шарон. Всех нас он поразил редким для генералов знанием обстановки, своим военным видением, своим непреклонным пониманием того, что уход с высот Самарии или из поселений в секторе Газа может стать катастрофой для Израиля.

А с бригадным генералом Авигодором Кахалани мы вместе посещаем баню.

Это потрясающий человек. Войну Судного дня Авигодор Кахалани встретил на Голанах командиром танкового батальона. Но с началом войны ему пришлось передать одну роту в поддержку пехотному батальону, а другую отправить оборонять Кунейтру. На позиции он вывел всего две роты и один взвод.

С первых часов войны положение было отчаянным: сирийская авиация господствовала в воздухе, израильские позиции на горе Хермон были захвачены сирийскими командос, оттуда все позиции танкистов Кахалани просмат-

Я командовал «За мной!», надеясь на то, что эти сукины сыны сдвинутся с места. Не сдвинулись. Я вступил в бой. Мой танк был подбит. Три человека в экипаже и шесть десантников погибли. Механик-водитель и я тяжело ранены.

ривались, как на ладони. Сотни танков и БМП атаковали их в лоб. Но они выстояли, продержались, несмотря на огромные потери, отсутствие связи и боеприпасов. Продержались три дня, необходимые для подхода резервистов. Долина перед грядой, которую оборонял батальон Кахалани, была покрыта сотнями горящих сирийских танков и БМП. Эту долину до сих пор называют Долиной Слез.

В какой-то момент танк Кахалани оказался на перевале один. Остатки батальона, всего шесть танков, находились внизу. На перевал надвигалось несколько десятков сирийских танков. Кахалани дал команду подниматься к нему, но измотанные тяжелыми боями танкисты не выполнили

1943. Курская Дуга. Башня подбитого «Тигра» вся в трещинах от попаданий 76-мм снарядов

приказ, только танк командира роты встал рядом.

Мне очень трудно быть беспристрастным летописцем. Ровно 58 лет назад у меня возникла точно такая ситуация. Девятые сутки наступления. Мне 19 лет. Я командир сборной роты. 12 машин — все, что осталось от нашей танковой бригады, тяжелотанкового полка и полка 152-миллиметровых самоходных орудий. Я приказал в атаку. Машины стоят. На шум работающих дизелей немцы открыли бешеный огонь из орудий и минометов. Машины задраены наглухо.

Командирам наплевать на мой изысканный мат — единственное средство убеждения, которым я владел в совершенстве. Я командовал «За мной!», надеясь на то, что эти сукины сыны сдвинутся с места. Не сдвинулись. Я вступил в бой. Мой танк был подбит. Три человека в экипаже и шесть десантников погибли. Механик-водитель и я тяжело ранены.

Кахалани нашел нужные слова. Они выстояли. Это была победа! По радио прозвучал голос командира полка: «Кахалани, ты остановил сирийцев. Ты — Герой Израиля!» Это был единственный участок фронта, где противнику не удалось проваться.

С Шимоном Пересом я тоже встречался два раза. Тогда Перес был премьер-

министром. Когда он вошел, все присутствующие встали, а я продолжал сидеть. Перес прошел мимо, снисходительно похлопал меня по плечу, но я сбросил его руку. А второй раз в русском посольстве, на приеме ветеранов и инвалидов войны, Перес подошел к нам сфотографироваться. Я отошел в сторону.

Авраам Коэн*, с которым я очень дружил, меня называл «фашистом», а я его называл «большевиком», возмущенно спросил, почему я отошел. Я ответил, что с такими личностями не фотографируюсь. «Ты знаешь, сколько он дал стране?» — возмутился Коэн.

— Знаю, — ответил я, — но Перес делал это на своей должности, а сколько вреда он принес стране, я могу рассказать...

Авраам Коэн на меня очень разозлился...

— **Что вы можете сказать о последней войне в Ливане?**

— Да ну... Сплошное безобразие, все безобразие.

— **Ион Лазаревич, вы живете в Израиле уже тридцать лет, испытывали ли вы когда-нибудь ностальгию по той стране, ныне уже несуществующей, из которой вы уехали? Стране, где вы родились, воевали, учились, работали? Если да, то по чему вы скучаете больше всего?**

— Возможно это покажется вам странным, но меня удивляют люди, у которых появляется ностальгия. Вероятно, это те, кому не следовало сюда приезжать.

*Авраам Коэн — бывший секретарь организации «Союз Инвалидов — воинов и партизан Израиля».

Виктория Ивлева

Журналист

http://artofwar.ru/i/iwlewa_jork_w_m/

О ЛЮБВИ

Настоящую агонию я видела один раз в жизни, в Руанде, 10 лет назад. Прямо передо мной умирала черная женщина. У ног ее маленький мальчик беспечно грыз тростниковую палочку. Из его носа весело струились две сопливые змейки.

Платье на женщине задралось, и последним предсмертным движением она все пыталась его одернуть.

Откуда ни возьмись, подъехали два ужасно клевых американских солдата на грохочущих блестящих супермотоциклах. Они были свежие, веселые и такие даже немножко целлулоидные. На просьбу помочь я получила четкий, исключительно гуманитарный ответ.

— Э нет, мэм, — сказали американцы. — Мы — миротворцы. И не можем с каждым возиться. Мы ведь здесь для оказания помощи в общем.

Так и сказали, пупсы: «в общем» — in general!

Ужасно захотелось взять у мальчика недогрязненную палочку и дать им по пустым белобрысым головам...

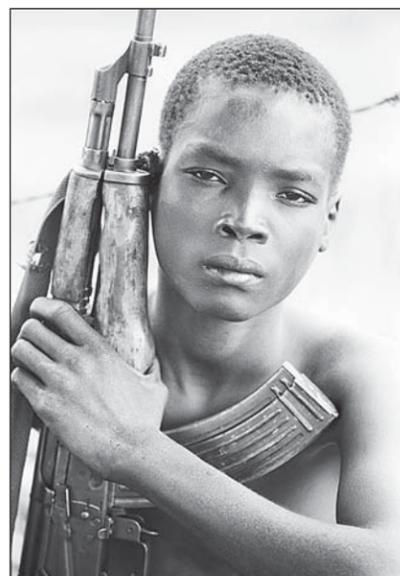
Они укатили.

Тетка все-таки попала в лазарет благодаря проезжавшему мимо американскому полковнику, тоже миротворцу, но менее in general.

Именно после этого случая для меня лично был окончательно решен вопрос с глобальной любовью ко всему человечеству. Именно с тех пор в ситуациях коллективной помощи мне всегда хотелось найти какую-то мелочь, деталь, которая помогла бы выделить из тысяч — одного, но своего. Это мог быть случайный перекрест глаз, или застенчивая улыбка, или внезапно завязавшийся разговор, который уже невозможно оборвать просто так... Все эти люди селились в моей памяти, а кто-то и в жизни.

Последний внезапно завязавшийся разговор, который невозможно было оборвать просто так, начался еще в прошлом году в Уганде.

«...Я был дома после школы, играл. Вдруг вошли ужасные люди — в рваных одеждах, со спутанными волосами. Они крикнули маме, чтобы она молчала и не

Одонга Боско, каким я его увидела впервые

Подъехали два ужасно клевых американских солдата. На просьбу помочь я получила четкий, исключительно гуманитарный ответ: «Э нет, мэм, — сказали американцы. — Мы — миротворцы. И не можем с каждым возиться. Мы ведь здесь для оказания помощи в общем».

двигалась, а мне на пояс завязали веревку с цепью. Потом они собрали все, что было в доме, и велели мне нести на голове узел с поклажей. На улице меня связали с другими детьми, тех, кто пытался развязаться, убивали на месте...»

«...Наш дом окружили, родителей не тронули, а меня и еще нескольких детей положили на пол, сверху постелили палатку, на нее поставили какой-то груз, мы едва могли дышать. Так мы провели ночь. Утром нас связали и погнали неизвестно куда. Из нашей семьи взяли только меня, моим младшим братьям было 4 и 5 лет — они еще не были нужны...»

Таких историй, до одури похожих, даже однообразных по своей сути, вам расскажут великое множество в любой деревушке, в любом лагере для внутренне

перемещенных лиц, в любом детском психологическом реабилитационном центре на севере Уганды.

Началось это довольно давно, когда некто Джозеф Кони объявил о создании Армии Сопrotивления Господа (Lord's Resistance Army — LRA). Себя он назначил главнокомандующим и, по совместительству, мессией.

Если в начале своей повстанческой деятельности Кони и выдвигал некие туманные требования о смене правительства и замене действующего президента на, естественно, себя самого, то постепенно политические требования размылись и все стало сводиться к банальным грабегам и убийствам.

Поскольку Кони, как и любой другой мессия, считает, что укреплять дух надо с детства, то этим Святое Войско и занимается: они попросту крадут детей школьного возраста, запугивают их всеми мыслимыми и, в основном, немислимыми способами, превращая или в трясущихся

от страха рабов, или в злобных зверят; через некоторое время «учебки» выдают «калаши» — самое известное здесь оружие — и вперед! Иногда — грабить свою собственную деревню, иногда — тоже популярный у LRA способ использования детей — для измерения глубины брода. Прошлым летом в верховьях Нила выловили около 40 детских трупов — брод оказался слишком глубоким для подростков.

Всех девочек используют как полевых жен, почти независимо от возраста. Если, не дай бог, одна девочка понравилась сразу двоим — вопрос решается просто: ее расстреливают...

Вот маленький кусочек из воспоминаний 14-летнего Стивена: «Когда меня украли, мы всю ночь шли пешком. И в эту же ночь нас заставили убить насмерть

палками одного мальчика. Я его чуть-чуть знал, и мне не хотелось бить, но мне сказали: если я не буду работать как следует, то его поднимут, а меня положат на его место — и он будет бить меня... Еще они говорили, что если я попробую убежать, то страшный дух будет всюду следовать за мной. Я в это верил и очень боялся...»

Нельзя сказать, чтобы ситуация никак не волновала мировое сообщество. Были международные доклады на самых разных уровнях, обсуждения, резолюции — а нужен отряд морских пехотинцев на пару месяцев, но на это не хватает политической воли, да, наверное, существуют и какие-то более тонкие политические хитросплетения и интриги...

В Уганде есть своя действующая регулярная армия, присутствие которой — хотя бы чисто внешне — чувствуется на всех северных дорогах. Патрулирование этих

Они поймали сбежавшего мальчика, отрубили ему голову и заставили девочку нести голову в руках. И она была вся в его крови, и ей даже не разрешили вытереться, а заставляли нести голову перед собой на вытянутых руках и не закрывать глаза и смотреть.

дорог — основной способ борьбы, хотя повстанца, особенно ребенка, если он без оружия, от местного жителя отличить невозможно. Солдатские посты через каждые 4-5 км. Вместо шлагбаума — ствол засохшего дерева. Около военных лежит горка тяпок на длинных деревянных ручках. Солдаты останавливают все машины подряд, взрослые мужики выходят, разбирают тяпки и минут 5-10-15, в зависимости от настроения армейских, рубят высокую тугую и очень жесткую траву вдоль дороги, расчищая обочины и не давая возможности бандитам выходить на дорогу или устраивать засаду. Потом всех отпускают, солдаты вместе со своей корягой и тяпками перемещаются на несколько метров и ждут следующую машину. Сами они также рубят траву, но уже подальше от дороги, там, где поопаснее. Новая трава вырастает месяца за три. И все начинается сначала... Я не буду это комментировать, ладно?

Бывают и более активные антикониевские действия — открытые стычки, захваты бандитов и атаки с воздуха. Этим атак дети боятся панически, чуть ли не больше, чем самого Кони. Они бегут врассыпную, и многие гибнут от пулеметных очередей правительственных войск. Но атака в то же время — главная возможность бегства от LRA. Бегут дети и ночью, от полного отчаяния; одного мальчика просто оставили в лесу умирать, пожалев на него пули, а он смог выползти на дорогу и был спасен.

Абсолютно всех этих детей сразу же направляют в один из психологических ре-

собранным центром, где они проводят не менее месяца. Случается, что некоторые попадают к бандитам вторично — таких, как правило, ждет мучительная смерть. Этот круговорот детей в Уганде идет уже 18 лет...

Ровно год назад в реабилитационном центре благотворительной организации World Vision в городишке Гулу мы познакомились с мальчиком. Мальчик как мальчик, только очень молчаливый, все время смотрящий куда-то вдаль. Он провёл семь месяцев в Армии Сопrotивления Господа, и это был его первый день на свободе. Мальчик был худ, бос, очень давно не наедался досыта, впрочем, как и все остальные дети. Мы долго разговаривали, а потом он спросил, приедем ли мы еще.

— Зачем тебе, чтобы мы приезжали еще?

— Я подумал, — сказал он, поколебавшись, — что, может быть, вы бы согласились заплатить за мою школу, я хочу стать врачом, когда вырасту.

Стать врачом — после месяцев сплошных унижений, кровавых жестокостей, голода; не сейчас — кусок лепешки, а стать врачом — потом... Мальчик пытался использовать шанс на иное будущее. Имели ли мы право отказаться?.. И мы не просто не отказались, а согласились публично, написав об этом в «Новой газете» («Война Детей»: 1, 2, 3).

А дальше начались мелкие бюрократические игры; через несколько месяцев выяснилось, что никто не знает, куда мальчик делся, и нужно было расписаться в

собственном бессилии и проигрыше под влиянием обстоятельств. Звали мальчика Одонга Боско, и было ему 15 лет.

Но... Так или иначе, я все время думала о нем. Совесть моя была явно нечиста. Самый большой страх был за его жизнь. Не шла из головы история, рассказанная мне девочкой Дженифер с бесстрастным голосом и невеселым взглядом: «Я очень хотела убежать, но боялась даже намеком высказать свои мысли хоть кому-нибудь. Вот что они сделали с другой девочкой, которая была не такая осторожная, как я. Они поймали сбежавшего мальчика, отрубили ему голову и заставили ее нести голову в руках. И она была вся в его крови, и ей даже не разрешили вытереться, а заставляли нести голову перед собой на вытянутых руках и не закрывать глаза и смотреть. И нас всех заставляли смотреть».

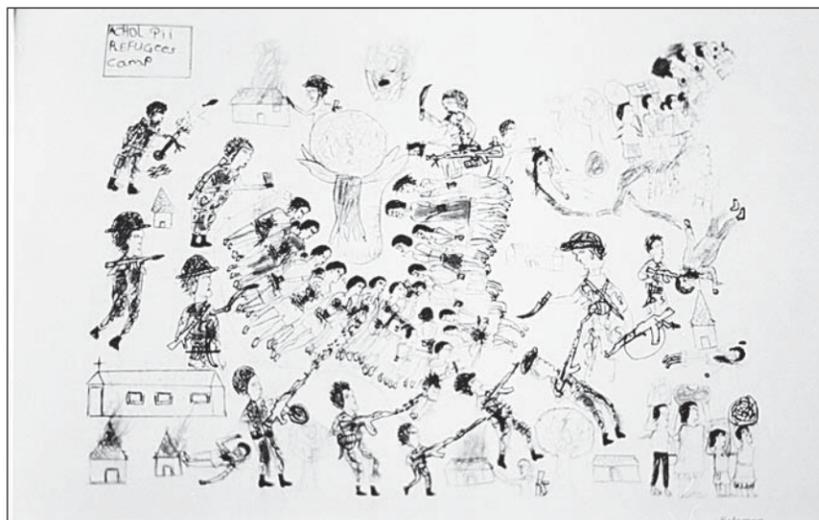
Бедная маленькая негритянская Саломея, сколько вас таких еще бредет, спотыкаясь, по красноватым дорогам...

Была, кроме страха за жизнь мальчика, и вторая, не менее весомая причина — честное слово. Ведь белому человеку здесь верят абсолютно. То есть это было не просто ленькапантелеевское «честное слово», на котором мы выросли, это было больше — честное слово белого человека черному мальчику.

В течение года я совершала какие-то вялые и беспорядочные действия, пытаясь найти мальчика через благотворительные организации. Попытки мои никакого результата не давали. Надо было ехать искать самой, но не было денег и не хватало какого-то внутреннего толчка.

И тут случилось одно событие в моей личной жизни: я влюбилась — и море стало по колено.

С этого момента все стало получаться, идея поездки начала обрастать деньга-

ми. Самую существенную помощь оказал Международный комитет Красного Креста, давно занимающийся проблемами детей-солдат и финансировавший нашу прошлогоднюю поездку, потом — Child Soldiers Coalition и квакеры, в глаза меня никогда не видевшие, но полюбившие русскую пассионарность и знающие цену честному слову.

Рациональная часть меня сопротивлялась: в Уганде 24,5 млн жителей и, наверное, 15 млн из них — дети. Весь бред затеи был налицо. Но так хотелось хоть чуть-чуть успокоить совесть и в худшем случае сказать: «Ну, я хотя бы попробовала».

В World Vision в Гулу по фотографии его никто не помнил — и немудрено: тысячи детей с покалеченной психикой проходят через центр за год. Мне принесли несколько пухлых папок с детскими анкетами. Кроме имени и фамилии в папках было самое главное — сведения о том, куда ребенок направляется. К каждой анкете была приобачена отскеренная фотка, на которой разобрать что-либо было невозможно. Я листала страницы одну за другой, переключая папку за папкой, мелькали детские имена и судьбы — Флоренс Алойо, Деннис Очара, Дэвид Комакеш... Мальчика не было.

— Вот этот, что ли? — спросил один из сотрудников. С ксеркса смотрело что-то черно-белое и невыразительное, похожее на любое из предыдущих пролистантных лиц.

Анкетные данные в чем-то совпадали, правда, мальчик вроде говорил, что у него не было родителей, а тут значился как отец или опекун некто Алука Винцент.

— А может, вот этот, — предложил второй сотрудник и дал мне листочек с таким же черно-белым невыразительным пятном вместо лица, и этого персонажа тоже звали Одонга Боско. Родителей у него не было,

но, правда, он был чуть постарше.

— Спросите еще в Save the Children, — посоветовали мне. — Они хранят всю документацию о детях, отбитых у Кони. Лучше всего спрашивать у Грэйс.

У Грэйс Ламуну — она была такая классная и в доску своя, что я стала называть ее Ламунчиком, — спрашивать было действительно лучше всего. Молодая, энергичная, не бросающая слов на ветер, Ламунчик ведет очень важную работу — она разъясняет солдатам права детей:

— Солдаты должны знать, что дети не убивали никого добровольно, их заставляли стрелять, и все дети здесь — жертвы. Мы работаем с армией уже шестой год и добились того, что детей перестали

— Солдаты должны знать, что дети не убивали никого добровольно, их заставляли стрелять, и все дети здесь — жертвы. Мы работаем с армией уже шестой год и добились того, что детей перестали бить...

бить, издеваться над ними и содержать под стражей. Мы хотим, чтобы люди не боялись военных, а видели в них защитников. Понимаешь, военные считают, что они твердые, будто сделанные из железа, а мы им говорим, что они такие же, как и все остальные люди. И дети такие же.

Ах, Ламунчик, Ламунчик, ну почему ты ведешь эту программу в своей Африке?

По сведениям Грэйс, мальчиков по имени Одонга Боско было действительно двое, первый вроде бы подходил чуть больше, чем второй, и я решила начать с него. Мальчик этот находился в двадцатидвухтысячном лагере для перемещенных лиц в местечке Лири Палуо, добираться до которого было не так далеко — километров 100, но достаточно опасно и особо не на чем.

Для начала Дэвид Окиди, продюсер местного радио, предложил дать бесплатное объявление. Вот его полный текст:

«Информируем Алуку Винцента из Лири Палуо, что его воспитанника Одонгу Боско срочно ждут на радио Мега FM в Гулу для передачи ему важного сообщения. Все дорожные расходы будут оплачены».

Повторили объявление три раза в основных выпусках, которые здесь слушают все, а особенно люди в лагерях. Но даже если мальчик слышал и если это тот мальчик, то как он доберется и доберется ли...

— Ты должна ехать сама, — твердо говорит Ламунчик. — Мальчик должен учиться в школе. Пошли искать машину.

И тут нам фантастически, просто невероятно везет. Выясняется, что прямо сейчас в Падер, что в двадцати минутах езды от Лири Палуо, идет не просто машина, а грузо-

вик с вооруженной охраной — возвращают в семьи детей, прошедших реабилитацию. Такие поездки бывают не чаще раза в месяц.

Наш грузовик раньше, видимо, использовался для перевозки скота — это был большой загон с высокими бортами, поставленный на колеса. В него набилось человек пятьдесят детей, каждый в подарок получил матрас, муку, бобы и самое главное — весь грузовик по периметру был, как бубенчиками, увешан веселыми желтыми канистрами для воды.

И вот мы пылим по дороге из красной грязи, солдаты почтительно убирают дере-

вянные шлагбаумы, мы заезжаем в близлежащие деревни, детей и желтых канистр становится все меньше, а грязно-красной пыли на мне — все больше, хочется только одного — вымыться. Увы — нас останавливает местный гаишник при полном параде: со стрелками на брюках и немислимыми аксельбантами, в надранных ботинках, а в блестящем козырьке его фуражки я, пристав на цыпочки, вижу свое собственное жуткое грязно-красное лицо с грязно-медными волосами.

— Где ваша правая фара, а? — заорал он, сделав зверскую рожу. Фары не было. Вместо нее зияла дыра, идущая до самых задних колес. — Когда вы поедете вечером (а время было два часа дня, оставалось нам ехать часа три, и он это знал), вас примут за что? — он прищурил один глаз и сделал еще более зверскую рожу: — За ве-ло-сипед! И вы — что? — столкнетесь!

Ясно было — надо платить. — Стой тихо и почтительно слушай, — пробормотал водитель. Мы постояли в смиренной позе еще какое-то время. Внезапно полицейский обмяк, улыбнул-

ся и очень дружелюбным голосом сказал:

— Ну, давайте, ага, поезжайте. Счастливого пути! — и пошел от нас вразвалочку, сняв фуражку и отирая белоснежным платком заливавший лицо пот. Его день был прожит не зря!

А мы попилили дальше. И вот — Падер! Сюда занести могут только любовь к ближнему, честные слова и жажда великих деяний. Это стоящее место для российских интеллигентов, прошедших горнила студенческих картофельных полей и стройотрядов. Вода — холодная, из

Выясняется, что все слышали объявление, и в Лири Палуо тоже, но вот когда будет мальчик, и где он сейчас, и как доберется до Падера — неизвестно. На отрезке Падер — Лири Палуо бандиты ведут себя достаточно активно, и шансы попасться в их лапы достаточно велики. Для мальчика это будет значить одно: в лучшем случае его привяжут к дереву голым и оставят умирать, в худшем — еще одна маленькая Саломея будет брести, не разбирая дороги, неся перед собой кудрявую голову.

И я мчусь к местным полицейским. За скромную, почти официальную взятку — залить 20 л бензина в машину — они соглашаются отвезти туда и обратно.

Пришли шестеро солдат, одетых в комбезы и зеленые резиновые сапоги по колено. На одном из них, кроме того, был напялен такой же зеленый прорезиненный, я бы сказала, ридингот, а на голове — нечто среднее между резиновой грелкой и тропическим шлемом.

— Тебе не жарко? — спросила я участливо.

— В самый раз. Главное — пыль внутри не попадает.

Солдаты сели на поставленные в пикап скамейки, перевернули «калаши», и мы отправились. Меня трясло. До мальчика оставалось 12 километров. Полицейский Пол, настолько большой, что мне он напоминал лоснящегося дрессированного черного слона, белых женщин еще не возил, поэтому — видимо, от волнения — он все время пугал рычаг переключения скоростей с моей коленкой...

Все лагеря в любой точке света — будь то для беженцев, будь то для внутренне

Комнатка в гостинице — размером с келью для муравья. Но зато — чистейшее белье без чернильного штемпеля какого-нибудь «санатория имени Патриса Лумумбы» или райцентра «Красный Банан»

фляги, нормально. Комнатка в гостинице — размером с келью для муравья. Но зато — чистейшее белье без чернильного штемпеля какого-нибудь «санатория имени Патриса Лумумбы» или райцентра «Красный Банан»; кровать, между прочим, нормальная деревянная, без панцирной сетки, так что номер «ночной бату» не получится. Одно мешало спокойному сну — был местный праздник, посвященный концу финансового года, и до пяти часов прямо под моей дверью звуки там-тамов сменялись не менее пленительными звуками техно и диско. Утром я сама себе готовлю яичницу из яиц, вымытых в луже, поскольку вода кончилась, а очередь у колонки — на несколько часов. Все удовольствия вместе с ночлегом стоили чуть больше двух долларов.

перемещенных лиц — похожи до мулящего однообразия прежде всего отсутствием хоть чего-нибудь, что радовало бы глаз: цветов, кошек, собак; похожи они скученностью домиков, хаток, хибарок и отсутствующим выражением глаз у большинства обитателей. Занятий здесь нет никаких, уходить из лагеря далеко и надолго опасно, кормят три раза в день однообразной едой. Вы не думайте, что я критикую, — я просто описываю, прекрасно понимая, что специальная программа ООН World Food Program делает все возможное, чтобы хоть как-то прокормить несчастных. А на севере Уганды сейчас, например, 1,6 миллиона внутренне перемещенных лиц, живущих в лагерях.

Лагерь Лири Палуо ничем не отличался от других. Разве что часть людей жила в

хатках, а часть — в кирпичных бараках, поделенных на отсеки. Семья мальчика жила в одном из таких отсеков.

Последние пятьдесят шагов я сделала как в полусне, на полусогнутых ватных ногах. Я уже точно знала, что мальчик, которого я сейчас увижу, будет совсем не тот, что я ошиблась, что нужно было сразу выбирать того, второго, мальчика с такими же именем и фамилией; что все нужно будет начинать сначала и опять колесить по красным дорогам до бесконечности... В носу защищало, я почувствовала себя маленькой и несчастной. Гуманитарного подвига во имя любви не получалось. До полного поражения было пять шагов...

...Рваная занавесочка в дверном проеме откинулась, и там в застиранной красной футболке стоял наш, нет — МОЙ мальчик, божественно славный, единственный и неповторимый, каких в Африке миллионы.

— Здравствуй, — прошептала я и заплакала. — Ты меня узнаешь?

— Я вас ждал, — ответил он просто.

Дальше все было неинтересно: мы сфотографировались на память с родственниками (Алука Винцент и впрямь оказался обалдевшим от происходящего папой,

а мама их давно бросила), мальчик взял свой маленький узелок, положил в карман штанов походную библию, напялил привезенную из Москвы новогазетную футболку, мы сели в полицейскую машину, Пол по-прежнему путал мое колесо с переключателем скоростей, но уже не так активно, и все время приговаривал:

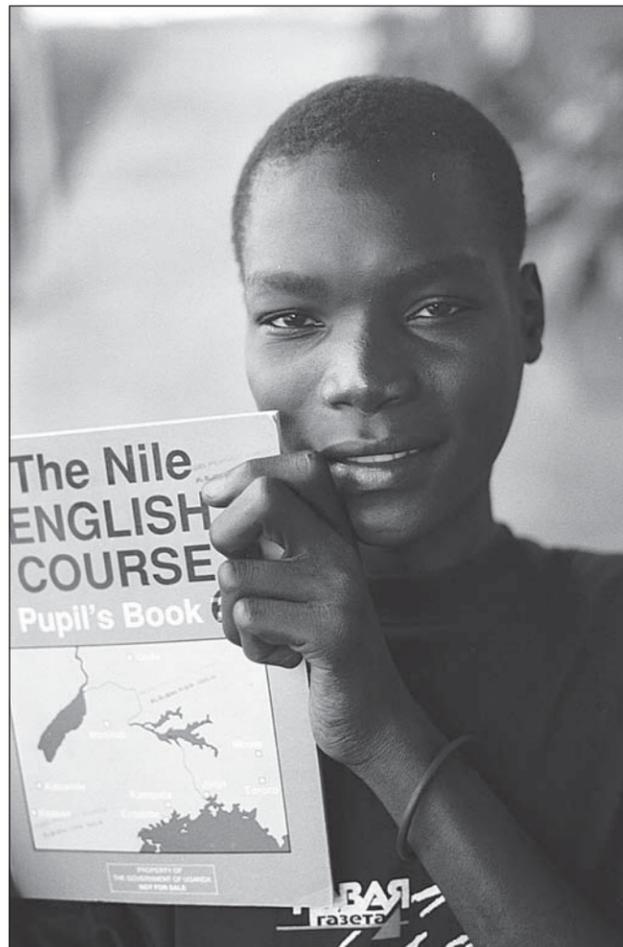
— Значит, вот как, ага, значит, это твой мальчик, ага, значит, ты его нашла, ага.

Они довели нас до перекрестка на Гулу, в последний раз Пол сказал «ага», и дальше мы поехали на обычном грузовике уже безо всякой охраны. Мальчик по дороге умирался и заснул. Спавший, он был еще красивее, и щеки его раскраснелись. Не спрашивайте, как черные щеки могут раскраснеться, но они раскраснелись.

По дороге грузовик несколько раз останавливали солдатские патрули и предлагали мальчику, водителю и мужикам, сидевшим в кузове, выйти, взять в руки тяпки и идти рубить траву.

— Чука чини — идите вниз, — говорили они на суахили.

А я в ответ кричала:

Одонга Боско сегодня

— Ондьока ньюма — идите обратно! — и жалобно просила солдат отпустить нас с миром.

Мы остановились в маленькой гостинице в Гулу. Мальчик первый раз в жизни спал на настоящей кровати.

Я попросила его написать что-нибудь для читателей «Новой газеты». Он долго сопел над листком бумаги, потом выдал пятнадцать строчек текста на английском, суть которого сводилась к тому, что он так счастлив, так счастлив, что будет опять нормально учиться; и что он выучится и будет доктором в России, а пока он просто по посланию была «I am by the name Odonga Bosco» — «А зовут меня Одонга Боско».

— А ты вспоминаешь Кони и то, чем вас заставляли там заниматься?

Он очень долго молчал, напряженно смотрел вдаль, а потом ответил медленно и даже стал немного заикаться:

— Н-нет, наверное. Все хорошо. Только я до сих пор не знаю, сколько человек убил: как можно сказать, чей удар

палкой был последним... Нам ведь велели бить всей толпой, и каждый раз — до смерти...

Первыми русскими звуками для мальчика были песни Тимура Шаова (Тимур, гордись!), пиратски записанные моим племянником на последнем концерте (Тимур, прости!). Больше всего ему понравился «Снобизм». Может, он почувствовал некое родство в словах: «Денег нет, в стране бардак, в воде холера», хотя никто ему ничего не переводил.

На следующий день неутомимая Ламунчик повезла нас в лучшую частную школу города. После этой школы вполне можно поступить в университет в Кампале и стать врачом. Нам был выдан список совершенно необходимых вещей, которые нужно было купить сразу. На глазах мальчик превращался в Гаруна аль-Рашида: мы купили матрас, одеяло, постельное белье, противомоскитную сетку на кровать, мотыгу, тяпку, посуду и много всякой другой нужной фигни. Сначала мальчик выходил из машины за покупками, но потом, наверное, побоившись, что все может исчезнуть и он проснется, расселся на заднем сиденье, обнимая все свое богатство. Он безмолвствовал и даже перестал слушать Тимура.

Меня мальчик называл упорно мамой, и на мой удивленный вопрос он сказал очень просто:

— Ну, ведь у вас есть дети? Значит, вы — МАМА.

Я перекрестила его на прощание.

Путь обратно был изнуряюще долог, а приехав, я свалилась с тропической малярией, но это совсем уже другая история с другими героями... День моего выхода из больницы совпал с двадцатым днем учебы мальчика в школе.

P.S. Спасибо за помощь первому секретарю Посольства РФ в Уганде О.И. Кравченко, московскому представительству авиакомпании «Emirates Airline», итальянской благотворительной организации AVSI и врачам инфекционной больницы.

Москва — Дубай — Кампала — Гулу — Падер — Лира Палуо — Гулу — Киттум — Кампала — Фуджейра — Дубай — Франкфурт — Москва — инфекционная больница № 2 на Соколиной Горе 2004

Фото автора

Андрей Загорцев

Подполковник. Кавалер Ордена Мужества, ордена «за военные Заслуги», медалей «За отвагу», «Суворова», «За заслуги перед Отечеством», «За воинскую доблесть» Участвовал: Чечня.

http://artofwar.ru/z/zagorcev_a_w/

ОТ СКУКИ

Сидел как то дежурный по одному отделу в штабе группировки в Чечне, и самым, что ни на есть хамским образом скучал. Ночь на дворе телефоны не звонят, и все фильмы на компьютерах просмотрены. Невмоготу офицеру и спать нельзя. Сидел он сидел, играл в карты с умными машинами, а потом разобиделся и стал набирать всякие тексты, тренируя скорость набора. Набирал он все, что придет в голову, обрывки телеграмм, донесений и порнофильмов смешались в голове и вот, что вышло:

«Всем командирам разведывательных частей и подразделений немедленно к исходу дня предоставить следующие данные: сколько личного состава нетрадиционной сексуальной ориентации призыва периода весна тысяча девятьсот девяносто четвертого года, с явными признаками зоофилии проходят службу в подразделениях. Как используется данный личный состав, проводится ли разъяснительная работа какие меры приняты к привлечению данного состава к общественной и культурной деятельности» и еще много всякого бреда напечатал данный офицер. Потом заснул и ударился головой о кнопку «принт». Из принтера выполз листочек с напечатанным текстом и остался лежать на столе. Утром офицера поменяли, и он довольный выпил пива и залез в спальню доспать.

Листочек с ночным бредом, остался лежать в отделе на столе. Новый дежурный, был очень ответственным и знающим офицером, заметив данный листочек, прочитал только заголовок, сунул листок начальнику отдела в папку «На доклад». Вскоре примчался начальник отдела, схватив папочку убыл восвояси. На совещании высшего командного состава, самый главный начальник ругал менее именитых начальников, особенно ругал за исполнительность. Начальник отдела, в полуха слушал, и пролистал свои документы. Увидев листочек с ночным бредом оперативного, прочитал и ужаснулся.... На листочке не было написано кому и ко сколько исполнить !!!!!. В голове пронеслась мысль, что вот за это самое его сейчас и пропечочат. Но слава богу обошлось. Доложив обстановку по зоне конфликта в целом и

в частности начальник поспешил в отдел собрал всех своих подчиненных и конкретно поимел за ту самую исполнительность и бесконтрольность. На листочке он написал к исполнению, назначил наиболее смысленного и толкового майора.

Майор получивший документ к исполнению, долго не задумываясь над смыслом текста, а накатал во все подчиненные подразделения телеграммы, в которых указал, что и к которому сроку представить, погорозился командирам подразделений навел жути и положил телеграммы на подпись к главному разведчицкому начальнику. Главный начальник вечером подписывая документы исправил несколько грамматических ошибок посетовал на безграмотность офицерского состава и телеграммы полетели во все подразделения по всей зоне конфликта. Шифровальщики получившие «телеги», поудивлялись запросам вышестоящего штаба, однако служба есть служба, раз надо значит надо. Поутру запросы вышестоящего штаба легли в папки к командирам разведывательных подразделений. Комбаты и ротные прочитавшие, ночной бред неизвестного офицера, стали названивать в вышестоящие штабы с просьбой разъяснить, непонятные требования «верхнего штаба». А «верхний штаб» был крайне зол, все таки плюха по поводу исполнительности прилетела да еще какая!!! Кое кто даже лишился должностей. Поэтому ответ был один, не выслушивая вопросов и жалоб рык в трубку:

— Вы, же офицер, раз приказано выполняйте.

Командиры подразделений, пожалели плечами созвонились между собой и удивленные стали выполнять требования. А как у нас в армии делается? да очень просто!!! На бланке телеграммы тоже написали «Начальнику штаба к исполнению». Начальники штабов покачали головами вызвали своих помощников и озадачили их. Помощники начальников штабов покрутили головами, в поисках тех кого можно озадачить. Крайней исполнительской инстанцией оказались писаря и «хакеры», которые накидав приблизительно таблички с данными которые необходимо собрать побре-

ли по подразделениям. Некоторые ротные и взводные удивившись подобным требованиям, настучали штабным мальчишкам по маковкам, потом однако принялись высасывать из пальца необходимые данные. Так как солдат нетрадиционной ориентации склонных к зоофилии обычно не обнаруживалось, пришлось брать цифры с потолка, некоторые командиры делали процент присутствия данного контингента поменьше, некоторые побольше. Замполиты подразделений сразу начали строчить планы индивидуальной работы с указанной категорией лиц. Солдаты назначенные в данную категорию строго инструктировались, по правилам поведения, и что надо говорить если по этому поводу приедет проверка. Во всех подразделениях, присутствие солдат геев-зоофилов обнаружилось на приемлемом уровне, если бы знали точное количество, предусмотренное уставом, то соответственно количество бы подогнали к условному номиналу. А так получайте, что есть. Один только старый прапорщик командир взвода обматерил всех и сказал, что данной категории у него во взводе не было и быть не может. Прапорщику на всякий случай объявили выговор за плохую работу с подчиненным личным составом. Донесения в штаб ушли, комбаты и ротные забыли про этот полуночный бред, и снова с воодушевлением принялись гонять душень по горкам и лесам.

Солдаты назначенные в категорию геев-зоофилов, свое назначение «оправдали», с превеликим удовольствием «имели» «зверюшек» с автоматами, встречающихся среди местной флоры и фауны.

Донесения с подразделений пришли в штаб группировки и далее попали на стол оперативному дежурному, как раз стоял, тот самый офицер, который все это и зачинал.

Прочитав все донесения офицер поморщился, и от греха подальше на всех бланках написал «Принято к учету». Бланки попозже уничтожили на том дело и закончилось.

Никто из верхнего штаба про наличие непонятной категории солдат в разведывательных частях и подразделениях так и не спросил...

Михаил Кошкош

1964 г.р. Проходил службу в г. Баграм с декабря 1984 по июль 1986. 2 ИСР.
http://artofwar.ru/k/koshkosh_m_w/

СОН МАРШАЛА

Однажды Маршалу — звонок по телефону.
 И голос, Маршалу до ужаса знакомый,
 Сказал насмешливо и твердо, без доклада:
 «Вы завтра будете командовать парадом!»
 И вот,
 Хмелеющий от собственной гордыни,
 На площадь Маршал въехал в черном лимузине.
 Плечом к плечу. За строем — строй.
 Побатальонно
 Застыли четкие армейские колонны.
 Он в мегафон сказал приветственное слово
 И растерялся от молчанья гробового.
 И грубо крикнул: «Что за Армия такая?!»
 Знакомый голос произнес: «Сороковая».
 И кто-то тут же тихо уточнил из свиты:
 «Они не слышат, Маршал.
 Все они — убиты».

РАССКАЗ

Возвращаясь «домой», наша группа попала в засаду.
 Подорвалась машина.
 Меня отшвырнуло с брони.
 И спасла меня тень от большого куста винограда,
 В винограде меня не заметили, видно, они...
 Помню, видел троих — их худые сутулые спины,
 И отчетливо слышал гортанный, чужой разговор.
 Суетились они у подорванной нашей машины,
 И я видел, как раненых там добивали в упор...
 ...Пыльный солнечный модуль.
 Больничные бледные лица.
 Занавески на окнах — роскошный военный уют.
 Я мечтал об одном: поскорее заснуть
 и забыться.
 И одно только помнить, что любят меня
 и что ждут.

Под Баграмом санбат, знаю, многим
 покажется раем.
 Для солдата санбат — что для древних
 паломников Рим.
 Только я и во сне воевал и давился сухпаем.
 Только я и во сне продолжал пробиваться к своим...
 Мне сейчас говорят, что с войной этой
 вышла ошибка.
 Мол, война нам нужна, как счастливому
 евнуху хрен.
 И тогда я к лицу примеряю чужую улыбку,
 Как протезы свои примеряю чуть выше колен.

Роман Глинка

Рядовой.
 Участвовал: Чечня

ПРИВЕТ, БРАТАН...

Привет, Братан! Пишу тебе письмо.
 Кто знает, может быть, последнее оно.
 Кто знает, может быть, останусь я живой
 И тогда вернусь, вернусь к себе домой...

Здесь беспокойно, ты прекрасно знаешь.
 В газетах ты всегда про нас читаешь.
 Как Серноводск мы брали,
 На Самашки наступали
 И в боях друзей своих теряли...

И вот пришла весна,
 Но не кончилась война.
 И опять горят в огне дома.
 Поскорей бы дембель мой,
 Мой, до боли дорогой!
 Это ничего, что я чуть-чуть седой...

Пока, братан, я все тебе сказал.
 О службе тяжелой вкратце написал.
 Только мамочке родной ничего не говори!
 Я прошу тебя, братан, молчи!
 Я прошу тебя, братан, молчи...

Ион Деген

На фронте не сойдешь с ума едва ли,
 Не научившись сразу забывать.

Мы из подбитых танков выгребали
 Все, что в могилу можно закопать.
 Комбриг уперся подбородком в китель.
 Я прятал слезы. Хватит. Перестань.

А вечером учил меня водитель,
 Как правильно танцуют падеспань.
 Лето 1944 г.

Сгоревший танк
 на выжженном пригорке.
 Кружат над полем
 черные грачи.
 Тянуть на слом
 в утиль
 тридцатьчетверку
 Идут с надрывным стоном тягачи.

Что для страны
 десяток тонн металла?
 Не требует бугор
 благоустройства.
 Я вас прошу,
 чтоб вечно здесь стояла
 Машина эта —
 памятник героизму.

Лето 1943 г.

БОЕВЫЕ ПОТЕРИ

Это все на нотной бумаге:
 Свист и грохот свинцовой вьюги,
 Тяжкий шелест поникших флагов
 Над могилой лучшего друга,

На сосне, перебитой снарядом,
 Дятел клювом стучит морзянку,
 Старшина экипажу в награду
 Водку цедит консервной банкой..

Радость, ярость, любовь и муки,
 Танк, по башню огнем обьятый, —
 Все рождало образы, звуки
 В юном сердце певца и солдата.

В командирской сумке суровой
 На виду у смертей и агоний
 Вместе с картой километровой
 Партитуры его симфоний.

И когда над его машиной
 Дым взметнулся надгробьем черным,
 Не сдержали рыданий мужчины
 В пропаленной танкистской форме.

Сердце болью огромной сковано.
 Слезы горя не растворили.
 Может быть, второго Бетховена
 Мы сегодня похоронили.

Лето 1944 г.

Ни плача я не слышал и ни стона.
 Над башнями нагробия огня.
 За полчаса не стало батальона.
 А я все тот же, кем-то сохраненный.
 Быть может, лишь до завтрашнего дня.
 Июль 1944 г.

Случайный рейд по вражеским тылам.
 Всего лишь танк решил судьбу сраженья.
 Но ордена достанутся не нам.
 Спасибо, хоть не меньше, чем забвенья.

За наш случайный сумасшедший бой
 Признают гениальным полководца.
 Но главное — мы выжили с тобой.
 А правда — что? Ведь так оно ведется.
 Сентябрь 1944 г.

Александр Манушкин

В подмосковной Коломне будет возвращён из небытия уникальный памятник истории и архитектуры — часовня во имя святого князя Александра Невского, которая была построена в 1868 году и находилась на бывшей главной площади города — Житной.

В 1924 году памятник передали рабочему кооперативу как строительный материал, и он был разобран. Сейчас на месте часовни пустующая заасфальтированная площадка. Сохранилось лишь

несколько фотографий часовни начала XX века.

Коломну не назовёшь городом «Иванов, родства не помнящих». Но мы живём в странное время. Ещё живы те, кто прошёл Великую Отечественную, рядом с нами живут ветераны Афганистана, Карабаха, Чечни... И при этом, мы очень быстро отчуждаемся от нашей памяти. Значит, вновь и вновь нужно проверять её. И поднимать себя в рост — чтобы никого и ничто не забыть.

Инициатором восстановления памятника истории выступил Благотворительный Фонд «Коломенский кремль».

По замыслу, часовня должна стать хранилищем Книги Памяти коломчан, павших во все времена, — с возможностью каждому листать её страницы. В Книгу будут вписаны и названия коломенских полков, начиная с 1237 года, со времен сопротивления коломенского ополчения войску Батыя.

Хочется, чтобы часовня-мемориал в Коломне стала форпостом вечной Памяти и заполнила собой брешь не только в архитектуре города, но и в нашей совести.

Концепция воссоздания в Коломне часовни-мемориала и материалы по её общественной поддержке в ближайшее время будут представлены городским властям. Получено одобрение от почти всех (а это около тридцати!) ветеранских, военно-патриотических и общественных организаций Коломны. Как оказалось, часовня-мемориал нужна ветеранам Великой Отечественной, Афгана и Чечни, ветеранам МВД и органов госбезопасности, воинским частям и казачеству, военно-патриотическим клубам и поисковым отрядам, Героям России и семьям погибших...

Теперь дальнейшая судьба проекта во многом зависит от позиции властей.

Аркадий Бабченко

Пойма Сунжи в Черноречье. Та самая, по которой Басаев уходил из Грозного со своим отрядом. Говорили, что карту прохода им продал какой-то прапор за 200 штук зелены. Потом говорили, что это была игра спецслужб и их заманили туда специально. Как бы там ни было, боевики стали рваться на минах, обнаружили себя, и всю ночь в пойму долбили из танков, САУ, минометов и всего, что было. Ад там стоял кромешный. Трупов — десятки, если не сотни. Самому Басаеву оторвало ногу, но отряд все-таки ушел.

Этого чеха взяли через несколько дней — он прятался в дотах. Его и еще двоих. Помню, меня поразили их размеры. Когда я залез на БТР, где они сидели, рука ближайшего оказалась толще моей ноги. Пленные сидели связанными, с пакетами на головах. Поэтому я не знаю их лиц. От них пахло войной — сложно описать этот запах, но он очень непри-

ятен. В целом, они были спокойны, но спокойствие это было спокойствием обреченного, когда уже понятно, что будет дальше. Да, от них исходил страх — страх пыток, но он не достигал паники.

К этим пленным я не чувствовал сострадания. Эти были из непримиримых, как их называли тогда. Боевики. Воины. Гориллы. Грязные, вонючие, но огромные, сильные и волевые. Передушили бы всех при первой возможности.

Хотя я и не хотел, чтобы то, что с ними произойдет, произошло бы. Лучше как-то без этого.

Двоих пленных сразу же сдали особистам. А этого комбат оставил себе.

Он гонял его в пойму, на это минное поле, где лежали трупы, и пленный приносил ему деньги и оружие. Говорили, что за три дня он принес комбату тридцать тысяч долларов.

На третий день он подорвался — таки на лепестке, и ему оторвало полстопы. Засел в блиндаже, но его выкурили оттуда огнеметами. Он вернулся, но ходить на минное поле отказался.

Ординарец комбата, Шиш, вывел его на дамбу и расстрелял в живот. Потом хвастался: «Я такого матерого боевика завалил».

С Шишом после этого перестали здороваться. Быть палачом — еще не значит быть солдатом.

Я никогда не фотографировал трупы. Но в этот раз снял почему-то.

Его здесь плохо видно. Но если приглядеться, то можно заметить голову в черной шапке и белый полиэтиленовый пакет, обмотанный вокруг оторванной ступни.

Я хотел подарить карточку Шишу. С пожеланиями спокойной ночи.

Он и сам потом рассказывал, что расстрелянный ему снится.

Когда-то, в прошлой жизни, я был солдатом. Я служил в армии, носил камуфляж, разгрузку, из которой торчали осветительные ракеты, и ездил на БТРе.

В эту армию ко мне приезжала мама. Два раза. Ночевала на блокпостах. Потом мы вместе жили у тети Люси. Она нам никто — чужая женщина, просто приятная.

Мы встретились с мамой в Моздоке, в общаге офицерского общежития, где она прождала меня около двух недель, и куда я приехал к ней из Чечни. Провели вместе несколько дней. Ни о чем, в принципе, и не говорили. Просто были рядом. Потом она уехала. А меня посадили на БТР и тоже куда-то повезли. Помню, как я сидел на броне, а рядом стояла мама, и это было странно. Мама там, на Кавказе, как-то не смотрелась.

Мне кажется, она из той своей поездки так и не вернулась. И не верит, что я вернулся — я для неё на этих блокпостах и остался.

Потом ко мне приезжала бабушка. Потом я уволился, попал в журнальстику, обзавелся семьей и стал другим человеком. Временами мне кажется, что той, прошлой жизни, не было. Вспышки ложной памяти.

Прошло 12 лет. Я сходил на Горбушку и купил диск с фильмом Сокурова «Александра». Далеко не везде продается, кстати.

Пришел домой, включил телевизор. И увидел свое прошлое, снятое и записанное другим человеком.

В принципе, «Александра» — фильм совсем не о Чечне. Он именно об Александре Николаевне, женщине, которая приехала к своему внуку, офицеру,

«АЛЕКСАНДРА» А. СОКУРОВА

в Грозный и провела там три дня. Все. Больше в фильме ничего нет. Даже ни одного выстрела.

Собственно, и этих трех дней в Грозном, по большому счету, в фильме тоже нет. Они проходят по повествованию вторым планом. Это кино не о настоящем, а о прошлом, которое неизбежно становится будущим — и именно таким, каким мы его закладываем. Главное в фильме не показано. Лишь наметки — упоминание о деспотичном муже, с которым «было, ой, как плохо», пережитая когда-то Великая Отечественная — «я сама так жила», отдаление дочери от властной мамы, запоздалая попытка сближения с внуком, которая, скорее всего, не будет удачной. Чечня здесь использована не как война, а как противопоставление русскому образу жизни — на Кавказе одинокая старость невозможна в принципе. Как и сиротское детство.

Но Сокуров не был бы Сокуровым, если бы даже в мелочах не угадал Чечню так точно. Откуда он знает? О чем мы говорили. О чем не говорили. И что не говорили именно так?

В первую секунду хочется рассказать сразу и обо всем, и говорить, говорить, говорить. Но открываешь рот и понимаешь, что говорить-то, собственно, и не о чем. Такая пропасть между вами, что полгода нужно, чтобы рассказать. Начиная с призывного пункта и кончая сегодняшним утром, когда отправляли очередную колонну.

Он угадал даже молчание.

Попаданий в десятку намного больше, чем промахов. Хотя, есть и они, конечно. Резанул местами интеллигентно-литературный язык солдат: «до свидания, Исмаил» — в армии так не разговаривают. Тем более с чеченцами в Чечне. Не совсем точная психология взаимоотношений в батальоне. Самый главный промах — отсутствие ощущения жары. Летом жара в Чечне угнетающая. Съёмочная группа провела месяц в Грозном и почувствовала её на себе. Но на экран перенести не смогла. Слова есть, но не потеешь.

«Александра» — это даже не столько кино, сколько большой репортаж. Но сделанный так мастерски, что за конкретной историей проступает вся прошлая и будущая жизнь героев. В нем нет ни грамма выдумки. Ничего не добавлено в угоду мейн-стриму и зрелищности. Жизнь, такая, какая она есть.

История типичнейшая. Все это я пережил сам и видел впоследствии много раз.

Александра, в исполнении Галины Вишневской, сыграна на уровне. Тоже местами есть промахи, но в этом случае они простительны, в отличие, скажем, от «Девятой роты» Бондарчука-младшего. Читается желание не заработать дивидендов, а донести мысль. Поэтому и снимал Сокуров в Чечне, а не в декорациях. На живую. Поэтому и угадал интонацию, общее ощущение. «Здесь все кругом разрушено. И не только дома. Вся жизнь взбаламучена. Хорошие пожмут руки плохим, святые верят чертям, обманывают, обманывают, обманывают».

Я не очень-то понимаю в драматургии, вербальных образах и сверхзадаче характера. Не увидел я в Александре ни собирательный образ матери русского солдата, ни образ Родины-матери, ни образ земли русской. А увидел только то, чем она и является — Александру Николаевну. Бабушку солдата. Мою бабушку.

Даже оборачиваться стал. Вдруг за спиной стоит Сокуров и опять подглядывает.

Вряд ли фильм пробьет тот информационный вакуум, который окружает эту войну. И вряд ли станет событием в России. Впрочем, это только подтверждение качества. В последнее время формула «отличные кассовые сборы — дерьмовый фильм» работает практически без исключений. «Александра» в прокате провалилась. Значит, стоит смотреть.

Но ощущение чего-то недосказанного от фильма остается. Я ждал большего. Если не ответов, то хотя бы вопросов. Надеялся, что вот, наконец-то, пришел человек и сейчас он расскажет, что это было и зачем. Сокуров и здесь оказался на высоте. Не рассказал. Сами думайте.

Сегодняшняя Чечня по Сокурову — не окончание войны и не начало новой жизни. Это очередное безвременье, пауза между войнами. Все затихло, но ничего не успокоилось. Похищение двух солдат-самоходов в первых же минутах фильма. Исмаил, говорящий «отпустите нас, мы долго терпеть не сможем». Капитан, сожалеющий не о том, что армию не любят, а о том, что не боятся. Вариант развития событий «третья чеченская» в фильме кажется чуть ли уже не общепринятым.

В общем, кому интересно понять, что там происходит сегодня — смотрите обязательно.

Юрий Кирсанов

Полковник запаса

Участвовал: Афганистан

«КУКУШКА»

Материал предоставлен сайтом «Автомат и гитара» www.automat2000.com

До боли пронзительная и напевная, эта песня долгое время слыла народной. Даже на первом диске «Каскада» была в таком статусе. Однако вскоре фирма «Мелодия» огромным тиражом выпускает в свет набор из четырех пластинок под общим заголовком «Время выбрало нас». Сторона «А» первого диска целиком посвящена песням Юрия Кирсанова, в отличие от прочих, записанным не на Ташкентской студии грамзаписи — они писались еще «там», «за речкой»...

А следом поползли слухи: автор погиб в самом начале афганской эпопеи. Озвучиваются даже версии: подорвался на mine... умер по возвращению на Родину от разрыва сердца...

Не подорвался и не умер. К счастью.

Правда, многие «знатоки» афганского песенного наследия потом не преминули «укусить» воскресшего Кирсанова за, якобы, плагиат, но и он сам факта использования известных стихов и мелодий в своем творчестве никогда не скрывал, ни подобное «соавторство» не тяготило тех, чьи произведения легли в основу самых узнаваемых и любимых песен «ограниченного контингента».

Наталья Плотишкова

— Очевидное наблюдение: песни, которые родились в Афганистане в первые дни, первые недели, «возникали», как правило, на основе тех песен, которые уже где-то звучали до того. Сколько из-за «Кукушки» сломано копий, кому только не приписывалось ее авторство... Когда я еще служил офицером-двухгодичником и играл в армейской самодеятельности, у меня в репертуаре звучала эта самая, написанная мною «Кукушка». Естественно, текст был совершенно иным, речь шла о неразделенной любви. Что еще может волновать в этом возрасте молодого человека? Мелодия песни, само собой, засела в голове. Когда попал в Афган, — вспомнилась.

Не знаю почему, но я взял с собой в командировку сборник стихов Виктора Кочеткова, поэта-фронтовика. Правилось мне стихотворение «Весь просвечен заревой покой...», там как раз речь идет о кукушке, но, естественно, об Афгане ни слова. Стихотворение хорошо ложилось на имеющуюся мелодию. Решил совместить все «компоненты» в один песенный коктейль: что-то убрал, «причесал» написал два куплета применительно к Афгану, не нарушая концепции стихотворения («...у солдата вечность впереди, ты ее со старостью не путай»). О неразделенной любви как-то уже забылось. В результате получилась песня, о которой сам Виктор Александрович Кочетков, когда я

«КУКУШКА»

*Снится часто мне мой дом родной,
Лес о чем-то, о своем мечтает.
Серая кукушка за рекой,
Сколько жить осталось мне, считает.
Серая кукушка за рекой,
Сколько жить осталось мне, считает.*

*Ты прижался ласково к цветку,
Стебелек багульника примятый.
И звучит ленивое «ку-ку»,
Отмеряя жизни моей даты.
И звучит ленивое «ку-ку»,
Отмеряя жизни моей даты.*

*Снится мне опушка из цветов,
Вся в рябине тихая опушка.
Восемьдесят... Девяносто... Сто...
Что-то ты расцедились, кукушка.
Восемьдесят... Девяносто... Сто...
Что-то ты расцедились, кукушка.*

*Я тоскую по родной стране,
По ее рассветам и закатам.
На афганской выжженной земле,
Спят тревожно русские солдаты.
На афганской выжженной земле,
Спят тревожно русские солдаты.*

*Они тратят силы, не скупясь,
Им знакомы холод и усталость.
Дни свои не копят про запас,
Кто им скажет, сколько их осталось...
Дни свои не копят про запас,
Кто им скажет, сколько их осталось...*

*Так что ты, кукушка, погоди
Мне дарить чужую долю чью-то.
У солдата вечность впереди,
Ты ее со старостью не путай.
У солдата вечность впереди,
Ты ее со старостью не путай.*

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

11 декабря —
День ввода войск
в Чечню

В 14.50 приехали на Славянскую площадь, где должен был пройти пикет прошедших Чечню студентов и аспирантов МГУ, которым не разрешили отметить этот день в стенах университета. У памятника Кириллу и Мефодию никого не было, на самой площади стояли два автобуса с милицией, да 5-6 милиционеров прохаживались туда-сюда. Ровно в 15.00 появился Николай, насколько я понял, руководитель «Чеченского» Братства МГУ. В 15.05 стали подтягиваться другие ребята. Сильно был удивлен возрастом участников, совсем молоденькие студенты. В итоге набралось человек 15. Совсем мало. Что печально, конечно. Из них собственно «чеченцев» всего четверо.

Подшли к милиции, ознакомили с мероприятием. Каждый по желанию мог сказать небольшую речь. Выступил Николай, Аркадий Бабченко, еще несколько человек. Я в том числе, кратко. Раздали каждому присутствующему по Альманаху. Подошел к милиционерам и отдал капитану, кажется, не помню уже, тоже пару номеров. Сначала милиционеры отнекивались, с пренебрежением начали листать Альманах, но, поняв, что к чему, даже перестали обращать на нас внимание, и я краем уха слышал их возгласы «Елки, да это же когда в Грозный входили!». Подкинули им еще пару номеров для скачущих в автобусах коллег. Были и журналисты. Какая-то девушка активно сточила в сторонке что-то в блокноте, а представители Associated Press снимали все на видеокамеру. Снимали и речи ребят. По-нашему, надо было просто вспомнить погибших, молча. Для нас в первую очередь это день памяти, а не день заявлений. Тем более, когда все свои и нас всего 15... но мы очень признательны ребятам, что в отличие от всей молчащей об этом Дне страны, они пришли. Спасибо, парни!

Сделали пару групповых снимков и к 15.40 двинулись в храм. В храме прошла панихида по убиенным за Отечество воинам. Самый важный за весь день момент, самый нужный. Да чего говорить. Поставили свечи. Священнику также подарили пару Альманахов в храм. попрощались с парнями, и мы выдвинулись на официальный вечер памяти, проводимый ежегодно Говорухиным и фондом «Рокада».

На вечер привезли около 300 альманахов по предварительной договоренности. Нас уже хорошо знают в «Рокаде». Курсанты помогли перетаскать все из багажника в вестибюль. Позже, после вечера, каждому приглашенному гостю выдавали ветеранский набор и к нему прилагали наши Альманахи. Очень важный шаг по продвижению издания. Все же, несколько сотен, мягко говоря, не последних людей в стране прочтут Альманах, узнают, что есть еще солдатская проза, есть высочайшего уровня авторы, есть наш сайт. Для того, собственно, и проводили мы эту акцию в тот вечер... Аркадий все чувствовал себя белой вороной, простой махрой, среди кавалеров и орденосцев, которых, как обычно, было приглашено около тысячи человек...

Мы были в зале вплоть до выступления Шевчука. Как он стал закружаться, вышли и дошли до его гримерки, где, собственно, с ним и поговорили. О красоте, о войне, о военной литературе. Юра, как и обещал, привез специально написанный им для нашего Альманаха рассказ о Чечне. Скромно сказал, что это — его первая проба пера в военной прозе. Тепло попрощались с Шевчуком, отдали музыкантам еще несколько номеров Альманаха и отправились восвояси. Так прошел тот день.

25 декабря —
День ввода войск
в Афганистан

В здании УЦ МЧС в г. Москве состоялся памятный вечер — встречи ветеранов локальных конфликтов. Вечер памяти о событиях такого далекого 79-го... Не принято праздновать этот день, и никто не назовет Его подобным словом — но... Тяга собраться у ветеранов Афганской войны и вспомнить... и выпить третью — очень сильна и сейчас.

Уникальна эта дата еще и тем, что собрались седые солдаты и офицеры в канун гибели своего товарища Зураба Члачидзе, героически погибшего в Кандагаре в 1985 году. На вечере была его мама — Валерия Георгиевна. Зураб закрыл собой командира разведгруппы, тем самым, спасая всю группу. Разведчики тогда уничтожили врага и выполнили задачу. Свою высоту взял и Зураб. Вечная ему Слава!

Вечер устраивала Региональная Общественная Организация Ветеранов Миротворческих миссий и Локальных конфликтов совместно с УЦ МЧС. Был показан видеоряд афганского периода, видеопоздравление от ансамбля ВДВ «Голубые береты», фильм УЦ «Редут» Виктора Хоменко. Также были награждения участников боевых действий в ДРА. Семь медалей «Участнику Локальных конфликтов» и четыре «Ветеран Боевых действий» были вручены ветеранам 103-й ВДД, 70-й ОДШБр, 56-й ОДШБр.

На вечере присутствовали спецназовцы из г. Орла, которые участвовали в 2005-06 годах в специальных операциях в Ираке — шесть человек были награждены медалью «За верность долгу и Отечеству», один парень — Олег Тингаев, посмертно. Выполняя служебный долг, Олег, вместе с экипажем машины прикрытия, подорвался на фугасе возле города Бакуба.

Были отмечены памятными подарками и грамотами участники ветеранского слета в 106-й гв. ВДД в ноябре — декабре 2007 года, о котором мы писали в прошлых номерах Альманаха. Номера нашего издания были также розданы всем присутствующим.

На фуршете была обстановка родного блиндажа после боя: кто-то стеснялся, кто-то грустил, вспоминая прошлое... Но в целом, когда по кругу пошла «братина» — солдатская каска с наградами и «боевыми», стало тепло и хорошо... Потому что мы вместе, и русское воинство непобедимо — а, значит, и сама Россия!

Ольга Касьяненко

УЛИЦА ПСКОВСКИХ ДЕСАНТНИКОВ В ГРОЗНОМ

17 августа 2004 года исполняющий обязанности мэра Москвы Валерий Шанцев подписал постановление, согласно которому вскоре в столичном районе Южное Бутово появилась улица Ахмата Кадырова. Этот шаг вызвал протесты людей. Напомним, что в период первой чеченской войны он возглавлял одно из бандформирований и воевал против российских войск. Когда в 1995 году Джохар Дудаев назначил Кадырова верховным муфтием Чечни, последний объявил России джихад (священную войну). Вдобавок к этому, присвоение имени Кадырова нарушает принятый еще в 1997 году московский городской закон «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена». Согласно этому документу, «присвоение улицам имен, фамилий известных жителей города Москвы, граждан России и зарубежных стран может производиться только новым улицам и по истечении не менее десяти лет со дня смерти указанных лиц». На улице была установлена памятная доска, которую охранял пост вооруженной милиции, так как желающих снести эту доску было более чем достаточно. Хотя пост не спас ни доску, ни таблички на домах с названием улицы. Времени от времени члены различных московских молодежных организаций их снимали и вывешивали на ограде Белого дома. Предлагаем Вам материал от руководителя организации «Красный Блицкриг». Напоминаем, что мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

17 декабря 2007 года на съезде партии «Единая Россия» нам удалось поговорить с Рамзаном Кадыровым. Это был подход к прессе, во время которого президент Чеченской республики получил вопрос в лоб: «В Москве периодически проходят митинги против существования в Южном Бутово улицы имени вашего отца. Ее предлагают переименовать в улицу Псковских десантников. Может быть, было бы правильно назвать именем Псковских десантников улицу в Грозном?» Интервью писалось на видео. Рамзан Кадыров пообещал так и сделать и выполнил свое обещание.

Делегация, прилетевшая в Чеченскую республику 23 февраля 2008 года на торжественное открытие улицы, состояла из четырех представителей 76 гвардейской десантно-штурмовой Черниговской Краснознаменной (Псковской) дивизии, во главе с заместителем командира дивизии Сергеем Бойко. Матерей погибших солдат не было, сказали, что они сами отказались лететь, но по слухам, им не советовали ехать, боялись провокаций. Был только отец погибшего десантника Владимира Швецова — Александр Швецов

Нас встретили прямо у трапа — около самолета стояло несколько личных автомобилей встречающих. Аэропорт в Грозном охраняется как стратегический объект, на двери висит табличка: «Вход провожающим и сотрудникам с оружием стро-

го воспрещен!», перечеркнутый автомат и фотография Рамзана Кадырова.

Ужин прошел в полной русско-чеченской идиллии, принимающая сторона вместе с нашими военными вспоминали ужасы войны, и вовсю ругали Ельцина. Позже часть делегации переместилась в один из номеров праздновать свой приезд.

После завтрака за нами прибыл кортеж, состоявший из Волг и джипа. В городе культ Кадыровых, Путина и «Единой

России». Куда ни глянь — везде огромные портреты, флаги партии власти и растяжки с рекламой выборов президента.

— Да за нас уже все выбрали, — делится со мной водитель Волги.

— А стопроцентная явка на думских выборах? — удивляюсь я.

— У нас на выборы никто не ходит, урны всегда пустые, нам все равно, кто будет президентом, лишь бы не стреляли.

— А Рамзан Кадыров?

— Он ничего, вот окружение хромает, а он доверчивый...

У меня не было возможности пообщаться с простыми людьми, только вот с водителем, но он мне напомнил обычного русского работягу, от которого ничего не зависит, и он это понимает — лишь бы не было войны. И против русских он не настроен, по крайней мере, ничего не имеет против гостей города, с удовольствием рассказывает о его истории и достопримечательностях.

Сначала нас привезли на площадь Минутка, где строится мечеть и стоит памятник Ахмату Кадырову. Оттуда повезли на улицу 84-х Псковских десантников.

Она находится почти в центре — в Старопромысловском районе. Среднего размера. На ней стоят отремонтированные дома. Много военных, охранников в штатском, много журналистов — все центральные каналы.

Присутствовали первые лица республики. Открывал мемориал президент Чечни, он плохо читал по бумажке. Складно у него получалось говорить только о своем народе, самом трудолюбивом и миролюбивом в мире. Закончил тем, что гордится своей нацией. С одной стороны, Кадыров сказал, что Псковские десантники — герои, которые защищали целостность государства, с другой, что бандиты — это не террористы, а те, кто воевал на стороне власти, что в то время была у руля в Кремле и развязала войну с Чечней.

Журналистам разрешили задать один вопрос, он звучал так: «Будут ли по вашей просьбе амнистированы все участники террористических операций?» Кадыров ответил, что это

Вне рубрик

решать президенту РФ, но он надеется на его понимание. «Эти ребята не виноваты, они были втянуты в войну и не понимали, что делают. Если бы не мой отец, я бы сам воевал на той стороне. Я думаю, что их посадили для того, чтобы ребята исправились. А теперь, я уверен, они смогут вернуться к нормальной жизни. Сегодня это та боевая единица, которая сможет защищать целостность России. У нас двенадцать лет безвластия, ноль образования и здравоохранения, это не наша вина, это вина тогдашнего федерального центра». Я хотела спросить про наших осужденных офицеров, но мне не дали слова.

Мемориальную плиту на улице Псковских десантников открывали Кадыров вместе с отцом погибшего десантника, теперь возле нее все время будет стоять караул с автоматами. К плите возложили цветы члены молодежного клуба «Патриот» в куртках с портретом Рамзана Кадырова на спине. Отец солдата был доволен, на груди его красовался значок «Единой России», он говорил о том, какой шикарный прием, и что тут он чувствует себя как на родной земле. Заверили, что все семьи погибших десантников получат по пятьдесят тысяч рублей.

Мне кажется, что больше всего был прав водитель Волги, который сказал: «Рамзан ничего, вот окружение хромает». Местная элита агрессивно встретила решение Кадырова назвать улицу именем Псковских десантников, недаром возле памятной плиты теперь все время будет стоять вооруженный караул. И просьба об амнистии чеченских бандитов и жаркие речи по поводу того, что чеченцы это самый великий народ — все это «заглажи-

вание вины» за наименование улицы перед чеченскими «патриотами».

Улицы Псковских десантников в Грозном — это, конечно, хорошо. Однако, разве власть не понимает, что такой несправедливостью как амнистия для чеченских участников террористических актов и в то же время уголовное преследование русских солдат, которые просто выполняли приказ, она разжигает рознь между нашими народами? Для чеченцев уже было 7 амнистий, теперь готовится еще одна. Нужно амнистировать и всех российских военнослужащих, иначе фиктивно прекращенная война никогда не закончится на самом деле. Потому что нельзя за счет одного народа одаривать благами другой, эта ситуация рано или поздно взорвется.

Нам хотелось бы спросить наших читателей, что они думают по поводу появления улицы Псковских десантников в Грозном и получения семьями погибших денег от чеченского руководства?